

ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

2/2021

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацера** (Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко** (Университет Аль Захра, Тегеран, Иран), д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), канд. филол. наук, доц. **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.В. Соснина**, канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Ilyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero** (Tula State University named after L.N. Tolstoy, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliiushchenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko** (Alzahra University, Tehran, Iran), Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Candidate of Philology, Associate Prof. **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.V. Sosnina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33. **E-mail:** terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, korobova.lat@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.00.00 – филологические науки; 19.00.00 – психологические науки. Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018).

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 5 от 29.06.2021 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2021

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 2/2021

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Норец М.В., Сёмченко Р.А.</i> Анализ жанровой структуры контркультурного романа Чака Паланика «Колыбельная»	5
<i>Фоменко В.Г.</i> Влияние цивилизационного процесса города и урбанизации на литературный процесс XIX в.	12
<i>Блюмина О.В.</i> Образ снега в лирике Николая Тряпкина	18
<i>Кудрейко И.А.</i> Синонимические ряды терминов родства восточнославянских языков	27
<i>Отин А.Е.</i> Концептосфера русской культуры: лингвистический и культурологический аспекты	33
<i>Ясинецкая Н.А., Немыкина Т.Н.</i> Метод фразеологического аналога как способ перевода английских паремий на русский язык (на материале художественных произведений)	40
<i>Войтенко Е.Ю.</i> Структура и семантика глагольных фразеологизмов, репрезентирующих природно-стихийный код культуры в английском и русском языках	48
<i>Гармаш Д.А.</i> Семантический объем понятия «ценность» в разноструктурных языках	55
<i>Дольнева В.В.</i> Литературное творчество Айрис Мёрдок в научном филологическом дискурсе	62
<i>Качмазова З.Н.</i> К определению понятия «коммуникативная практика информационной войны»	67
<i>Мамиева Б.Ю.</i> Контрманипуляция как коммуникативная практика	73
<i>Мифтахова О.В., Хадаева А.Ю.</i> Особенности вербализации концепта «война» (на базе романов А. Барбюса «Огонь» и Э.М. Ремарка «Возвращение»)	80

Рецензии

<i>Пономарева О.Б., Бакина А.Д., Скотникова А.Д.</i> Насущные проблемы современной фразеологии хрестоматийного свойства (рецензия на книгу Т.Н. Федуленковой «Фразеология: хрестоматия»)	87
<i>Федуленкова Т.Н., Бакина А.Д., Иванова А.В.</i> Имя в паремиях и идиомах (рецензия на книгу М.Л. Ковшовой «Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах»)	94

Психология

<i>Кацуро А.А.</i> Стрессоустойчивость и степень выраженности иррациональных установок студентов на начальном и завершающем этапах обучения в вузе	100
<i>Руденко С.В.</i> Психологические особенности семейного чтения	104
<i>Картузова Н.А.</i> Системный подход как методологическая основа исследования ресурсов личности	113
<i>Киселёва И.В.</i> Роль образного мышления в устойчивости личности	118
Правила для авторов	127

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 2/2021

CONTENTS

Philology

- Norets M.V., Semchenko R.A.* The ideological and content level analysis of Chuck Palahniuk's novel "Lullaby" 5
- Fomenko V.G.* Influence of civilizational development of city and urbanization on literary process in the XIXth century 12
- Blyumina O.V.* The image of snow in the lyrics of Nikolay Tryapkin 18
- Kudreiko I.A.* Synonymous series of terms of kinship in East Slavic languages 27
- Otina A.E.* Conceptual Sphere of Russian culture: linguistic and cultural aspects 33
- Yasinetskaya N.A., Nemykina T.N.* Method of phraseological analogue in translating English paroemias into Russian (based on fiction) 40
- Voitenko E.Yu.* Structure and semantics of English and Russian verbal phraseological units representing the cultural code "nature" 48
- Garmash D.A.* Semantic volume of the notion "value" in non-cognate languages 55
- Dolnieva V.V.* Iris Murdoch's literary works in philological discourse 62
- Kachmazova Z.N.* To the definition of the concept of «communicative practice of information war» 67
- Mamieva B.Yu* Counter-manipulation as a communicative practice 73
- Miftakhova O.V., Khadaeva A.Y.* Verbalization of concept «war» in the novels «Under Fire» by H. Barbusse and «The Road Back» by E.M. Remarque 80

Reviews

- Ponomareva O.B., Bakina A.D., Skotnikova A.D.* Urgent problems in modern phraseology of enduring properties (book review: T.N. Fedulenkova "Phraseology: a reader") 87
- 94

Fedulenkova T.N., Bakina A.D., Ivanova A.V. Name in paremias and idioms (review of the book by M.L. Kovshova “Dictionary of proper names in Russian riddles, proverbs, sayings and idioms”)

Psychology

<i>Katsero A.A.</i> Stress resistance and expression of students' irrational attitudes at initial and final stages of university training	100
<i>Rudenko S.V.</i> Psychological peculiarities of family reading	104
<i>Kartuzova N.A.</i> Systemic approach as a methodological basis for studying personal resources	113
<i>Kiseleva I.V.</i> Role of imaginative thinking in personality stability	118
Guidelines for authors	127

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82(091)

АНАЛИЗ ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЫ КОНТРАКУЛЬТУРНОГО РОМАНА ЧАКА ПАЛАНИКА «КОЛЫБЕЛЬНАЯ»

© 2021 М.В. Норец, Р.А. Сёмченко

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

В статье анализируется роман современного американского писателя Чака Паланика «Колыбельная» в контексте развития контркультурного романа. Рассматривается художественное сознание XXI века, ввиду изменения ценностных ориентиров и моральных устоев человечества.

Ключевые слова: контркультура, литература XXI века, современное сознание, маргинальные личности, саморазрушение, Чак Паланик.

Введение. Чарльз Майкл «Чак» Паланик успешно совмещает фриланс-журналистику и творчество. Труды Паланика, стоят в одном ряду с шедеврами таких писателей, как Дуглас Коупленд Брет, Истон Эллис Ирвин и Уэлш, что сделало его одним из самых популярных новеллистов Поколения Х. Он написал романы («Колыбельная», «Уцелевший», «Призраки»), получившие престижные награды. Писатель имеет свой особенный стиль, характеризующийся нелинейным повествованием, минимализмом, героями-маргиналами, ищущими своё место в жизни; повторением определённых строк на протяжении всего романа; едкой иронией, цинизмом и чёрным юмором [11].

Основная часть. Паланик – писатель, повергающий читателей в шок. Его книги не предназначены для искушённого читателя. В них мрачные и абсурдные теории, чёрный юмор, удивительные рассказы страдающих депрессией людей, много неприятных сцен и жестокости, сатирические истории ужасов. Матерные слова в тексте – это его стиль. Произведения Паланика предназначены, безусловно, для молодежи нового поколения, а также, для одиноких людей, ищущих своё место в жизни и лидера, за которым можно безропотно следовать.

Благодаря этому факту он органично вписывается в контркультурную литературу и становится ведущим писателем данного направления.

Наиболее репрезентативным, на наш взгляд, в данном контексте является роман «Колыбельная», как яркий образец контркультурной англоязычной литературы, который был опубликован в 2002 году. Причиной написания романа «Колыбельная» послужила трагическая смерть отца Паланика от рук бывшего любовника его жены Донны. В данной книге автор рассуждает о праве любого человека забирать чью-то жизнь по своему усмотрению. Все произведения данного направления пронизаны идеей саморазрушения, различаются лишь способы деструктивного воздействия на личность. Сам же Паланик называет этот стиль “Transgressive fiction” («трансгрессивная проза») [10].

Протагонистом романа является журналист **Карл Стрейтор**. Автор рисует его внешность с помощью Элен Гувер Бойль: «Коричневый спортивный пиджак. Коричневые брюки. Белая рубашка. И синий галстук. <...> Средних лет. Рост пять футов и десять дюймов, вес... фунтов сто семьдесят. Белый. Шатен, зеленые. <...> Прическа малость в беспорядке, и он сегодня не брился, но в целом вид у него безобидный» [19, с. 37]. Он

гордится не единожды полученным образованием репортера: «На факультете журналистики нас учили, что репортер должен быть как объектив фотокамеры. Вышколенный, объективный и беспристрастный профессионал. Нас учили, что то, что ты пишешь, – это всегда отдельно от тебя. Убийцы и репортеры взаимно исключают друг друга. О чем бы ты ни писал, ты пишешь не о *себе*» [19, с. 34]. Его любимое времяпрепровождение после окончания трудовых будней – это сбор макетов замков, коттеджей и простых домов без сопутствующей инструкции (предварительно выброшенной в темной комнате). Когда он заканчивает и дом в идеальном состоянии, то уже глубокая ночь. Казалось бы, что дело сделано, но нет. Его цель – не сбор зданий, а их крушение босой ногой со всей силы и не важно насколько это больно. Ведь таким способом он пытается забыть о потере дочери Катрин и жены Джинны. После их смерти он, оставаясь под подозрением в убийстве, меняет фамилию, место жительства, пытаясь забыть прошлое, но у него не получается это сделать, так как эти события в мельчайших деталях врезались в память. Самый первый макет частного владения, ставшего его жертвой, планировался в качестве подарка дочери на второй день её рождения. Они делали его с Джинной: «это был первый дом, который я растоптал. Наследство без наследника. Крошечные люстры, стеклянный огонь и расписанные тарелки. Они застряли у меня в подошвах, и вся дорога до аэропорта была усеяна дверцами, полками, стульями и окошками и полита кровью. Такой за мной протянулся след» [19, с. 240]. С того времени он избегает всяческого общения с внешним миром и с самим собой, испытывая, при этом чувство вины и глубочайшую депрессию. Будучи внимательным, но незаинтересованным наблюдателем он так и работает, потому что он репортёр. «Хороший способ забыть о целом – пристально рассмотреть детали. Хороший способ отгородиться от боли – сосредоточиться на мелочах. Вот так и надо смотреть на Бога. Как будто все хорошо» [19, с. 30]. Стрейтор обладает исключительной силой слова, которая способна убивать в прямом смысле этого слова.

С другой стороны, в романе выделяется яркая личность – хитрый риелтор **Элен Гувёр Бойль**. Она специализируется на домах, заселённых полтергейстом или призраками. Элен приобретает право на их продажу, что является прибыльным делом, поскольку хозяева домов меняются каждые несколько месяцев. Также она ходит в магазины со старинной мебелью царапает лакированные поверхности и откручивает им ручки и другие металлические части. В результате она приобретает мебель по её «истинной» цене и воссоединяет с утраченными частями. Мы можем себе представить её внешность из описания Карла Стрейтора: «Пять футов шесть дюймов – рост. Сто восемнадцать фунтов – вес. Сложно сказать, сколько ей может быть лет. Она такая худая, что она либо при смерти, либо очень богата. <...> Короткий пиджак облегает хрупкую талию, а широкие набивные плечи кажутся почти квадратными. Юбка короткая и обтягивающая. <...> Она носит кукольную одежду. Я смотрю на ее руку вблизи. Судя по этой руке, ей хорошо за тридцать. Может быть, даже чуть-чуть за сорок. <...> Ее кожа уже смотрится тщательно отшелушенной, протонизированной, увлажненной и вообще какой-то искусственной» [19, с. 39–41]. Ее волосы не одного определенного цвета, а розовые с оттенками персикового, красного и малинового. Она никогда не надевает одну и ту же одежду, и все время появляется в разных образах и цветовой гамме от белого до креветочно-розового, желтого, красного, цвета лаймовой начинки для пирога, голубого как яйцо дрозда. Она потеряла ребенка Патрика, а через год умер муж Джон. Она поднялась по карьерной лестнице от продавца-консультанта до риелтора. Элен, как и Карл, знает о силе заклинания и использует его в своих целях.

Антагонистом выступает влюбленная пара Мона Саббат и ее парень Устрица.

Монна Саббат молодая девушка, секретарь Элен Гувер Бойль. Автор изображает её следующим образом: «Тыльные стороны ее ладоней разрисованы замысловатым узором – ржаво-коричневой хной. Пальцы – даже большие пальцы – унизаны серебряными перстнями. На шее – многочисленные серебряные цепочки. Ядовито-оранжевое платье. Ткань на груди топорщится из-за многочисленных тяжелых кулонов, спрятанных под платье. Красные с черным дреды собраны в небрежный высокий пучок. <...> Глаза, похоже, янтарно-желтые. Лак на ногтях – черный. <...> Чуть выше выреза платья, над правой ключицей, я замечаю татуировку – три крошечные звездочки. Она сидит нога на ногу. Сидит босиком. У нее грязные ноги» [19, с. 89]. Раньше она была католичкой, а теперь она поклоняется языческому культу и проводит викканские церемонии. Ее викканское имя – Шелковица.

Устрица – парень Моны Саббат. «У него очень светлые волосы, они топорщатся во все стороны, как иголки на сосне, в которую ударила молния. У него тело как у подростка. Ноги и руки как будто все состоят из отдельных сегментов: массивные крепкие мышцы и узкие суставы – колени, локти, запястья» [19, с. 111]. Он вегетарианец, категорически против убийства любого животного и в то же время оправдывает убийство человека. Зарабатывает на жизнь, помещая однотипные антирекламные объявления в газеты, якобы собирая пострадавших для коллективного иска против какой-либо организации, будь то ресторан или бассейн неважно.

Повествование в романе ведётся от первого лица, благодаря этому мы проникаем в литературный мир героев. В «Колыбельной» речь идет о самоинтервью, с исповедальным репортажем отчаявшегося и потерявшегося человека. Не обходится Паланик без сторонней информации, добавляя в повествование энциклопедические справки о растительном мире Нового Света. Если же в «Бойцовском клубе» Паланик дает подробную инструкцию о возможности изготовления взрывчатых веществ из всех доступных ингредиентов, то здесь он предлагает вынести для себя полезные сведения об окружающей флоре. Паланик настолько органично поместил информацию в текст книги, что она воспринимается как часть целого.

Основное **событие** встречи протагониста и антагониста представлено автором в виде встречи Карла Стрейтора и Элен Гувер Бойль, которая происходит в очень красивом особняке Гартоллера на Уолкер-Ридж-драйв.

Причиной встречи послужила работа Карл Стрейтор над серией репортажей, касающихся Синдрома внезапной смерти младенцев (СМСМ). Они умирают в колыбельке без видимых причин. Как позже выясняет репортёр, причиной смерти является старинная африканская колыбельная из сборника «Стихи и потешки со всего мира». Эту песенку читали когда-то давно детям, раненым воинам, безнадежно больным, чтобы те умерли без мук. Песня не утратила свою силу до сих пор. Он нашел ее имя, когда просматривал судебно-медицинские протоколы за последние двадцать пять лет. Он пришел выяснить, читала ли она своему сыну Патрику эту песню вслух; а также, ему нужно собрать все экземпляры одной книги т.к. хочет ее уничтожить. Их встреча не принесла никакого результата. В следующий раз они встречаются уже в другом доме. Стрейтор уже успел воспользоваться песней и убил своего редактора Дункана. Теперь он попал в зависимость от этой песенки, состоящей из восьми строк находящейся на двадцать седьмой странице детской книжки. Элен также знает, о возможностях этого стиха. Она регулярно с его помощью убивает по заказу и получает хорошую прибыль. Теперь от «рук» Стрейтора гибнут люди, баюльная песня произносится рефлексивно, и, он практически не в силах с этим справиться. Теперь они оба зависимы, Элен и Карл единое целое.

Впервые Стрейтор встречается с Моной в офисе Бойль и он тут же раскрывает ей свою тайну, а она в свою очередь предлагает ему научиться контролировать силу и приглашает на викканскую церемонию, где он знакомится с Устрицей. Теперь они вчетвером нацелены уничтожить оставшиеся двести экземпляров книги «Сихи и потешки со всего света», а также начинают охоту за гримуаром. Они отправляются в путешествие по стране, постепенно объезжая штат за штатом. К тому же Карл часто представляет, что Элен его жена, Мона – дочь, а Устрица – сын.

Мотив у каждого свой. Карл Стрейтор хочет уничтожить чуму Гримуар. Элен Бойль мечтает воскресить своего сына и стать всемогущей. «Дело не в любви и ненависти, – говорит Элен. – Дело во власти. Ведь люди читают стишок вовсе не для того, чтобы убить своего ребенка. Им просто хочется, чтобы ребенок заснул. Им хочется взять над ним верх, хочется доминировать. Не важно, как сильно ты любишь кого-то, ты все равно хочешь сделать по-своему» [19, с. 165]. Что же касается Моны и Устрицы, то они мечтают стать новыми Адамом и Евой на нашей грешной земле. Мона говорит: «Как вы считаете, в том гримуаре есть заклинание, чтобы летать? Мне бы очень хотелось летать. Или заклинание, чтобы стать невидимым? <...> И еще я хочу разговаривать с животными. Да, и научиться телекинезу» [19, с. 165]. В противовес им всем Устрица «за то, чтобы все вообще уничтожить – и людей, и книги – и начать все заново. И чтобы главных не было» [19, с. 183]. И одновременно он не отделяет себя от Моны, считает их единым целым, обращаясь к ней как к первой женщине на Земле: «Ты идешь, Ева?» [19, с. 207]. Автор показывает нам, что власть развращает, а абсолютная власть в руках не идеальных персонажей уничтожает все вокруг.

Размышляя над убийствами, поисками «Книги теней» Карл успокаивает себя мыслью, что «я не один. У меня есть Элен. <...> У Элен Гувер Бойль есть я» [19, с. 153–154]. Мона в свою очередь пытается настроить Карла против Элен, то она говорит, что Элен хочет его убить, то якобы он ее не любит в действительности, а она его приворожила с помощью чар. Да и в отношениях с Устрицей не все гладко.

И как бы не было абсурдным, их цель, то ради чего они исколесили полстраны, всегда находилось рядом с ними – гримуар, он же записная книжка Элен.

В конце книги прибегнув к заклинанию контроля чужого тела, найденного в Гримуаре, Устрица вселяется в тело Элен и наносит ей раны, несовместимые с жизнью. Карл читает ей «баюльную песню», дабы освободить от страданий. После смерти благодаря заклинанию ее разум переселяется в ирландца-полицейского.

Параллельно основной линии изображаются события, происходящие в развязке книги – Карл Стрейтор и Сержант (полицейский, все та же Элен, только в другом теле) охотятся за Моной и Устрицей, пользующимися магией в своих целях. И, в конечном счете, можно сделать вывод, что Паланик оставляет концовку книги незавершенной, каждый додумывает ее сам. Ясно только одно: «Мы все одержимы. У каждого в жизни есть кто-то, кто никогда тебя не отпустит, и кто-то, кого никогда не отпустишь ты» [19, с. 285]. Так Карл и Элен не отпускают Мону и Устрицу.

Персонажная парадигма в романе носит биполярный характер. С одной стороны – Карл Стрейтор, Элен Гувер Бойль, с другой – Мона Саббат и ее парень Устрица. В этой книге нет просто персонажей. Каждый герой обладает набором характеристик, богатой биографией, привычками, обязательным скелетом в шкафу (иногда не одним), странностями, привязанностями. Особенностью данного романа является ярко выраженный контраст в изображении внешности, целей, образа жизни главных героев. Паланик населяет мир своего романа странными и омерзительными с эмоциональной точки зрения персонажами, внимательно работая над характером каждого из них. Паланик

как будто проводит невидимую нить и объединяет персонажей в единое целое, так работники журнала Дункан, Хандерсон, Олифант и библиотекарь обладают одними и теми же умственными способностями и в глазах Стрейтора никак не выделяются из толпы. Он думает, что они считают себя очень умными – точно также как и другие считают себя умными, поэтому при описании каждого из них в конце он как-бы вносит ремарку «пароль у него на компьютере – “пароль”» [19, с. 21, 50, 84, 170]. В оценке персонажей сквозь призму видения Стрейтора наблюдается та отчужденность, которая так свойственна контркультурной литературе: «Те немногие, кто меня знает, – все меня ненавидят. Мы все ненавидим друг друга. Мы все друг друга боимся. Весь мир – мне враг» [19, с. 263]. Он ненавидит свое руководство, Нэша, полицейского врача, который прибегает к баюльным чарам, удовлетворяя свои сексуальные желания. Врач все время ест, не моет голову, они у него сальные и он очень полный «да, я свинья, я знаю» [19, с. 61].

Сюжет романа основывается на расследовании смертей, начатом молодым журналистом. Причина – баюльная песня. В конечном итоге слова колыбельной становятся центром повествования, а события, происходящие вокруг нее, приобретают все более отталкивающий и пугающий характер. Сама же баюльная песня по своей сути всего лишь двигатель сюжета, как и шизофрения в «Бойцовском клубе», только Паланик говорит о гораздо более тревожных и личных вещах. В помощь ему приходит Большой Брат из прославленного романа Оруэлла «1984», «Джордж Оруэлл ошибался. Большой Брат не следит за тобой. Большой Брат поет и пляшет. <...> Он делает все, чтобы не дать тебе время задуматься. <...> Большой Брат следит, чтобы ты не отвлекался на что-то серьезное» [19, с. 27], или же «СМИ, наша культура – все откладывает яйца у меня под кожей. Большой Брат наполняет меня желанием удовлетворять потребности. Нужен ли мне большой дом, быстрый автомобиль, тысяча безотказных красоток для секса? Мне действительно все это нужно? Или меня так натаскали? Все это действительно лучше того, что у меня уже есть? Или меня просто так выдрессировали, чтобы мне было мало того, что у меня уже есть, чтобы это меня не устраивало? Может, я просто под властью чар, которые заставляют меня поверить, что человеку всегда всего мало?» [18, с. 256]. Отдельного внимания заслуживает вычурный рисунок «Колыбельной». Паланик использует несколько разновидностей подачи сюжета. Речь всегда идет исключительно о власти, исполняемой посредством СМИ, магии слова, всех управляемых органов Большого Брата, записи в «Книге Теней» (гримуаре, старой потрепанной книге обтянутой человеческой кожей с пентаграммой на обложке и заклетами внутри). О командовании на индивидуальном уровне, о борьбе за господство в общественном сознании, о неизменном конфликте между поколениями за власть.

Заключение. Паланик в «Колыбельной» не пугает нас террористами, политическими интригами, глобальными заговорами и прочими новомодными угрозами. В его произведении обыкновенный современный мир, обыкновенные люди, ни плохие, но и ни хорошие. Ежедневное окружение, к которому мы настолько привыкли, что совсем не обращаем на него внимания. А что если эта рутинная жизнь однажды нарушится? Что, если вдруг все обыденное и простое однажды станет смертельно опасным – например, слово? Нас ежесекундно окружают сотни и тысячи слов. Это телевизор, музыка, ругань, споры, светящиеся рекламные проспекты, надписи на упаковках, нескончаемый мысленный поток у каждого человека в голове. Трагическая перспектива. Сколько мы протянем? Минуту? Пять? Вряд ли больше. В итоге «Колыбельная» становится книгой, способной вдумчивому, внимательному читателю внушить неподдельный, настоящий ужас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук [Текст] / М.М. Бахтин. – Санкт-Петербург: Азбука, 2000. – 331 с.
2. Белоконь С.А. Особенности сюжетно-композиционной организации интертекстуального романа / С.А. Белоконь // Вестник ДонНУ. Сер.Д: Филология и психология. – 2019. – № 2. – С. 3–7.
3. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. Учебное пособие [Текст] / С.Н. Бройтман. – М.: РГГУ, 2001. – 320 с.
4. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины [Текст] : учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, С.Н. Бройтман и др. – М. : Высш. шк.; Академия, 2000. – 556 с.
5. Гривина В.С. Трансгрессия и контркультура в американском романе 1960-90-х годов (У. Берроуз, Ч. Паланик) [Электронный ресурс] / В.С. Гривина. – Режим доступа: <http://www.vestnik-philology.mgu.od.ua/archive/v8/v8-1/01.pdf> (дата обращения: 19.07.2020).
6. Ежова О.А. Контркультурные тенденции в современном социокультурном пространстве / О.А. Ежова // Ученые записки Орловского государственного университета. – № 6 (44). – 2011. – С. 126–132.
7. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. [Текст] / В.М. Жирмунский. – М.: Наука, 1977. – 378 с.
8. Лейдерман Н.Л. Теория жанра [Текст] / Н.Л. Лейдерман. – Екатеринбург : Словесник, 2010. – 904 с.
9. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэт. текста [Текст] / Ю.М. Лотман; М.Л. Гаспаров. – СПб. : Искусство-СПб, 1996. – 846 с.
10. Лушникова Г.И. Поэтика антимира в прозе Ч. Паланика / Г.И. Лушникова, Е.Р. Чемезова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 405. – С. 30–37.
11. Норец М.В. Авторские неологизмы в художественном тексте: способы образования и особенности перевода (на примере произведения Чака Паланика «Колыбельная» / М.В. Норец, Р.А. Сёмченко // Материалы II научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», 26–28 апреля 2018 года, г. Симферополь. – С. 420–424.
12. Овчинникова А.А. Контркультурные произведения как новая тенденция в англоязычной литературе / А.А. Овчинников // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XXX междунар. студ. науч.-практ. конф. – № 3(30). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://sibac.info/archive/guman/3\(30\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/3(30).pdf) (дата обращения: 27.05.2020).
13. Савицкая Т.Е. Инженеры современных душ. Знакомьтесь: Чак Паланик [Текст] / Т.Е. Савицкая // Обсерватория культуры. – 2007. – № 6. – С. 126–131.
14. Сёмченко Р.А. Роман Ч. Паланика "Колыбельная": от фиктивных угроз к проблемам постмодернистской действительности в художественном мире произведения / Р.А. Сёмченко // Успехи гуманитарных наук. – 2020. – № 3. – С. 238–243.
15. Сёмченко Р.А. Творческий процесс Ч. Паланика: от абстрактного представления к материальному воплощению / Р.А. Сёмченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 104–110.
16. Стамати В.В., Кораблев А.А. От насилия физического к насилию языковому / В.В. Стамати, А.А. Кораблев // В сборнике: Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы III Международной научной конференции. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. 2018. – С. 127–129.
17. Фёдоров В.В. Проблема внутреннего мира [Текст] / В.В. Фёдоров // Новый филологический вестник. – 2013. – № 3 (26). – С. 14–19.
18. Чак Паланик. – Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Паланик,_Чак (дата обращения: 27.05.2020).
19. Чак Паланик Колыбельная: [роман] / Чак Паланик [пер. с англ. Т.Ю. Покидаевой]. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 288 с.
20. Чемезова Е.Р. Отчужденная «Колыбельная» «Романтическому эгоисту» в одноимённых романах Ч. Паланика и Ф. Бегбедера / Е.Р. Чемезова // Література в контексті культури. – Вип. 25. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2014. – С. 166–173.
21. Чемезова Е.Р. Постмодернистская проблема сексуальности с точки зрения эпистемологии (на материале романов Ч. Паланика «Колыбельная» и Ф. Бегбедера «Романтический эгоист») / Е.Р. Чемезова // Материалы Всероссийской научной конференции «Ялтинские философские чтения». – Ялта, 2016. – С. 202–204.
22. Чемезова Е.Р. Эстетические «каноны» постмодернизма в творчестве Ч. Паланика (на примере романа «Колыбельная») / Е.Р. Чемезова // Развитие гуманитарных наук. Проблемы и перспективы. – Катовице: Diamond trading tour, 2012. – Ч. 5. – С. 27–29.

23. Шамина В.Б. Автобиографическое начало в творчестве Чака Паланика / В.Б. Шамина, А.И. Жолудь // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – № 4 (30). – С. 234–236.
24. Шамина В.Б. Чак Паланик – последний романтик постмодерна? / В.Б. Шамина // 11-th International Symposium/ Romanticism in Literature. On the Cross-road of Epochs and Cultures. – Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature, 2017. – С. 26–27.
25. Ashbaugh H. Chuck Palahniuk's Diary: American Horror, Gothic, and Beyond [Text] / H. Ashbaugh // Sacred and Immoral: on the Writings of Chuck Palahniuk. Ed. Jeffrey Sartain. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. – P. 124–146.
26. Bennett R. The Death of Sisyphus: Existential Literature and the Cultural Logic of Chuck Palahniuk's Fight Club [Text] / Robert Bennett // Stirrings Still: The International Journal of Existential Literature. – 2005. – V 2. – N 2. – P. 65–81.
27. Casado de Rocha A. Disease and Community in Chuck Palahniuk's Early Fiction [Text] / A. Casado de Rocha // Stirrings Still: The International Journal of Existential Literature. – 2005. – V 2. – N 2. – P. 105–116.
28. Collado-Rodriguez F. Chuck Palahniuk: Fight Club, Invisible Monsters, Choke [Text] / F. Collado-Rodriguez. – London, UK : Bloomsbury, 2013. – 215 p.
29. Hock Soon A. Muscular Existentialism in Chuck Palahniuk's Fight Club [Text] / A. Hock Soon Ng // Stirrings Still: The International Journal of Existential Literature. – 2005. – V 2. – N 2. – P. 116–139.
30. Keesey D. Understanding Chuck Palahniuk [Text] / D. Keesey. – Columbia, SC : The University of South Carolina Press. – 160 p.
31. McCracken D. Chuck Palahniuk, Parodist: Postmodern Irony in Six Transgressive Novels [Text] / D. McCracken. – North Carolina : McFarland, 2016. – 229 p.
32. Sartain J.A. "Even the Mona Lisa's Falling Apart": The Cultural Assimilation of Scientific Epistemologies in Palahniuk's Fiction [Text] / Jeffrey A. Sartain // Stirrings Still: The International Journal of Existential Literature. – 2005. – V 2. – N 2. – P. 25–48.
33. Shamina V.B. Russian Kinsmen of Chuck Palahniuk / V.B. Shamina, T.G. Prokhorova // World Literature Today (ONLINE JOURNAL). – Volume 88. – No. 6, November, 2014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldliteraturetoday.org/2014/november/russian-kinsmen-chuckpalahniuk-vera-shamina-tatyana-prokhorova#.VHb5odJdPk> (дата обращения: 20.12.2020).

Поступила в редакцию 15.01.2021 г.

THE IDEOLOGICAL AND CONTENT LEVEL ANALYSIS OF CHUCK PALAHNIUK'S NOVEL "LULLABY"

M.V. Norets, R.A. Semchenko

The article analyzes the novel of the contemporary American writer Chuck Palahniuk "Lullaby" in the context of the development of the countercultural novel. The art consciousness of the XXI century is considered due to changing morals and values of humanity.

Key words: counterculture, literature of the XXI century, modern consciousness, marginal personalities, self-destruction, Chuck Palahniuk.

Норец Максим Вадимович.

Доктор филологических наук, доцент.
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского».

Заведующий кафедрой теории и практики перевода Института филологии.

E-mail: mnorets@yandex.ru

Сёмченко Раиса Анатольевна.

Кандидат филологических наук.
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского».

Специалист кафедры теории и практики перевода.

E-mail: raisasemchenko@yandex.ru

Norets Maxim Vadimovich.

Doctor of Philology, Associate Professor.

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky.

Head of Department of Theory and Practice of Translation (Institute of Philology).

E-mail: mnorets@yandex.ru

Semchenko Raisa Anatol'evna.

Candidate of Philology.

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky.

Specialist of Department of Theory and Practice of Translation (Institute of Philology).

E-mail: raisasemchenko@yandex.ru

УДК 821.111 – 31.09:911.375

ВЛИЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА И УРБАНИЗАЦИИ НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС XIX В.

© 2021 В.Г. Фоменко

ГОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет»

В статье исследуется влияние цивилизационного развития города и процессов урбанизации на литературный процесс европейской литературы XIX начала XX века. Анализируются особенности изображения города, появление новых тем в литературе эпохи реализма.

Ключевые слова: исторический процесс, развитие города, урбанизация, литература.

Введение. В современном мировом литературном процессе рассмотрение всесторонних проблем человека смещается в плоскость города, мегаполиса. В центре внимания стоят вопросы роли и значения города в историческом развитии человечества. Исследователи полагают, что начиная со второй половины XIX в., стремительно развивается западноевропейская официальная историография, вследствие чего возникает новая городская история, культура, литература и прочее, что позволяет понимать город как воплощение крупных систем (цивилизаций, государств, обществ, способов производства). Человек – строитель города, в то же время город создает нового человека – горожанина. Тема значимости человека в городской среде является актуальной, ведь человек становится не только субъектом города и общества, он является творцом как собственной истории, так и истории, государства, нации.

Основная часть. Для понимания феномена города и воплощения его особенностей в литературе необходимо учитывать исторический, культурологический, социологический, экономический, географический факторы. «Существуют десятки определений города, в том числе в связи с изучением древних городов, известны различные подходы – морфологический, функциональный, функционально-генетический и т. д.» [8, с. 17]. Понятие «город» – многокомпонентная структура, состоящая из различных компонентов общественной, государственной, социально-экономической и другой жизни. Стремительный процесс развития исторических городов и появление новых дал толчок развитию урбанизации. «Урбанизация (от лат. urbanus – городской), процесс концентрации населения в городах, повышения их роли в социально-экономическом развитии общества, распространения городского образа жизни на всю сеть населённых мест» [9, с. 543]. Город может пониматься как «обязательный компонент организации социального пространства общества на большой дистанции исторической эволюции, дистанции, охватывающей разные по историческому уровню и социально-экономическому содержанию его состояния – в древности, средневековье, новом и новейшем времени» [8, с. 187]. В городе формировалось особое физическое и социальное пространство, пространство отношений, связей, систем и закономерностей. Эти связи и отношения, которые присущи были только городу, приобретали новый смысл, который и обеспечивал новые характеристики города. О. Шпенглер отмечает, что именно Гете дал определение понятия, что «всемирная литература: это ведущая литература мировых столиц, рядом с которой только с большим трудом утверждается прикрепленная к почве, однако малозначительная провинциальная литература» [11, с. 110]. Таким

образом, изменения, связанные с цивилизационным развитием человечества, предопределили ключевую роль городов в становлении новых социальных отношений. Именно в крупнейших городах XIX столетия сформировалось то специфическое пространство и те социальные институты, которые оказались столь значимыми в возникновении современных городов. Поэтому цель нашего исследования – проследить влияние исторического и цивилизационного развития города, процессов урбанизации на литературу XIX в.

В литературном процессе XIX в. формируется тема города как всеохватывающая. Западноевропейский роман этого периода с помощью выразительных средств «воспроизводит городскую среду чрезвычайно тщательно и детально, так что литература того времени фактически выполняет роль урбан-социологии в полном объеме» [6, с. 106]. В очерке «Париж в 1831 году» Бальзак обрисовывает новую буржуазную цивилизацию. Париж, как «город контрастов, накопление грязи, грязи и странных вещей, подлинного достоинства и посредственности, богатства и нищеты, шарлатанства и таланта, роскоши и нужды, добродетелей и порока, нравственности и распушенности» [2, с. 41]. В XVIII–XIX вв. Лондон, Париж, Рим приобретают особое символическое значение, как олицетворение образа бытия, культуры, моды, политики и тому подобное. В это время город приобретает характерные черты живого существа, он «часто становится выразителем самых интимных ожиданий и желаний главных героев, зеркалом разрушенных «Я». Город отражает внутренние, глубинные движения души, поднимает завесу, которая скрывает архетипы и личные мифы» [5, с. 104].

Вторая половина XIX в. обозначается стремительным процессом развития промышленных городов, урбанизации вызванным развитием капитализма и возникновением социальных проблем. Ф. Теннис, исследуя процесс развития промышленного города, отмечает, что фабричный город – «центр науки и образования, которые во всех направлениях развиваются одновременно с торговлей и промышленностью» [10, с. 131]. В этот период большую популярность приобретают произведения Э. Золя, который, по выражению Е. Ауэрбаха, «...писал романы не только о рабочих, как и Бальзак, а гораздо последовательнее и с подробностями он стремился охватить жизнь суток (второй империи) во всей совокупности – парижский люд, крестьян, театры, магазины, биржу и мн. др. Он стал специалистом во всем, углубился в вопросы социальной структуры и техники – в «Ругон-Маккары» вложено невероятное количество знаний и труда» [2, с. 506]. Также вторая половина XIX в. сказывается процессом активного развития реалистического литературного направления, который позволил всесторонне и масштабно воссоздать процессы и изменения в тогдашнем обществе. Появление в поле писательского зрения только контуров города и перенос в этот городок или город авторского наблюдательного «пункта» значило куда больше, чем переход от изображения крестьян к изображению рабочих, хотя они все принадлежали к преобладающей массе народа, за чьи интересы литература должна бороться. Х. Ортега-и-Гассет, определяя особенности развития общества XIX в., отмечает, что он был «революционным по сути. Век перелицевал общественную жизнь. Революция – не покушение на порядок, но внедрение нового порядка» [7, с. 50]. Сама полнота человеческой свободы в художественном мире предусматривала и предусматривает авторство не общенародного, а личностного уровня и навыков, а следовательно, и авторское право смотреть на жизнь с самых разных точек зрения, что и делала новая генерация писателей, первым шагом которой за пределы узко (то есть идейно-тематической традиции) был шаг в сторону города и урбанистики. Исследование и освещение развития городов и процессов урбанизации

позволяет осмыслить цивилизационные процессы и на их основе прогнозировать будущее: «Если до конца XIX века город воспринимался как особый целостный и самодостаточный организм в его самостоятельном исчислении, то в конце XIX – начале XX века характер оценки города, “через которую” осознавалась урбанизация, изменился» [8, с. 13].

«Городская» наука возглавила, и каждый последующий век углубляет, процесс цивилизационного самоанализа. Эпоха модерна уравнила настоящие художественные таланты, способные к воспроизводству «художественной правды», литературная топография которых уже или перестала ориентироваться исключительно на село, или и вовсе от него отделилась. Как следствие этого, значительно поменялась сама литературная речь, которая трудно, но последовательно впитывала в себя каждый раз большее число понятий, слов, мыслительных изменений.

XIX в. обострил интерес к городу. В особенности это следует сказать относительно внутренней жизни города, где писатели черпали разнообразный и выразительный материал. Художественная литература, чутко реагирующая на биение пульса жизни, создала в этот период целую серию произведений, посвященных описанию жизни городов, как мощных социальных организмов, полных внутренних противоречий и борьбы. Лесажа в своем «Хромом бесе» пытался заглянуть во внутреннюю жизнь города и заставляет своего «беса» чудесным образом приподнять крыши домов и подсмотреть, что делается там «внутри домов», теснящихся среди кривых улиц, сжатых стенами старого Парижа. Конечно, хромой бес мог показать только то, что могло интересовать французское общество XVIII в. Не его ли вспомнила группа писателей в середине XIX в., когда выпустила в свет интересно иллюстрированную книгу под странным названием: «Бес в Париже». В ней мы встречаем имена французских писателей: Ж. Санд, Бальзак, Альфред де Мюссе, Теофиль Готье, Жерар де Нерваль и др. В центре внимания быт города. Здесь мы найдем: «Общий взгляд на Париж», «Парижский климат», «Парижский свет и светские люди», «Умственные работники, или о тех, которые не обедают», «Эскиз гризетки», «Неделя из жизни парижской работницы» и много других очерков с заманчивыми заглавиями. Есть там и статья Бальзака «История и физиология Парижских бульваров». Вероятно, эта статья подала мысль группе русских писателей назвать свой сборник аналогичного содержания, посвященный Северной Пальмире, «Физиологией Петербурга». Этот сборник вышел в двух частях в 40-х гг. XIX в. под редакцией Н. Некрасова, одного из наиболее чутких к жизни города русских поэтов. Сюда вошли: статьи Белинского, Григоровича, Панаева и др. Их заглавия напоминают содержание французского прототипа: «Петербургский шарманщик», «Чиновник», «Омнибус», «Петербургские углы» и др. Оба сборника стремятся отразить жизнь города как можно полнее. Они выдвигают вопросы социального и экономического характера. В центре их внимания – быт города. Появление этих сборников в первой половине XIX в. – явление знаменательное. В Париже завершался процесс трансформации города капиталистического типа, в Петербурге он уже намечался. Интерес к жизни среднего горожанина стоял в порядке дня [1, с. 127].

Темы города все более и более завоевывают литературу. В Англии еще до появления этих сборников, как в стране в экономическом отношении наиболее передовой, проявился интерес к жизни города как социального организма. Наиболее глубоко и полно его выразил Ч. Диккенс. Во Франции мы отметим как представителя этого течения в литературе уже упомянутого Бальзака. Наиболее продуманно, с приемами ученого исследователя, наиболее систематически раскрыл картину жизни

города Э. Золя; в своих писаниях он стремился следовать приемам голландских и фламандских живописцев. Из русских писателей должно отметить наряду с этим великим именем – Достоевского [1, с. 151].

Город и цивилизация – однокоренные слова в переводе с латинского и английского («civis – civil – city – civilization»). Образ города имеет многоплановый характер: исторический, архитектурный, градостроительный, литературный и т.д. Город формирует свой неповторимый, уникальный образ и создает единство пространства и времени. С середины XIX века в европейской культуре появляются кризисные явления, отмеченные настроением неприятия жизни, безнадежностью и индивидуализмом. Они затрагивают преимущественно сферу искусства. Духовный кризис вырастает на волне экономического прогресса восходящего капитализма вследствие углубления утилитаризма и прагматизма, роста бездуховности и дальнейшей фальсификации ценностей. Постепенно осознается беспочвенность прежнего идеала духовно богатой личности и происходит разложение романтического идеала. Одновременно прогресс, требующий инициативной личности, приносит чувство отчуждения от социального целого, что в духовной сфере создает видимость обособления индивида и порождает иллюзию о том, что достижение индивидуальной свободы возможно если не в творчестве, то в независимости от общества. Буржуазный прогресс выдвинул на первый план экономическую заинтересованность и сделал неизбежной столкновение своекорыстных интересов инициативных людей. Историческими событиями создавшими кризисные явления, стало поражение буржуазной революции во Франции и Германии в 1848 году, поражение Парижской коммуны в 1871 году, резкое обострение классовой борьбы на рубеже XIX – XX вв. В европейской литературе Э. Верхарн создал образ нового города, – города, залитого электрическим светом, изобретенного трамваями и автомобилями, с небом, застанным паутиной телеграфных и телефонных проводов, с дымными вокзалами по окраинам. В сборниках «Обезумевшие деревни» (1893), «Города-спруты» (1895) – передается ощущение губительности для современной цивилизации социальных контрастов (город-деревня). Поэт изобразил образ многоликого чудовища, которое, «далеко щупальца-присоски простирая, людей из деревень притягивает и вбирает». Город-спрут – это «машины корпусов фабричных», где «вдали от солнца в духоте томятся люди в страшной маете: обрывки жизней на зубцах металла, обрывки тел в решетках нищеты». Город – это пространство, где можно все продать и купить, даже то, что не может быть товаром: красоту, любовь, искусство («Торжище», «Зрелища», «Скользкие в ночи»). В тоже время город – это среда «гордых рабочих рук», «готовность к поискам и бунтам». Осуществление «вековой мечты о мире добра, красоты» он связывал с революционным порывом народных масс, когда «мятеж взрывает столетия и годы».

Городская проблематика в произведениях конца XIX – начала XX вв. В. Вулф, Г. Лоуренса, Дж. Джойса будто является воплощением страха перед дегуманизацией человека и общества в ходе научно-технических достижений. Малькольм Брэдбери, исследуя особенности творческой манеры В. Вулф, отмечал, что восприятие Лондона автор передает глазами героя романа Питера Уолта, когда он слоняется по улицам города после долгого отсутствия: «Он снова находит Лондон – тот, которым Лондон стал после войны, бродя по городу днем, ночью всасывая образы его урбанистической

красоты: прямые улицы, освещаемые окна, «сокровенное ощущение радости» [4, с. 266]. Писательница использует замечательный прием – восприятие города человеком после длительного отсутствия.

Классик английского модернизма Джеймс Джойс начинал свою творческую деятельность как поэт-урбанист. В сборнике коротких урбанистических рассказов «Дублинцы» жизнь города подается на уровне существования человека, которая не способна изменить собственную судьбу: «Жизнь Дублина, доведенная в рассказах Джойса до уровня символа человеческого существования, оцепеневшего и нелепого, что ожидает своей участи, и полностью лишённого способности к действию» [5, с. 298]. Вершина творчества писателя – роман «Улисс» (1922), наполненный жизнью Дублина, что в произведении сопоставляется с миром, которым странствует человек. Роман может быть также и путеводителем по тогдашнему Дублину, ибо в нем воспроизведены описания и названия общественных организаций, учреждений, улиц и т. п. Э. Ауэрбах, анализируя роман «Улисс», акцентировал внимание на том, что «все существенные мотивы психологической истории Европы, содержащиеся в произведении, хотя речь идет об очень особых людях и о времени, которое совершенно точно зафиксировано, – Дублин, 16 июня 1904 года» [2, с. 536]. Ауэрбах далее отмечает, что В. Вулф и Д. Джойс используют незначительные жизненные моменты для погружения во внутреннее сознание, в глубину часового фона: «Колоссальный роман Джеймса Джойса – целая энциклопедия, зеркало Дублина, Ирландии и всей Европы, целых тысячелетий, а рамка романа – рядовой день из жизни учителя гимназии и расклейщика объявлений» [2, с. 539].

Сложность прослеживания городского дискурса в литературе XIX в. имеет много предпосылок, нюансов и имманентно коллизионных теоретико-литературных проблем, которые усиливаются еще и тем, что не все из них в достаточной степени отрефлексированы. Среди многих содержательных направлений литературоведческая мысль в период XIX в., наиболее развивает художественное освоение городского пространства и городского образа жизни. Городская литература формируется в условиях городской культуры, которая является результатом мировоззренческого осмысления действительности и деятельности по воспроизведению социального образа жизни, в котором можно выделить процесс самореализации человека, предметные структуры и культурно-исторические универсалии.

Заключение. Адекватность воссоздания города в литературе XIX в. заключается в постижении его универсальности, требующей стиливого разнообразия, различных художественных систем, художественных методов, литературной проблематики, что станет предметом наших дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга (сборник) / Н.П. Анциферов. – М.: «РИПОЛ-КЛАССИК», 2014. – 217 с.
2. Ауэрбах Э. Мимесис: Изображение действительности в западно-европейской литературе / Э. Ауэрбах ; пер. с нем. – М. : Прогресс, 1976. – 550 с.
3. Бальзак О. Париж в 1831 году / Оноре де Бальзак. – М. : Худож. лит., 1955. – 547 с.
4. Брэдбери М. Три эссе. Вирджиния Вулф / М. Брэдбери // Иностранная литература. – 2002. – № 12. – С. 266–271.
5. Венедиктова Т. Город как дискурс / Т. Венедиктова, Т. Боровинская, Е. Кулик // Вестник Московского университета. Сер. филология. – 2004. – № 3. – С. 98–111.
6. Глазычев В.Л. Урбанистика / В.Л. Глазычев. – М. : Издательство «Европа», КДУ, 2017. – 228 с.

7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 509 с.
8. Сайко Э.В. Урбанизация – явление и процесс исторического развития / Э.В. Сайко // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. – М. : Правда, 2001. – С. 11–46.
9. Современный словарь иноязычных слов / укл.: О.И. Скопненко, Т. В. Цимбалюк. – К. : Доверие, 2006. – 789 с.
10. Теннис Ф. Общность и общество / Ф. Теннис. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2002. – 627 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – М.: Эксмо, 2006. – 800 с.

Поступила в редакцию 31.01.2021 г.

INFLUENCE OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF CITY AND URBANIZATION ON LITERARY PROCESS IN THE XIX-TH CENTURY

V.G. Fomenko

The article deals with the influence of the civilizational development of the city and the processes of urbanization on the literary process of European literature in the 19th and early 20th centuries. The peculiarities of the city depiction, the emergence of new themes in the literature of the era of realism are analyzed.

Key words: historical process, city development, urbanization, literature.

Фоменко Вера Григорьевна.

Доктор филологических наук, профессор.

Луганский государственный аграрный университет.

Профессор кафедры филологических дисциплин.

E-mail: professor_fomenko@mail.ru

Fomenko Vera Grigoryevna.

Doctor of Philology, Professor.

Lugansk State Agrarian University.

Professor at Department of Philological Disciplines.

E-mail: professor_fomenko@mail.ru

ОБРАЗ СНЕГА В ЛИРИКЕ НИКОЛАЯ ТРЯПКИНА

© 2021 О.В. Блюмина

АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет (МФЮА)»

В статье рассматривается образ снега как один из ключевых образов, эксплицирующих авторскую модель мира в творчестве Николая Тряпкина. Контекстное воплощение реалии снег, характерного природного явления России, развивает как традиционные поэтические формулы, так и народные.

Ключевые слова: антиномичность образа снега, мотив воскресения, русская языковая картина мира.

Татьяна Хриптулова справедливо замечает, что «русская литература в силу своего реалистического национального характера всегда была близка к природе, горячо вдохновлялась ею и воссоздавала её во всей поэтической глубине и красочности» [10] и далее уже о Тряпкине: «природа рождает у поэта ассоциации, подобно тем, какие возникают у творцов народного искусства», «но обычно связь с традициями фольклора опосредована, её вещественные признаки прошли определённый курс перекодировки» [10].

Естественно, что снег в многочисленности метафорических связей входит в смысловое поле **зимы**. В стихотворении «**Вчера, наконец, замолчало гумно**» зима и **снег** выступают смысловой и образной рамкой произведения и двигателем сюжетного действия. С первых же строк стихотворения мы видим регулярно воспроизводимую в тряпкинской поэтической реальности неразрывность крестьянской жизни с жизнью природы: *Вчера, наконец, замолчало гумно / И зимнюю раму я вставил в окно, / А облако стужей пахнуло – и вот / Затмился на речке мерцающий лёд*, обусловленность жизненного цикла сменой цикла природы, углублённая в дальнейшем повествовании слиянием с мифопоэтическим (*И в ночь Зимогор на село прискакал*) и с атрибутикой современности (*Метель-бородица – во весь сельсовет*). Принципиальную смысловую значимость в мотиве единства природы и человека получает понимание гармоничности этого единства, не подчинённость и «не растворение в природе» [5], а соработничество, взаимодействие. Конечно, такое абсолютное слияние – постоянное качество идеальной, словесной действительности. Вчерашней и опозитизированной. Природа постепенным своим приближением не помешала завершению крестьянских работ: *Затмился на речке мерцающий лёд // Возили машиной тугие мешки, / Басили, на небо смотря, мужики, / Что к вечеру белых вот мух ожидай, Что впору прибрали к рукам урожай*. То есть зима дождалась окончания работного сезона и только потом *берег сугробы сравняли с рекой!*

Каждая деталь пространства осмыслена широким спектром разнонаправленных индивидуальных ассоциаций слова **снег**.

*Вчера, наконец, замолчало гумно
И зимнюю раму я вставил в окно,
А облако стужей пахнуло – и вот
Затмился на речке мерцающий лёд.
Возили машиной тугие мешки,*

*Басили, на небо смотря, мужики,
 Что к вечеру белых вот мух ожидай,
 Что впору прибрали к рукам урожай.
 Ледок суховато хрустел под стопой.
 По крышам ледовой стучало крупной.
 И в ночь Зимогор на село прискакал,
 И первым из первых то сторож видал.
 – В санях, – говорит, – сам под тысячу лет,
 Метель-бородица – во весь сельсовет. –
 Поутру хозяйки пошли за водой,
 Глядь – берег сугробы сравнивали с рекой!
 Что ж, в нашем краю, где сугробам простор,
 Худого двора не завёл Зимогор:
 В сусеки обочин, в лари котловин
 Он сыплет пишено первосортных снежин,
 Промял первопуток в районный Совет
 И пса запускает на заячий след...
 Белеет дорога чрез маленький мост.
 По ней из села выезжает обоз, –
 В нагольных тулупах, раздув чубуки,
 Поехали в лес на сезон мужики.
 А в нашей деревне по этой поре
 Хозяюшки треплют кудель во дворе,
 И белые букли махров костряных,
 Как снежные хлопья, ложатся на них.*

После непрямого перифрастического упоминания о приходе зимы – *зимнюю раму я вставил в окно* – сначала в комнату проникает дыхание зимы – *облако стужей пахнуло*. После этого герой обращает внимание на то, что *затмился на речке мерцающий лёд*, то есть за пределами помещения, вокруг. И больше уже герой не смотрит на зиму из дома.

Однако приход зимы – событие, которое наступает только после того, как наконец, *замолчало гумно*, то есть закончилась молотьба, и морозов теперь можно не бояться. Крестьянин прислушивается к природе: *Басили, на небо смотря, мужики, / Что к вечеру белых вот мух ожидай* (традиционное народное персонифицированное обозначения снега), и природа в свою очередь не нарушает правил игры: *И в ночь Зимогор на село прискакал*. Не случайно зима представлена в стихотворении антропоморфно, через исконный мифологический персонаж. Символика снега не просто пронизывает стихотворение, но создаёт сюжетное движение: всё, что делает человек и делает зима, можно описать одинаковыми словами: *Худого двора не завёл Зимогор: / В сусеки обочин, в лари котловин / Он сыплет пишено первосортных снежин, по крышам ледовой стучало крупной*. Он же *промял первопуток в районный совет*. Олицетворение зимы (Зимогор) даёт дополнительное основание для сопоставления человека и природы, которое и определяет особенности фабулы стихотворения. Если вынуть из стихотворения образ зимы и самый характерный её атрибут, снег, то фабула исчезнет.

Сравнение нерукотворного и рукотворного в конце стихотворения: **снежных хлопьев с куделью и белыми буклями махров** последним штрихом оформляет концептуальную целостность русского природно-крестьянского мира.

Снег в стихотворении в первую очередь структурирует поэтическое пространство. Подчас становясь самым пространством: *Глядь – берег сугробы сравняли с рекой! / Что ж, в нашем краю, где сугробам простор...* Пространство увеличивается, раздвигается до неразличимости ландшафтных границ. И сразу рельефнее проступает ощущение необозримости простора, покрытого снегом. И **первопутюк**, и **дорога**, которая **белеет**, и **мерцающий на речке лёд**, и даже **хрустящий под стопой ледок** на зимних дорогах – всё это, созданное и детализированное пространство, большое и малое.

Необходимо выделить ассоциативную параллельную символику в творчестве поэта: **снег – Россия, снег – Родина**. Впрочем, для Николая Тряпкина наименования **Родина** и **Россия** практически не имеют коннотационных расхождений, как, например, в поэзии эмигрантов первой волны, для которых понятия России и Родины не всегда совпадали, во всяком случае, компонента значения лексемы **родина** – «объект, по отношению к которому испытываешь ностальгию, тоску», сущностного для творчества этих поэтов, у Николая Ивановича не было совсем, поскольку Россию он не покидал никогда.

На наш взгляд, в основе образования данных ассоциативных пар лежат не физические ощущения (холодный), а ценностный, мифологический и культурно-исторический факторы. И базовой, как нам кажется, будет семантика белого цвета как культурно-маркированного, принадлежащего к одному из «особенно важных для русского этноязыкового сознания цветообозначений» [1], поскольку у «славян свой этнический цвет – белый» [6], судя по всему, древние, исконные смыслы лексемы «белый» имели оценочное значение, поскольку **белый** этимологически восходит к индоевропейской основе *bhel- 'быть ярким, светлым, сиять, блеснуть' или *sveit- (др.-инд. sveta) 'свет, светлый, белый'» [11], таким образом, стилистически нейтральный в современном русском языке колоратив **белый**, в поэтической речи возрождает свою исконную оценочность, поскольку истоком семантики цвета является семантика света. А свет, солнечный свет, издавна выступает мерилем благости у славян, с представлениями о солнечном свете естественно сочеталась идея красоты.

Что ж, в нашем краю, где сугробам простор («Вчера, наконец, замолчало гумно») – образ России просматривается в антиномичном обороте *сугробам простор*. И сугробы, и простор суть узнаваемые приметы Руси. Подчёркивая взаимосвязь русского характера с особенностями русского природного ландшафта. академик Д.С. Лихачёв писал: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских <...> Русское понятие храбрости – это удаль, а удаль – это храбрость в широком движении. Это храбрость, умноженная на простор для выявления этой храбрости» [2]. Совмещённые предметное и абстрактное значения раскрывают через два кода: цветовой / световой, – **белый** и предметный – **снег**, одновременно и внешний (характерный) и внутренний (оценочный) смыслы пространства. Такое **пространство**, тождественное **простору**, не может быть ничем иным. кроме России. Линия **снег-Россия-простор** составляют поэтическое ядро в стихотворении «Сказ»: *Ты гуляй – не гуляй, ветер северный, / По Руси по великой, по северной! / Всех снегов по Двине ты не выметешь, / Всех деревьев по Суре ты не выломашь*. Снег как прототипический объект белого цвета в этой триаде выполняет, по-видимому, функцию, задающую оценочный знак, поэтому в ассоциативной паре **снег-простор** второй член, получая положительную коннотацию от постоянного соседства с лексемой «снег», переходит в

разряд категорий духовного порядка, образуя устойчивый воспроизводимый образ **снег-простор, простор-Россия, снег-Россия**. В этом стихотворении образ снега амбивалентен: вначале снег создаёт эффект визуализации величия и неоглядности родины, опредмечивает отвлечённые представления – *Всех снегов по Двине ты не выметешь, И всех ног вдоль дорог, под буранами, Не оставишь седыми курганами!*, ведь даже ветер, вольно веющий по Руси – невидим. В конце же снег символизирует забвение, но в слове **запорошенный** семантика ветра заполняет контекстные локусы – именно так мотив забвения прирастает значением модальности, допустимости-недопустимости: *Может, здесь покачнусь запорошенный*. Лёгкость отношения к неизбежному продиктована внутренним исконным национальным мироощущением, забытьё по-русски, можно сказать. Это та самая «храбрость, помноженная на простор», о которой говорил академик Лихачёв, **удаль**, мотивирующая оптимистическое приятие жизни. *Такой-рассякой необузданный*, гульнувший *островами Буянами* русский человек, *зелёный, некошенный*, готов **завалиться** не живым и не узнанным, хотя это совсем не обязательно с ним произойдёт. Лёгкость бытия усиливается грамматически уменьшительными народными словоформами *А мои-то и вовсе легошеньки, / Потому что голым-то голёшеньки!* Итак, ассоциативная связка **снег-Россия-ветер-простор** выступает композиционным ядром в стихотворении «Сказ», ключевым в которой представляется образ ветра (*гуляй – не гуляй, ветер северный, Всех снегов по Двине ты не выметешь, Ты же дуй и колдуй, ветер северный, / По Руси по великой, по северной*), а вот развитие оценочности движется уже по снежной линии стихотворения.

Снег как постоянный знак особого заповедного пространства, видимого не только внешним, но и внутренним зрением, продолжает воплощение пространственных ассоциативных линий в стихотворении «Желание»: *Я уйду по снегам за далёкую Пинегу / В белый сумрак великих лесов; Говорят, что на Цильме за снежными стрехами / Загорается звёздный Олень / И разгульные санки с ночными потехами / За Печору летят и Мезень*. Всё действие стихотворения представлено как желаемое глаголами только будущего времени, желание приравняется к мечте. А сама мечта находится в далёком заснеженном междуречье: *в сугробных излуцинах*. Приближение к пониманию заповедности, даже сакральности, базируется в первую очередь на архетипическом знании того, что Рай тоже находится где-то в междуречье, правда совсем других рек, тёплых. И эта оппозиция тоже не случайна: ощущение зимы, снежных контуров, снежных игр (*завьюженным хвойникам, за снежными стрехами, разгульные санки с ночными потехами*) подчёркивает достижимость мечты, это тоже Рай, но обетованный, свой, не тождественный тому, неведомому, нематериальному Раю. С этой землёй, где *говорят, загорается Звёздный Олень*, человек может соединиться здесь и сейчас, здесь и сейчас, в этом краю он обретёт гармонию и возродится: *Я дождусь несказанной весны / И спою вам слова, что, как жизнь, заполучены / У лесной тишины*.

Вот, как образ снега сближает два пространства в стихотворении «А на улице снег...»: *А за окнами – снег. А за окнами – снег. / А за окнами – снег, снег. / Из-за тысячи гор. Из-за тысячи рек. / Заколдованный снег, снег...* За окнами рассказчика и из-за тысячи гор не просто **снег**, а один и тот же **снег**, не одинаковый, а тот же самый – **заколдованный**. В этом стихотворении горизонталь, которая представляет собой межпространственную линию, – близкое (видимое) – далёкое (невидимое, таинственное) пересекает вертикаль: *А над срубам – снег, снег... / Сколько всяких там гор! Сколько всяких там рек! / А над ними всё – снег, снег...* Именно этот, снег *из-за тысячи рек*, сблизив два полюса поднебесья, засыпает деревню.

Но есть ещё одно, всё покрывающее пространство, регулярно воспроизводимое в ассоциативной паре с постоянным компонентом **снег** в поэтической реальности Николая Тряпкина... **Космичность** поэзии Николая Тряпкина, впервые отмеченная Вадимом Кожиновым, не раз попадала в поле зрения исследователей творчества поэта (Светлана Николаева, Дмитрий Псурцев, Татьяна Хриптулова и др). Нельзя не согласиться со Светланой Николаевой, что «органическая связь земного и небесного, бренного и вечного, телесного и духовного становится законом художественного мира поэта» [4]. Только, на наш взгляд, слияние земного и вселенского происходит у Николая Тряпкина всё-таки на национальной почве, на глубокой впаянности в русско-культурное древнее, мифологическое мироощущение. И «вселенная, явленная не отдельно от человека <...>, а в каждом живом существе...» [4], о которой говорит С. Николаева, – это космос над головой **русского** человека и увиденный глазами **русского** человека Вселенная эта начинается прямо *за дверью, где звёздный сугроб* («Пижма»). Так явлено единство вселенского, прошлого, настоящего и будущего, личного и исторического, привычного, обыденного и идеального: *А небо, как шуба, у самых ворот / Заглохшей порою к земле припадёт* («Снег»). Не случайно *серебристая дорога* поднимается *вверх* под сумеречным пологом по *снегу да лунному порошку*. Вообще, очень часто белая, заснеженная дорога в стихотворениях Николая Тряпкина ведёт в небо, и выше – в космические дали: *А дорога вверх под сумеречным пологом / Продолжает свой медлительный подъём, / Хорошо бы там с кочующим геологом / Развести костёр на облаке ночном. // Лес да горы, снег да пропасти отвесные. / Не боюсь тропой рискованной пройти. / Вот ступлю на ту хребтину поднебесную – / И пойду уже по Млечному Пути* («Дорога»).

В последних строках стихотворения «Никогда я бродить не устану», первый снег опускается с неба, *с перелётов гусиных*, что усиливает связь образа **снега** с **Россией**, родиной – **источником** вдохновения, корнем духовной жизни **поэта**. В стихотворении «Дорога» виден лик Родины сквозь многочисленные снежные ипостаси: *вьюги* ходят над слободкой, / В рога полные трубы. // И всё поют свои *былины*, / И всё – на *вятском языке*. / И стелют *пышные перины* / Для *тех, кто где-то вдалеке*. / И при огарочно мерцанье / Они плетут, как невода, / *Мои волшебные сказанья*, / *Что лягут в сердце навсегда*. («Дорога»).

Таким образом, не только снег: *Ой, земля! За горбы снеговые / Ты навстречу ко мне поспеши* («Запев»), но **первый** снег, первопут, первая чистая страница прочно соединяется с образом Родины, **России**. Вот стихотворение «Рейд» о сельских корреспондентах: узлы сюжета в нём нанизаны на образы снега и вообще, зимние мотивы ведут повествование в произведении: *Свежий снежок / Притоптали селькоры; Жмурятся, стоя, / На снежные скаты; Замерли вехи / Заснеженной веткой, Белые вехи / Бегут по России*. И страничка в блокноте не просто белая, а заснеженная полянка: *А карандашик, / Дождавшись работы, / Ходит по белой / Полянке блокнота*. Покрытая снегом среднерусская равнина, на неё ложится первый шаг, первая строка: *И слова мои – в рост. / И страда моя – в рост* («А на улице снег...»), *Я прочту эти заструги синие, / Распознаю снегов забытьё* («Заструги»).

Зима и снег, как её неперемный и главный атрибут, в русском языковом сознании соединяется в лирике Николая Ивановича с ожиданием весны, обязательным продолжением зимнего периода: *в снегах бесконечных ночей / Зацветают цветы*. («Белая тучка»). И не просто ожиданием, а предчувствием весны наполнены многие стихотворения поэта. Как будто в сердцевине, в корне самой сути зимы заложена эта надежда и это желание, жизни росток. Сам приход зимы уже содержит в себе мотив

возвращения к жизни: *В синем сиянии снежных иголок <...> Радует близость весны* («Накануне»), *пускай затеряюсь в сугробных излучинах, – / Я дожждусь несказанной весны* («Желание»), *За снегами, лесами, за тысячью вёрст – <...> Мы дожждёмся весенних, раскатистых гроз* («Сколько вьюг прошумело»). Развёртывание образа в данном контексте происходит одновременно по нескольким направлениям. Семантическая основа белого как светлого (см. выше) позволяет включить и лексему **весна** в ряд **снег-исток-первоисток / весна-первоисток творчества-творчество**, актуализируя ещё одно архаическое ядро образа **снег-забытьё, сон**, которое в свою очередь связано с традиционным поэтическим **снег-покрывало, пелена**, и становится необходимым условием для следующего образного слоя: **зарождение творчества – А навстречу – снега да холмы <...> И рождается свет, / Пред которым зажмуримся мы – / И спойм свою песнь** («Белая тучка»), *В синем сиянии снежных иголок <...> Радует близость весны* («Накануне»), *Горят алмазы в садах зимы. / Но это знаем лишь только мы...* («Песнь о зимнем лесе»), *Мы услышим, как бьётся в снегах, и полусне, / Изначальный родник* («Сколько вьюг прошумело»), *Буду в снежную полночь веснянку слагать* («Пожалею забытую зорьку мою»). А одно из условий, вследствие которого в снегах зарождается **изначальный родник поэзии**, связано ещё с одним мотивом, в полной мере реализованным в таких, например, строках: *А вылезешь к свету – невольно / прикроешь глаза: / Такое безмолвье! Такая в снегах бирюза!, Сарай и риги под снегом едва различишь. / Такое безмолвье! Такая вселенская тишь* («Первая зима в новом доме»). Ассоциативная линия **снег-тишина, покой, безмолвие** выходит к дихотомии **внутренний, самоуглублённый – внешний, рассеянный**. Творчество – это весна, зарождающаяся в тишине сердца, ума: *Я прищипорил коня в этот плен световой, / Погружаясь в торжественно-белый покой* («Лунный час»), *Замело, завалило все избы кругом, / Все полесья кругом / Все полесья кругом. / Завалило – и вновь тишина, тишина* («Сколько вьюг прошумело»). Мы полагаем, что это отражение всё того же взаимодействия и взаимопонимания природы и человека. Природа становится истинно одухотворённой, понимая и принимая потаённые состояния человеческой души, объединяясь с ним, она становится (по определению профессора В. Фёдорова) его «внутренней формой», поэтическим целым: *А земля, промерцая, К журавлям повернёт на лету, А в душе у меня Зазвучит родничок песнопенья* («Белая тучка»).

Ещё одно направление развития образа истекает из антиномичности образного поля снега. Тот же признак **покров, покрывало** связывает снег с мотивом **забвения, забытья и смерти**. В русской языковой картине мира образное поле снега включает в себя, в том числе, понятие смерти, например, переносное **снежный саван**. Архаическая связь снега и смерти в лирике Николая Тряпкина чаще всего разворачивается по восходящей линии: *И сижу я в тепле – корешок, Не умерший в снегах, под метелями.* («Истопаи камелёк, хорошо!»), *Пусть в окошко заглянет капель / И в снегу просинеет пролужина, По какой же, отец, метели / Мы с поднятых стропил ушли?* («На груди твоей жёлтые руки») мотив смерти и мотив течения жизни нерасторжимо соединяются в одной из реализаций образа **снег – метель**, здесь воплощены и движение, и стихия, и представление о снежной пелене, делающей окружающее плохо различимым (время). Конец продолжается тем, что *Запоёт на твоём погосте / Вешний ветер, хмельной чуть-чуть. // И тебе повестит, что снова / На земле, мол, затаил снег / И запахло щепой сосновой / Над разливом знакомых рек.* («На груди твоей жёлтые руки»).

Мифологический мотив воскресения как естественный закон обновления жизни делает образ смерти более похожим на забытьё и связует его с движением времени, его

циклическостью: *Сколько снегов промчалось! / Сколько дождей пролилось! / Сколько опять – в коренья, / Сколько опять – в зерно! / Грозы прошли над миром, / Дерево отцов свалилось, / И на сыновние плечи / Прямо упало оно. Сколько прошло морозов! Сколько снегов промчалось!* («Скрип моей колыбели»), *И снова дни, и снова годы. / Они – как ветер и пурга. / И нету станций у природы, / И нет ни друга, ни врага.* («И снова дни, и снова годы»), *Предвестье весны на снегах февраля* («Предвестье весны на снегах февраля»), *И поверь, что не все отошло, / Что снегами не все запорошено...* («Истопи камелёк, хорошо!»). Таким образом, антиномичность образа снега разматывает нить **смерть-снег-весна**, где смерть и весна – экстремы, связанные одновременно с умиранием / забвением и с пробуждением / воскресением.

Однако актуален в творчестве поэта и ещё один образный компонент, делающий тот же **снег** символом, полярным тому, что Николай Тряпкин определил таким восклицанием *Как весел снег моих полей!* («Как весел снег моих полей»). **Снег** в художественном пространстве поэта может быть роковым: *Роковая зима! А за нею – горячее лето.* («Лихолетье»), **мёртвым** *Это было в ночи, под венцом из колючего света, / Среди мертвых снегов, на одном из распутий моих* («Это было в ночи...») – здесь в ценностную систему включён образ дороги, также заданный множественными ассоциативными снежными линиями (*Серебристая дорога, серебристая.* «Дорога»), причём не путь, а **распутье** развивает оценочный знак метафоры **мертвый снег**. В другом поэтическом контексте снег может причинять физическую боль, превращаясь в объект истязания как плоти, так и духа: *А ветер бьёт кнутами снега, / Грохочет волчья сторона* («Я только вспомню те сказанья»). Характерно, что *день сугробный и дурной* в этом стихотворении завершается тем, что *выюги ходят над слободкой, / В рога полночные трубя и плетут* герою *сказанья*, когда он уже в тепле лежит *в дарёных шмотках, / Обмытый тут же, как ребя....*, то есть образ снега в пределах одного стихотворения поворачивается к читателю разными своими сторонами, демонстрируя ещё одну символическую свою ипостась – символ хаотического, враждебного мира вне дома, вне семьи, проявляемый как оппозиция, принимающая вид противопоставления внешнего и внутреннего: **снег**, **холод**, **мороз** – **печь**, **очаг**. *И всеми стужами вселенскими / Не заглушить моих углей / Горю дровами деревенскими, / Дышу от дедовских печей* («Пижма»). Пересечение двух миров – естественного, природного и внутреннего, личностного отражено в противопоставленности *И всеми стужами вселенскими // Не заглушить моих углей*. Внутреннее одиночество описывается с помощью явления природы, которое может погубить человека физически (**стужа**). **Печь** согревает человека, спасая от холода. *А печка что алтарь, а в печке – жаркий хворост, / А за стеною – снег, поморье и ветра.* («Пижма»). *А за стеною – снег, поморье и ветра* – это не только враждебная среда вовне. То, что поэт отделяет внутреннее пространство от внешнего **стеной**, проявляет одно дополняющее значение образного поля **огонь в печи-алтаре** («А печка, что алтарь») – **жаркий хворост** – субстанция материальная и духовная одновременно, которая даёт человеку силу, в том числе для того, чтобы выйти навстречу широкой русской природе, согревшись у очага, собирающего вокруг себя духовно близких людей, семью, род, актуализирует традиционную национальную связку **дом – семья – очаг – родовой алтарь – основа жизни**: *А за окнами – снег да месяц, / а в печурке – огонь с пальбой, А за окнами – снег да месяц, / а за печкой – сверчок: тью-тью!* («Посиделки»), *Такой океан из пустыни и древних снегов! / А в этой пустыне курится родительский кров!* («Первая зима в новом доме»), *И весело чтить воркуну очагу / Бессмертным уютom костра / Того, кто разутый на лютom снегу / В сугробе стоял у двора* («Под говор лежанки»).

Важно, что символика **лютого снега** у Николая Тряпкина редко встречается сама по себе, вне данной дихотомии. По-видимому, хаотический, враждебный человеку мир, явленный в виде **снега**, вне этой оппозиции не только не имеет смысла, но и права на существование. В конечном итоге, данная противопоставленность отождествляет не только разорванность мира, но и возможность примирения этой разорванности. Не в противостоянии человека и Космоса, человека внутреннего и человека внешнего, а в возможности преодоления этого противостояния в постижении «самостоянья человека» роль негативных коннотационных приращений к образу снега: *Филипп Кузьмич! На улице пурга. / А домик ваш укрыт еловой дранкой. / И в чае, не спеша, твоя рука / Размачивает белую баранку. // Я очень рад за добрый ваш уют, / За этот вечер, пахнущий геранью* («Филипп Кузьмич, спасибо за приём»), *И проносятся сказки полночные / Над Землей в запредельной пурге. / И не ты ль огоньками урочными / Зацветашь в моём очаге? // И звенят угольки под поленьями, / Оживает забытая быль... / И пускай над моими виденьями / Заплетается Млечный ковыль.* («Элегии старому пепелищу»). Относительно последнего четверостишья, очень важная, на наш взгляд, прослеживается взаимосвязь с нашими предыдущими выводами: **пурга** (стихия, хаос) **запредельная**, то есть, соотносимая с мистическим, таинственным, сверхчувственным. И она же, таинственно доносит до слуха рассказчика **сказки полночные** (это и **стихи**, и воспоминания о родной **веси**, сюда, кстати, относится и связь **снега** с **памятью** также широко представленная в творчестве Николая Тряпкина), и вот в очаге возрождается, **оживает забытая быль**, конечно, речь здесь идёт о творчестве, о его **истоках**, пришедших из снежной далёкой стихии, загоревшихся в очаге, в тепле, а над всем этим Млечный ковыль, любимый символ Николая Тряпкина, также ассоциированный со снегом. Получается, стихи, принесённые снегом, отогреты у печи, возносятся ввысь, к другим снегам – бесконечным. И бесконечность в свою очередь спускается на землю: *И за каждой земною околицей / Не его ль серебрится кудель?..* («Элегии старому пепелищу»). А первопричина и первоначало этому Русь, *Золотая моя колыбель!* («Элегии старому пепелищу»).

Итак, одним из художественных образов, эксплицирующих авторскую модель мира, в творчестве Николая Тряпкина является **снег**. Контекстное воплощение реалии **снег**, характерного природного явления России, развивает как традиционные поэтические формулы, так и народные.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кульпина В.Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении / В.Г. Кульпина // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. – М., 2007. – С. 126–184. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-tsuet-belyu-na-materiale-russkih-i-nemetskih-paremiy/viewer> (дата обращения 25.03.2021).
2. Лихачёв Д.С. Заметки о русском / Д.С. Лихачёв. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=225707&p=1> (дата обращения 25.03.2021).
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 448 с.
4. Николаева С. Художественный мир Николая Тряпкина / С. Николаева. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chitalnya.ru/regional/153/> (дата обращения 25.03.2021).
5. Псурцев Д.В. Волшебное зеркало (очерк поэзии Николая Тряпкина (1918-1999) / Д.В. Псурцев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.niworld.ru/poezia/tryapkin/tryapkin_1.htm (дата обращения 25.03.2021).
6. Смирнов Ю.И. Славянские фольклорные представления о других народах / Ю.И. Смирнов // Древняя Русь и Запад. – М.: Наследие, 1996. – С. 60–62.

7. Теркулов В.И. Поэтические концепты (на примере концепта Разин у В. Хлебникова) / В.И. Теркулов // Герменевтический круг: текст – смысл – интерпретация: сборник научных статей. Вып. 2. – Армавир: РИО АГПА, 2013. – 240 с. – С. 32–37.
8. Тряпкин Н.И. Горящий водолей / Н.И. Тряпкин. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 493 с.
9. Тряпкин Н.И. Избранное: Стихотворения / Вступ. Статья В. Кочеткова. – М.: Худож. лит., 1984. – 560 с.
10. Хриптулова Т.Н. Проблема художественного мира Н.И. Тряпкина / Т.Н. Хриптулова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eprints.tversu.ru> (дата обращения 25.03.2021).
11. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vasmer.lexicography.online> (дата обращения 25.03.2021).

Поступила в редакцию 18.02.2021 г.

THE IMAGE OF SNOW IN THE LYRICS OF NIKOLAY TRYAPKIN

O.V. Blyumina

The article examines the image of snow as one of the key images that explicate the author's model of the world in the work by Nikolai Tryapkin. The contextual embodiment of the reality of snow, a typical phenomenon in Russia, develops both traditional poetic formulas and folk ones.

Key words: antinomy of the image of snow, motive of the resurrection, the Russian language picture of the world.

Блюмина Ольга Валентиновна.

Кандидат филологических наук.

АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет (МФЮА)».

Доцент кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин.

E-mail: olya00700@mail.ru

Blyumina Olga Valentinovna.

Candidate of Philology.

Moscow University of Finance and Law (MFLA).

Associate Professor of Department of Social, Humanitarian and General Legal Disciplines.

E-mail: olya00700@mail.ru

УДК 81'373.421:811.16

СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ ТЕРМИНОВ РОДСТВА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

© 2021 *И.А. Кудрейко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена сравнительному исследованию синонимических рядов терминов родства по крови в русском, украинском, белорусском языках. В работе на материале словарей синонимов рассматриваются варианты наименований кровного родства, указаны модели образования синонимов, выявлены наиболее продуктивные суффиксы в образовании термины кровного родства русского, украинского, белорусского языков.

Ключевые слова: термины кровного родства, славянские языки, синонимические ряды, морфемный анализ, суффиксация.

При постоянном контактировании языков, в результате взаимодействия неизбежно формирование общих путей развития их терминологических систем. Термины родства, входящие в состав древнейшего пласта общенародной лексики восточнославянских языков, на современном этапе включают как основную лексику, относящуюся к ядру наименований родства по крови и свойству, так и периферийную, образующую синонимические ряды и характеризующуюся эмоционально-экспрессивной окраской, положительная или отрицательная коннотация которой определяется такими факторами, как конкретная коммуникативная ситуация, этикет, симпатия / антипатия между участниками коммуникации.

На актуальность исследования различных типов отношений между лексическими единицами одноструктурных языков указывает М.М. Маковский: «При изучении синхронических особенностей языковых элементов и исследовании закономерностей их изменения и эволюции особое значение приобретает установление лингвистического тождества, различия, соотношения, противопоставления» [3, с. 25].

Единство семантической организации терминов родства в восточнославянских языках основано на специфических корреляциях: синонимических, гиперонимических, антонимических.

В представленной работе синонимические отношения терминов родства рассматриваются с позиции конкуренции дублетных компонентов, в значительной степени определяющей тенденцию развития терминологической системы близкородственных русского, украинского, белорусского языков.

Учитывая функциональную нагрузку терминов родства в устной речи носителей языка, данная тематическая группа имеет варианты основных терминов – синонимические ряды стилистического характера, которые расширяются за счет желания говорящего выразить свое отношение к тому или иному индивиду (родственнику).

Синонимические ряды имеют опорное слово, которое, как отмечает Ю.Д. Апресян, «является наиболее употребительным синонимом, обладает наиболее полной парадигмой, наиболее широким набором синтаксических конструкций, наиболее широкой сочетаемостью и наиболее нейтральна стилистически, прагматически, коммуникативно и просодически» [1, с. 219].

Рассмотрим количество вариантов наименований терминов родства в русском, украинском, белорусском языках на материале словарей синонимов под редакцией Л.Г. Бабенко, А.П. Евгеньева, А.А. Бурячка, Г.М. Гнатюк, С.И. Головащука, Я.И. Хвалей, У.В. Шарпила, поскольку именно термины родства в их качественном и количественном представлении отражают национальные и культурные традиции восточных славян, являясь регулирующим инструментом между социумом и индивидом, а также определяют, насколько развитыми и крепкими являются родственные отношения:

1. Первая степень родства

1) термин родства **отец (рус.) – батько (лат.) – бацька (бел.)** имеет такие синонимические ряды в анализируемых языках:

в русском – *отец (папа, папочка, папенька, папаня, папка, папаша, батя, батька, батяня, батюшка, тятя, тятка, тятенька, родитель, родимый)*, в украинском – *батько (тато, неньо, няньо, дедьо, кум отець, пан отець, тато, татусь татко, нянько, батьо, батусь, батуньо, батусьо, батенько, батечко, батонько)*, в белорусском – *бацька (тата, бацечка, татачка, татка, баця, айцец, татуля, татулька, бацюшка, татуся)*;

2) термин родства **мать (рус.) – мати (укр.) – маці (бел.)**:

в русском – *мать (мама, матушка, маменька, маманя, мать, мамка, мамочка, мамуля, мамуся, мамаша, matka, родительница)*, в украинском – *мати (мама, няня, ненька, матінка, мамця, матуся, мамуся, мамуня, матір, панімамка, мамка, мамонька, мамочка, мамунечка, мамусенька, мамусечка)*, в белорусском – *маці (матуля, матушка, мамка, матулька, мама, matka, мамачка, мамуля, мамуся, матухна, мацеры)*;

3) термин родства **сын (рус.) – син (укр.) – сын (бел.)**:

в русском – *сын (сынок, сынулька, сыночек, сына, сына, наследник)*, в украинском – *син (синок, синачок)*, в белорусском – *сын (сынок, сыночек, сынку, нашчадак, патамак)*;

4) термин родства **дочь (рус.) – донька (укр.) – дачка (бел.)**:

в русском – *дочь (дочка, дочурка, доченька, устар. дочер, дщер, доча, наследница)*, в украинском – *дочка (доня, доця, донечка, дочко, дівчино, панно, дочечка, донечка)*, в белорусском – *дачка (дачушка, дочухна)*,

5) термин родства **родители (рус.) – батьки (укр.) – бацькі (бел.)**:

в русском – *родители (предки, старики)*, в украинском – *батьки (предки, старі, батько-мати, отець-мати, отець-нень, пращури, родителі)*, в белорусском – *бацькі*;

6) термин родства **дети (рус.) – діти (укр.) – дзеці (бел.)**:

в русском – *дети (малолетние, малютки, малыши, крошки, крохи, малявки, клопы, карапузы, пузыри, ангельские души, кровинки)* в украинском – *діти (дітвора, малеча, дрібнота, небожата, бахурня)*, в белорусском – *дзеці (дзіцяці, дзеті, дзетачки, дзетухны)*.

2. Полнородные, кровные — братья и сёстры (по отношению друг к другу), происходящие от одних и тех же отца и матери:

1) термин родства **брат (рус.) – брат (укр.) – брат (бел.)**:

в русском – *брат (братан, брательник, братка)*, в украинском – *брат (братунь, братуха, братуньо, братусь, братко, братонько, братечка)*, в белорусском – *брат (браценік, брацік, братка)*;

2) термин родства **сестра (рус.) – сестра (укр.) – сястра (бел.)**:

в русском – *сестра* (*сестрёнка, сестрица, сестричка, сеструха*), в украинском – *сестра* (*сестриця, сестричка, сестронька, сестриченька*), в белорусском – *сястра* (*сястрычка, сястрыца*).

3. Вторая степень родства

1) термин родства **дед (рус.) – дід (укр.) – дзед (бел.):**

в русском – *дед* (*дедушка, дедуля, деда, старик*), в украинском – *дід* (*дідок, дідунь, дідусь, дідуга|н|, дідисько, дідище, пелех, икарбан, старець, старик, старигань, стариган*), в белорусском – *дзед* (*дзедка, дзядуля, дзядуня, дзядок*);

2) термин родства **баба (рус.) – баба (укр.) – баба (бел.):**

в русском – *бабушка* (*бабуля, бабуся, баба, бабка*), в украинском – *баба* (*бабуся, бабуня, бабця, бабка, бабунця, бабусенька, бабусечка, бабера, бабега, бабище, бабисько, старенька*), в белорусском – *баба* (*бабуля, бабуся, бабулька, бабка*);

3) термин родства **внук (рус.) – внук (укр.) – унук (бел.):**

в русском – *внук* (*внучок, потомок*), в украинском – *внук* (*онук, онучок, унук*), в белорусском – *унук* (*унучак*);

4) термин родства **внучка (рус.) – внучка (укр.) – ўнучка (бел.):**

в русском – *внучка* (*внученька, внука*), в украинском – *внучка* (*онука, онучка, онучечка, внука*), в белорусском – *унучка* (*унучачка*).

4. Третья степень родства: братья и сёстры родителя (и их супруги):

1) термин родства **дядя (рус.) – дядько (укр.) – дзядзька (бел.):**

в русском – *дядя* (*дядька, верзила*), в украинском – *дядько* (*дядя, дядьо, вуйко, вуй, стрий, стрик, стрийко*), в белорусском – *дзядзька* (*дзядзя, дзядзечка*);

2) термин родства **тётя (рус.) – тітка (укр.) – цётка (бел.):**

в русском – *тётя* (*тётка, тётька*), в украинском – *тітка* (*тітонька, тьота, тета, дядина, вуйна, стрийня, стрия, стриня*), в белорусском – *цётка* (*цёця, цётачка, цётухна*) (см. Таблицу 1).

Таблица 1

СТЕПЕНЬ РОДСТВА	Количество синонимов терминов родства		
	КОЛИЧЕСТВО ИМЕНОВАНИЙ		
	Русский	Украинский	Белорусский
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ РОДСТВА			
Отец	15	18	11
Мать	13	17	12
Сын	7	3	6
Дочь	8	9	3
Родители	3	8	1
Дети	12	6	5
ПОЛНОРОДНЫЕ, КРОВНЫЕ — БРАТЬЯ И СЁСТРЫ (ПО ОТНОШЕНИЮ ДРУГ К ДРУГУ), ПРОИСХОДЯЩИЕ ОТ ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ ОТЦА И МАТЕРИ.			
Брат	4	8	4
Сестра	5	5	3
ВТОРАЯ СТЕПЕНЬ РОДСТВА			
Дед	5	13	5
Бабушка	5	13	5
Внук	3	4	2
Внучка	3	5	2
ТРЕТЬЯ СТЕПЕНЬ РОДСТВА: БРАТЬЯ И СЁСТРЫ РОДИТЕЛЯ (И ИХ СУПРУГИ)			
Дядя	3	8	3
Тётя	3	9	4

Из данной таблицы видно, что наибольшее количество синонимов во всех анализируемых языках у таких терминов родства, как *отец*, *мать*, в русском – *дети*, в украинском – *дед*, *бабушка*, в белорусском – *сын*. Это обусловлено культурными традициями, связанными с преемственностью поколений, ролью института семьи в обществе. Среди анализируемых терминов родства также представлены наименования в звательном падеже, например: *дочко*, *панно* (укр.), *синку* (бел.) и субстантивированные прилагательные: *малолетние*, *родимый* (рус.), *старенька* (укр.).

Следует отметить, что в образовании анализируемых синонимических рядов достаточно продуктивной является суффиксация. Ряд терминов родства в русском, украинском, белорусском языках образуются по такой модели:

1) корень + суффикс:

-к- (русский – *папка*, украинский – *татко*, белорусский – *бацька*), **-еньк-** (русский – *папенька*, украинский – *батенько*), **-ан-** (русский – *братан*, украинский – *шкарбан*), **-очк-** (русский – *папочка*, украинский – *мамочка*), **-аш-** (русский – *папаша*), **-юшк-** (русский – *батьюшка*, белорусский – *бацюшка*), **-им-** (русский – *родимый*), **-ер-** (русский – *матерь*, украинский – *бабера*, белорусский – *мацеры*), **-ул-** (русский – *мамуля*, белорусский – *татуля*), **-ус-** (русский – *мамуся*, украинский – *татусь*, белорусский – *татуся*), **-ниц-** (русский – *наследница*), **-ок-** (русский – *сынок*, украинский – *дідок*, белорусский – *дзядок*), **-ник-** (русский – *наследник*), **-ик-** (русский – *старик*, украинский – *старик*), **-н-** (украинский – *панно*), **-ютк-** (русский – *малютки*), **-ыш-** (русский – *малыши*), **-явк-** (русский – *малыавки*), **-инк-** (русский – *кровинки*), **-вор-** (украинский – *дітвор*), **-ёнк-** (русский – *сестрёнка*), **-иц-** (русский – *сестрица*), **-иц-** (украинский – *сестриця*), **-ыц-** (белорусский – *сястрыца*), **-ух-** (русский – *сеструха*, украинский – *братуха*), **-ун-** (украинский – *батунь*, белорусский – *дзядуня*), **-ечк-** (украинский – *батечко*), **-оньк-** (украинский – *батонько*), **-ц-** (украинский – *мамця*), **-ір-** (украинский – *матір*), **-еч-** (украинский – *малеча*), **-ат-** (украинский – *небожата*), **-иськ-** (украинский – *дідицько*), **иц-** (украинский – *дідище*), **-ець-** (украинский – *старець*), **-ег-** (украинский – *бабега*), **-ачк-** (белорусский – *мамачка*), **-ухн-** (белорусский – *матухна*), **-ак-** (белорусский – *инучак*), **-ік-** (белорусский – *брацік*);

2) корень + суффикс + суффикс:

-ул- + -к- (русский – *сынулька*, белорусский – *татулька*), **-ич- + -еньк-** (украинский – *сестриченька*), **-и- + -тель-** (русский – *родитель*, украинский – *родителі*), **-ус- + -еньк-** (украинский – *мамусенька*), **-ур- + -к-** (русский – *дочурка*), **-оч- + -ек-** (русский – *сыночек*), **оч- + -ок-** (украинский – *синочок*), **оч- + -ак-** (белорусский – *сыночак*), **-ель- + -ник-** (русский – *брательник*), **-ич- + -к-** (русский – *сестричка*), **-ыч- + -к-** (белорусский – *сястрычка*), **-ун- + -ечк-** (украинский – *мамуначка*), **-ус- + -ечк-** (украинский – *мамусячка*, *бабусечка*), **-ін- + -к-** (украинский – *матінка*), **-ч- + -ин-** (украинский – *дівчино*), **-н- + -от-** (украинский – *дрібнота*), **-иг- + -ан-** (украинский – *стариган*, *старигань*), **-уг- + -ан-** (украинский – *дідуган*), **-ун- + -ц-** (украинский – *бабуця*), **-ен- + -ік-** (белорусский – *браценік*), **-ач- + -к-** (белорусский – *цётка*), **-еч- + -к-** (белорусский – *дзядзечка*).

3) корень + суффикс + суффикс + суффикс:

-и- + -тель- + -ниц- (русский – *родительница*),

4) основа + основа + суффикс:

-к- (украинский – *паніматка*), **-н-** (русский – *малолетние*).

Следует отметить, что в русском языке также используются суффиксы, которые не реализуются в других языках: **-им-** (*родимый*), **-ур-** (*дочурка*), **-ник-** (*наследник*), **-**

ютк- (малютки), **-ыш-** (малыши), **-явк-** (малывки), **-инк-** (кровинки), **-ель-** (брательник), **-ёнк-** (сестрёнка).

В украинском языке в отличие от русского и белорусского при образовании синонимов терминов родства используются как отдельные суффиксы, так и их сочетания: **-н-** (панно), **-ус-** + **-еньк-** (мамусенька), **-оньк-** (батонько), **-ін-** (матінка), **-ц-** (мамця), **-ір-** (матір), **-ун-** + **-ц-** (бабунця), **-ун-** + **-ечк-** (мамунечка), **-ус-** + **-ечк-** (мамусечка), **-ч-** + **-ин-** (дівчино), **-вор-** (дітвора), **-еч-** (малеча), **-от-** (дрібнота), **-ат-** (небожата), **-уг-** + **-ан-** (дідуган), **-иськ-** (дідисько), **-ищ-** (дідище), **-иг-** + **-ан-** (стариган) **-иг-** + **-ань-** (старигань), **-ег-** (бабега), **-ич-** + **-еньк-** (сестриченька).

В белорусском языке – суффиксы: **-ач-** + **-к-** (татачка), **-ак-** (патомак); **-ухн-** (цётухна), **-оч-** + **-ак-** (сыночак), **-ен-** + **-ік-** (браценік), **-ік-** (брацік), **-ыч-** + **-к-** (сястрычка), **-ыц-** (сястрыца), **-яц-** (дзіцяці).

В русском и украинском языках используются суффиксы: **-очк-** (русский – папочка, украинский – мамочка), **-тель-** (русский – родитель, украинский – родителі), **-ик-** (русский – старики, украинский – старик), **-ух-** (русский – сеструха, украинский – братуха), **-очк-** (русский – мамочка, украинский – мамочка).

В русском и белорусском языках: **-юшк-** / **-ушк-** (русский – бабушка, матушка, белорусский – бацяўшка, дачушка), **-ул-** (русский – мамуля, белорусский – татуля), **-уль-** + **-к-** (русский – сынулька, белорусский – татулька).

В украинском и белорусском языках – суффикс: **-ун-** (украинский – батуньо, белорусский – дзядуня).

Общими для русского, украинского и белорусского являются суффиксы: **-к-** (русский – папка, украинский – батько, белорусский – бацька), **-ус-** (русский – мамуся, украинский – татусь, белорусский – татуся), **-ок-** (русский – сынок, украинский – синок, белорусский – сынок), **-оч-** + **(-ек- / ок- / -ак-** (русский – сыночек, украинский – синочок, белорусский – сыночак)), **-ер-** (русский – мать, дочь, дщерь, украинский – бабера, белорусский – мацеры).

Данные морфемного анализа терминов родства восточнославянских языков обнаруживают общность большинства словообразовательных средств и их семантики, что свидетельствует о праславянском единстве русского, украинского, белорусского языков. Отметим, наиболее продуктивными суффиксами в образовании синонимических рядов терминов родства являются **-к-**, **-ок-**, **-ун-**, **-ечк-**, **-ус-**. Положительно-оценочную семантику в русском, украинском, белорусском языках имеют суффиксы – **-еньк-**, **-очк-**, **-ушк-**, **-уль-**, **-ок-**, **-оньк-**, **-ёнк-**, **-унь-**, **-ечк-**, **-оньк-**, **-ачк-**, **-ухн-**, **-ыньк-**, **-ич-** + **-еньк-** и др., отрицательно-оценочную – **-ан-**, **-ищ-**, **-ег-**, **-ер-** и др. В связи с этим представляется возможным изучение коннотации терминов родства в русском, украинском, белорусском языках на материале малых жанров фольклора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии / Ю.Д. Апресян. – Т. 1. – Парадигматика. – Москва, 2009. – 568 с.
2. Бардовіч А.М. Школьны марфемны слоўнік беларускай мовы – дапам. для ўстаноў, якія забяспечваюць атрыманне агульнай сярэд. адукацыі / А.М. Бардовіч, Л.С. Мормыш, Л.М. Шакун. – Мн. : Аверсэв, 2006. – 496 с.
3. Маковский М.М. Непрерывность и прерывность в развитии языка / М.М. Маковский // Вопросы языкознания. – М., Наука. – 1980. – № 1. – С. 25–39.
4. Півторак Г.П. Білорусько-український словник – монографія / Г.П. Півторак, О.І. Скопенко. – Київ: Довіра, 2006. – 723 с.

5. Скарник – электронный русско-белорусский словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.skarnik.by/> (дата обращения: 16.02.2021).
6. Словарь синонимов активного типа – инновации в структуре. Рец. на кн. – Современный словарь русского языка. Синонимы – более 5 000 синонимических рядов – ок. 30 000 слов-синонимов / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М., АСТ – Астрель. – 2011. – 829 с.
7. Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. Т.1 / сост. – Л.П. Александрова, С.Л. Баженова, Г.П. Галаванова и др., под ред. А.П. Евгеньева. – Ленинград, Наука, Ленинградское отделение, 1970. – 680 с.
8. Словник синонімів онлайн. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://synonymy.info/> (дата обращения: 18.01.2021).
9. Хвалей Я.І. Слоўнік лексічных формаў (сінонімы, амонімы, антонімы, паронімы, амографы, амафоны) / Я.І. Хвалей, У.В. Шарпіла. – Мінск: Парадокс, 2004. – 416 с.
10. Словник синонімів української мови – В 2 т. / А.А. Бурячок, Г.М. Гнатюк, С.І. Головащук та інші. – К.: Наукова думка, 1999 – 2000.

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.

SYNONYMOUS SERIES OF TERMS OF KINSHIP IN EAST SLAVIC LANGUAGES

I.A. Kudreiko

The article deals with a comparative study of the synonymous series of consanguinity terms in the Russian, Ukrainian, and Belarusian languages. In the work on the material of dictionaries of synonyms, variants of names of consanguinity are considered, the formation patterns of synonyms are indicated, the most productive suffixes in the formation of the terms of consanguinity of the Russian, Ukrainian, Belarusian languages are revealed.

Key words: terms of consanguinity, Slavic languages, synonymous series, morphemic analysis, suffixation.

Кудрейко Ирина Александровна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

И.о. заведующего кафедрой славянской филологии и прикладной лингвистики.

E-mail: kudrejko@mail.ru

Kudreiko Irina Alexandrovna.

Candidate of Philology.

Donetsk National University.

Head of Slavic Philology and Applied Linguistics Department.

E-mail: kudrejko@mail.ru

УДК 168.522+81'1

КОНЦЕПТОСФЕРА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2021 А.Е. Отина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье осуществлено исследование различий в концептологическом подходе к изучению концептосферы национальной культуры, существующих в лингвистике и культурологии. Производится анализ важнейших концептов русской национальной культуры и языковой картины мира.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, имя вещи, языковая картина мира, соборность.

Концептология представляет собой новое и достаточно непростое научное направление, вызывающее интерес ученых, принадлежащих к различным научным пространствам, – филологов, особенно лингвистов, философов, культурологов. Большую популярность она обрела среди приверженцев смежных, или кентаврических наук, таких как лингвокультурология или культуролингвистика.

Среди работ, посвященных концептуализации слова, безусловно, следует отметить «Философию имени» П.А.Флоренского и «Философию имени» А.Ф. Лосева. В качестве последних исследований, имеющих большое значение для концептологии, нельзя не упомянуть труды Е.С. Отина по ономастике и множественности культурных смыслов, заключенных в ониме, а также работу А.Д. Шмелева, Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной о лингвистическом и культурологическом содержании концептов и о бытии концептуальных понятий в пространстве различных национальных культур.

Концептология, как в лингвистическом (особенно в лингвистическом), так и в культурологическом направлениях своего развития и движения является, с одной стороны, перспективной научной отраслью, а с другой, носит обязательный ретроспективный характер. Без лингвистической реконструкции слова и без понимания его лингвистических особенностей и границ бытия в культурном пространстве данной культурно-исторической эпохи невозможно избежать модернизаций и искажений данной конкретной картины мира.

Хрестоматийным примером этому служит обретение лексической самостоятельности, философского самостоятельного бытия, понятийного статуса и, соответственно, концептуального значения самим словом «культура». Долгое время, начиная с первой фиксации в письменной речи в работе Марка Порция Катона «De agri cultura» («О сельском хозяйстве», «cultura» в значении аграрная культура, возделывание земли, затем у Марка Туллия Цицерона (cultura anime – культура духа в «Тускуланских диспутах»), затем в средневековых словосочетаниях cultura juris (эталон поведенческой нормы), cultura scientiae (научная культура, понимание науки), cultura literarum (совершенствование письменной речи) и вплоть до эпохи Просвещения слово «культура» не употреблялось самостоятельно (вне связи с каким-либо другим, вне словосочетаний). И только тогда, когда человечество начинает осознавать свое коренное отличие от остального, несозданного им мира, от природы и находит это отличие в культуре, появляется необходимость в концептуализации слова «культура»,

которое сначала получает понятийный статус концепта во всех европейских языках в XVIII ст., а через них – в XIX в. – в русском.

Поскольку восприятие национальной культуры, картины мира национальной культуры затруднено без ее лингвистических и собственно культурных составляющих – концептов, отражающих ее ценностно-нормативное понятийное единство, то развитие концептологии сегодня закономерно актуально, действенно и созидательно.

Однако, каждая из перечисленных выше дисциплин (при их открытости к диалогу друг с другом) рассматривает концепт и концептосферу с точки зрения своего предмета.

Целью данной работы является определение пространства, в котором обитают концепты концептосферы русской национальной культуры в их лингвистическом и собственно культурном бытии. Цель конкретизируется в следующих задачах: определение предмета концептологии с точки зрения лингвистики и культурологии; исследование важнейших концептов русской культуры с акцентом на лингвистическом и культурологическом понимании.

Предметом лингвистики в области обозначенной проблемы является лексическое значение слова в своей этимологии и связанности с другими словами. Культурологическое понимание концепта, включая в себя итог лингвистического исследования, шире. Культурология исследует современное и историческое бытие понятия, а также невербальный, и вообще несловесный контекст (изобразительность, символика и т.п.). С точки зрения культурологии концептуальное значение может иметь любой знак или символ. В частности, к символу Распятия (в изображении) привязаны такие важные для православной христианской культуры словесно обозначенные концепты как жертва, любовь, страдание и сострадание.

В научной литературе существует немало количество терминов и терминологических понятий для обозначения мировосприятия: «картина мира», «мировоззрение», «культурная память», «концептосфера».

При этом внутри первых двух соседствуют различные картины мира («религиозная картина мира», «философская картина мира», или картины мира внутри философских систем, «языковая картина мира» как общечеловеческая реальность и как воплощение бытия конкретной национальной культуры в ее рефлексии, самосознании), разные мировоззрения («мифологическое мировоззрение», «научное мировоззрение» и т.д.).

Культурная память представляет собой явление универсальное, подтверждающее смысл и значение культуры как явления общеродового, единственный и неизменный путь движения рода *homo sapiens*. В анализе феномена культурной памяти исследователь Т. Э. Рагозина приходит к выводу: «...Культурная память... есть философское понятие, отражающее фундаментальное свойство культуры, состоящее в способности социокультурного организма сохранять и воспроизводить свою целостность, а именно: воспроизводить себя в своей тождественности, всеобщности, инвариантности и одновременно продуцировать в себе самом различие, особенность, изменчивость» [1, с. 25–26]. В этом смысле язык во всех формах бытования (устная речь, диалекты, литературный язык, индивидуальный язык писателя, жаргон и т.д.) и в выстраиваемой им иерархии концептов в собственной языковой картине мира является пространством бытия и инструментом сохранения культурной памяти.

Концептосфера же является порождением, результатом, воплощением и объектом творческих усилий и преобразований конкретного народа, обладающего ярким и неповторимым национальным лицом. Она содержит в себе особый этнический ген, который и определяет пути развития данной национальной культуры, ее образную

систему, религиозный выбор и языковую окраску речи, как художественной, так и бытовой, как письменной, так и устной – всех языковых проявлений существующей в данный момент культуры.

В работе «Концепты и антиконцепты русской православной цивилизации» автор данной статьи проводит терминологическое разграничение «понятия», «символа», «знака» и «концепта»: «Ахиллесовой пятой концептологии является обозначение различий между понятием, символом, знаком и концептом. Символ универсален (палеолитические Венеры – первый в истории антропосоциокультурогенеза символ – плодородие), или же обладает большой степенью всеобщности (Распятие символично для представителей всех христианских конфессий). Концепт – проявление национального менталитета, родственного, а не родового начала людей, говорящих на одном языке... Родство концепта с понятием очевидно. Его структура базируется на понятийной основе. Однако, нельзя преуменьшать образную, архетипическую, психоморфологическую стороны концепта. Концепт не является знаком, так как знаки выражают множество «вещей», как значимых, так и незначимых. Более того, знак, по большому счету, – это форма, выражение, концепт – сущность, содержание. Поэтому концепт может, при потребности, выражаться с помощью знака, а может и нет. Антизнака не существует, антиконцепты есть» [2, с. 286–287]. В языке для обозначения антиконцепта существует аксиологически окрашенный антонимический ряд, который заключен в самой морфологии слова. Например, приставка без- (бес-) со значением значением лишенности предполагает ряд концептуальных оппозиций: «дар – бездарность», «дом – бездомность», «плод – бесплодие», «вера – безверие», «путь – беспутность», «человечность – бесчеловечность», «культура – бескультурность» и т.д.

Еще античная философия (а философия и филология Античности шли рука об руку) ставит важный вопрос – что есть имя вещи. В связи с этим характерен спор между Пифагором и Демокритом. Пифагор утверждал, что вещи получают свои наименования, так как данное слово отражает внутреннюю сущность вещи. Неудивительное предположение для мыслителя, видевшего в основании мира число. Демокрит же был убежден, что имена вещей представляют собой лишь результат договоренности людей, находящихся в едином языковом поле. Таким образом, по мнению Демокрита, именно язык создает, как мы сейчас их именуем, картину мира и концептосферу данной национальной культуры.

Мироустройство в сознании человека как родового представителя и как носителя конкретного языка и определенной культуры, в его принадлежности к роду в племенном значении этого понятия, в строительстве мира семьи (домостроение, «домострой») является фактором, определяющим ценностно-нормативные экзистенциальные смыслы личности, ее надежды, цели, индивидуальный выбор (в том числе и речевого стиля общения), представления о счастье. Поэтому изучение опыта наших предков, воплощенного в концептосфере национальной культуры и языковой картине мира данного национального языка в ее становлении и развитии и сложившемся состоянии, является не просто актуальной темой для лингвистического и культурологического исследования, но и вечной темой.

Концептосфера не представляет собой нечто застывшее, статичное. Культура меняется, вместе с ней меняется восприятие ее человеком – картина мира, выражение ее в языке – языковая картина мира. Таким образом осуществляется концептосферная динамика, ее воспроизведение и обновление. Изучение движения концептосферы содержит в себе не только бытийный, но и повседневно бытовой смысл, так как это движение напрямую отражает современные культурные приоритеты и изменения в

менталитете представителей национальной культуры, субъектов языковой целостности сегодня.

Коллективная монография вышеупомянутых авторов Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева «Константы и переменные русской языковой картины мира» посвящена скрупулезному исследованию языковой картины мира, лингвистической концептосферы русской культуры. Авторы производят компаративистское исследование русской языковой концептосферы с концептосферами других нерусскоязычных культур. Упомянутая работа представляет интерес не только для филологической науки, но и для философов и культурологов. Во-первых, исследование Зализняк, Левонтиной и Шмелева имеет лингвокультурологический характер. Во-вторых, большое научное значение данного труда обусловлено свойствами самого языка как системообразующей системы, т.е. такой системы, которая вслед за собой способна формировать другие, упорядочивая неязыковое, а, к примеру, социальное, политическое, естественнонаучное и т.п. пространства.

Представляя собой целостный, живой, динамически развивающийся организм с имманентно присущими ему свойствами и характеристиками, язык быстро реагирует на разнообразные внутренние культурные процессы и инородные влияния. При этом, как уже говорилось, именно язык является хранилищем культурной памяти, в своем развитии кристаллизируя самое важное, архетипически заложенное в культуре, или же выстраданное судьбой и трудом ее создателей.

Генезис языковой картины мира авторы коллективного исследования описывают как детерминанту, движение сцепленных «ключевых концептов», присущих неповторимому языковому и общекультурному восприятию представителей данной национальной культуры: «Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как дают «ключ» к ее пониманию» [3, с. 12].

Ключевыми концептами, или «лингвоспецифическими словами» авторы монографии считают те лексические образования, для которых «трудно найти лексические аналоги в других языках», но, кроме них, что важно для культурологов, «любые слова, в значение которых входит какая-то важная для данного языка (то есть ключевая) идея» [3, с. 12]. Исследователи подчеркивают некую лингвистическую исключительность, малодоступность подобных слов для людей, говорящих на ином языке.

Если находиться в пространстве филологии и внутри собственной языковой концептосферы, то выводы Левонтиной, Зализняк и Шмелева представляются правомерными и убедительными. Однако, в названной работе речь идет о «словах-концептах», то есть фрагментах языковой картины мира. Однако, не следует забывать, что язык как таковой, язык в лингвистическом смысле – далеко не единственный язык культуры «Образы, символы, знаки, ментальные тонкости в их движении и канонизации воплощаются не только в речи, но и во всем множественном культурном пространстве. Поэтому с точки зрения культурологии, говорить о том, что особенностью концепта является его труднодостижимость другому языку или труднопереводимость, будет ограничением концептосферы культуры. Речь здесь должна идти об особом понимании феномена в данной культуре, пусть даже он присутствует в иных культурах. Таким для русской культуры является концепт дома, антиконцептом которого является бездомность» [2, с. 288]. Для культурологической науки концепт, будь то слово, изображение, любой знак, или символ – нечто, обладающее особым аксиологическим наполнением, способным вызвать определенный

ценностно-окрашенный представимый образ, или же комплекс образов, если этот концепт способен породить собственную малую концептосферу родственных понятий, являясь ее концептуальным ядром (как в случае с концептом соборности, о чем ниже).

О различиях в понимании культурного концепта в лингвистике и культурологии и о предмете лингвистической концептологии ясно и понятно сказано А.Д. Шмелевым в статье «Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка», ранее опубликованной в журнале «Мир русского слова» (2000, № 4) и помещенной в монографию «Константы и переменные русской языковой картины мира» «вместо предисловия». А.Д. Шмелев пишет: «...Вопрос можно было бы переформулировать так: могут ли лексические единицы русского языка быть ключом к пониманию русского языка? Здесь существенна еще одна оговорка. Речь, разумеется, не идет о понимании русской культуры во всей ее целостности. Так, важной составной частью русской культуры является, например, русский балет, но едва ли анализ семантики русского языка даст нам ключ к пониманию каких-то его существенных характеристик. Речь должна идти о каких-то представлениях о мире, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемым ими как нечто самоочевидное. Эти представления находят отражение в семантике языковых единиц, так что, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка одновременно сливается с этими представлениями, а будучи свойственными (или хотя бы привычными) всем носителям языка, они являются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» [4, с. 17].

В качестве иллюстрации утверждения А.Д. Шмелева можно привести пример особого бытия концептов *женственности* («вечная женственность» В. Соловьева, А. Блока) и женского начала (В. Соловьев, Н. Бердяев и др.) в русской культуре в целом, в русской классической литературной культуре XIX ст. и в пространстве языковой картины мира русского лингвистического культурного единства. Восприятие души русской культуры как воплощения по сути женской души нашло свое место в устойчивых выражениях, характеризующих русскую культуру как женственную («Русь-матушка», «Киев <м.р.> – мать <ж.р.> городов русских; «О Русь моя – жена моя» у А. Блока).

Шмелевым была высказана очень важная в контексте проблемы определения субъекта концептосферы мысль об особенностях «культуры, пользующейся этим языком». Очень правильная и неслучайная формулировка: не носителей языка, не людей, говорящих на языке, использующих его, а культуры как языкового субъекта. Этим подчеркивается субстанциональность, самостоятельное бытие культуры, творящей язык и находящей в нем свое живое воплощение.

Итак, в лингвистическом смысле концепт является словом с определенным лексическим значением (как и все остальные слова). Особый концептуальный статус ему придает культура, культурный контекст.

В заключение остановимся на нескольких важных концептах концептосферы русской национальной культуры со сложившейся ею языковой картиной мира.

Прежде всего, следует отметить центральный концепт русской православной цивилизации. Речь идет о соборности. Католическая (*katolicos*), то есть соборная церковь – это лишь наименование. Концептуальное значение понятие соборности получило в русском православии. Под знаком соборности развиваются представления о социальных отношениях (общине, «мире»), о семье («малая соборность»), о родственности братьев и сестер по вере.

Соборность порождает ряд дочерних концептов: *сострадание, соболезнование, сожаление, сочувствие, сопричастность, сорадование*. В мифологическом смысле все они содержат приставку со-, выражающую признак совокупности, то есть единства.

Или же концепт смирения, столь важный для русской православной картины мира. В древнерусском языке «смирение» писалось через Ъ (ять) и читалось как *смерение* (от «меры») *смеренный* человек – тот, кто соблюдал меру в евангельском смысле. Позже произошло лексическое сращение понятий «мера» и «мир». Теперь *смиренный* человек – тот, кто соблюдает мир, то есть знает меру в отношении с миром.

Мир – также важный концепт русской культуры. Это, с одной стороны проявление соборности (решения «всем миром»), а с другой, – «не воинственное отношение к миру и другим. Таким образом, омонимический ряд «мир как жизненное пространство» и «мир как невоенное, тихое, спокойное время» не случаен, а обусловлен приоритетами русской православной картины мира.

Или же концепт прощения, опирающийся на слово, родственное фонетически и этимологически словам простота, опроститься. Простить, совершить акт прощения – значит избавиться от гнева и гордыни, от всего наносного, то есть стать несложным, простым, опроститься.

Концепт **труда** в картине мира русской культуры имеет также немаловажное значение, что подтверждается многочисленными пословицами и поговорками, где труд – главный персонаж («Терпение и труд все перетрут», «труд – всему голова», «что потрудился, то и поел», «без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «без труда нет добра», «труд человека кормит, а лень портит» и т.д.). Антонимическая оппозиция труда и лени в русской языковой картине мира представляет собой одну из самых ярких аксиологических оппозиций в культурологической цепи концепт – антиконцепт. Так, в южных диалектах существовали разные слова для обозначения различных градаций лени, которые подтверждают, насколько грех праздности не праздновался в картине мира (в том числе языковой) Руси: «Ср. фольклорный текст, записанный в Шушенском районе Краснодарского края. «Лежали под яблонькой *странь*, *лень* и *отень*» (курсив мой – А.О.). Странь говорит: «Кто бы эти яблоки рвал и в рот клал». А лень говорит: «Чо бы эти яблоки рвались и в рот клались». А отень говорит: «Как вам и говорить хочется» [5, с. 322]. Одной из версий происхождения собственной фамилии автор статьи «О происхождении фамилии Отин (к вопросу о мотивационной многоплановости некоторых фамилий)» считает ее производную от прозвища *отень* (крайне ленивый человек): «Семантической параллелью может служить современная фамилия Лень...» [5, с. 322].

В данной статье мы лишь коснулись пространства взаимодействия языка и породившей его национальной культуры, исследование которого содержит океан вопросов, предлагаемых науке самой культурой и языковой картиной мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рагозина Т.Э. Историческая память как аберрация исторического сознания / Т.Э. Рагозина // Формы культуры и противоречия современного общества. Международная научная конференция 7 апреля 2019 года. – Выпуск 5. – Донецк, 2019. – С. 21–29.
2. Отина А.Е. Концепты и антиконцепты русской православной цивилизации / А.Е. Отина // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года. – Донецк: Социально-гуманитарный институт ГОУ ВПО «ДонНТУ», ГОУ ВПО «ДонНУЭТ», 2017. – С. 285–295.
3. Зализняк Анна А. Константы и переменные русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – С. 17–23.

4. Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка / А.Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира. – М., Языки славянских культур, 2012. – С. 17–23.

5. Отин Е.С. О происхождении фамилии Отин (к вопросу о мотивационной многоплановости некоторых фамилий) // Е.С. Отин. Избранные работы. – Донецк.: Изд-во Донетчина, 1997. – С. 319–325.

Поступила в редакцию 15.02.2021 г.

CONCEPTUAL SPHERE OF RUSSIAN CULTURE: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS

A. E. Otina

The article explores the differences in the conceptological approach to the study of the conceptual sphere of national culture that exists in linguistics and cultural studies. The most important concepts of Russian national culture and worldview are analyzed.

Key words: concept, conceptual sphere, name of a thing, linguistic worldview, collegiality.

Отин Анна Евгеньевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет».

Доцент кафедры философии.

E-mail: otina.anna@mail.ru

Otina Anna Evgenievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Donetsk National Technical University.

Associate Professor of Department of Philosophy.

E-mail: otina.anna@mail.ru

УДК 81'255.4'373.49

МЕТОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛОГА КАК СПОСОБ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

© 2021 *Н.А. Ясинецкая, Т.Н. Немыкина*

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»

Статья посвящена изучению метода фразеологического аналога как метода перевода английских пословиц и поговорок. Актуальность работы обусловлена тем, что паремии представляют собой одну из главных переводческих проблем. Материалом исследования послужила выборка пословиц и поговорок из произведений англоязычных авторов и их соответствий в переводах. Было выявлено, что в 20,88% случаев переводчики использовали метод фразеологического аналога для передачи значения английских паремий на русский язык.

Ключевые слова: паремии, пословицы, поговорки, художественная литература, перевод фразеологизмов, фразеологический аналог.

На протяжении веков в языке закреплялись общественно-исторические события, культурные традиции и бесценный опыт предков. Всё это нашло своё отражение, прежде всего, в паремиях, т.е. в пословицах и поговорках. Советский и российский лингвист В.В. Колесов писал: «Становление пословицы связано с пониманием человеком своего места в мире, с диалектикой познания мира: пословица является результатом спора, диспута, словесного турнира» [6, с. 11]. Паремии помогают передать черты характера человека, охарактеризовать его поступки, мировоззрение, менталитет, отношения в семье, коллективе и в обществе. Уместное использование паремий придаёт речи стилистическую окраску, делает её живой и выразительной.

Разноаспектное изучение паремий отражено в научных работах отечественных и зарубежных лингвистов, в частности, таких как А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, В.П. Жуков, Г.Л. Пермяков, А.А. Потемня, А. Дандис, А. Тейлор, Н. Барли, М. Кууси, В. Мидер, Э. Кокаре, К. Григас, В. Фойт, З. Каньо, Р. Норрик. Поскольку паремии рассматриваются с позиций языкознания, литературоведения, переводоведения и лингвокультурологии, многогранное изучение эмоционально-окрашенных изречений, включая возможные способы их перевода, несомненно, помогает понять особенности менталитета и культуры народов.

Актуальность данного исследования обусловлена спецификой и трудностями перевода паремий (пословиц и поговорок), в частности, в художественном дискурсе, а также необходимостью изучения существующего переводческого опыта, анализа и систематизации удачных переводческих решений. Авторы работы рассматривают образы в основе английских пословиц и поговорок как средство познания особенностей англоязычной культуры, выявляют соотношение паремий в языках оригинала и перевода по их эмоционально-экспрессивной, оценочной и ассоциативной окраске и анализируют способы отражения национально-культурной специфики паремий в переводах литературных произведений на русский язык.

Целью исследования является анализ применения метода фразеологического аналога для перевода английских паремий на русский язык ввиду необходимости сохранения их функционально-стилистических характеристик и прагматического потенциала. Задачи включали классификацию способов перевода паремий в

художественных произведениях, характеристику образов в основе пословиц и поговорок в тексте оригинала и перевода и анализ эффективности использования метода фразеологического анализа для передачи лингвостилистических особенностей оригинала и прагматического влияния на читателя.

В ходе исследования применялись следующие методы: метод классификации (для выявления типов паремиологических единиц и способов их перевода); метод фразеологического анализа (для выделения существенных признаков плана содержания и плана выражения); метод компонентного анализа (для изучения семантической структуры паремий и их модификаций); сравнительный метод (для определения способов перевода пословиц и поговорок на русский язык); метод дистрибутивного анализа (для выявления особенностей функционирования паремий в системах английского и русского языков).

Классификация, предложенная В.С. Виноградовым, включает пять основных способов перевода паремий [1, с. 182–192]: 1) полное соответствие (эквивалент); 2) частичное соответствие (аналог); 3) калькирование (дословный перевод); 4) «псевдопословичное» соответствие; 5) описательный перевод. Далеко не все ФЕ, которые, в сущности, отражают лингвокультурные особенности определённого народа, имеют полные эквиваленты в другом языке. Согласно В.Н. Комиссарову [7, с. 14], в случае отсутствия фразеологического эквивалента переводчик прибегает к использованию фразеологического аналога, стараясь найти пословицу или поговорку с похожим значением, хоть и основанную на других образах, например: *Make hay while the sun shines.* – *Куй железо, пока горячо.* Т.А. Казакова отмечает, что в случае отсутствия непосредственных соответствий фразеологическую единицу можно перевести при помощи аналогичной фразеологической единицы, имеющей общее с исходным значением, но другую другую словесно-образную основу. При этом она предостерегает переводчиков, что сходные по значению, но разные по форме фразеологизмы могут иметь различную эмоционально-ассоциативную окраску, и не всегда взаимозаменяемы [5, с. 140].

Данный метод определённо гарантирует высокий уровень эквивалентности, однако, необходимо учитывать некоторые нюансы. Стоит отметить, что переводчику следует с осторожностью применять данный способ перевода паремий в связи с тем, что пословицы и поговорки, кроме того, что основаны на разных образах, в разных языках иногда имеют смысловые различия. Так, например: *Can the leopard change his spots?* не всегда можно перевести как *Горбатого могила исправит*, поскольку, кроме различий в используемых образах, англоязычная паремия – вопрос, ответ на который может быть как отрицательным, так и положительным, а русская пословица – это утверждение, выражающее уверенность говорящего в неизбежности, предопределённой характером и привычками. Кроме того, нельзя использовать аналогии паремий, содержащие реалии, присущие только одной культуре, несмотря даже на то, что эти аналогии по смыслу полностью соответствуют пословицам и поговоркам языка оригинала. Так, например, паремии *to carry coals to Newcastle* и *ездить в Тулу со своим самоваром* равнозначны в смысловом плане; однако, в художественном контексте такой перевод будет считаться неудачным.

Мы проанализировали 300 паремий в 41 произведении англоязычных авторов и сопоставили их с переводами на русский язык. Было выявлено, что метод фразеологического аналога, гарантирующий высокий уровень эквивалентности, применялся в 20,88 % случаев перевода пословиц и поговорок. Рассмотрим примеры

английских паремий в художественной литературе, значение которых было передано на русский язык посредством использования метода фразеологического аналога.

Американский писатель Марк Твен в VIII главе романа «Простофиля Вильсон» использует английскую поговорку *move heaven and earth (to get smth.)*, значение которой – «сделать всё возможное, стараться изо всех сил, приложить все усилия, пустить всё в ход, ни перед чем не останавливаться». При переводе данной паремии В. Лимановская решила использовать её фразеологический аналог в русском языке – поговорку *лезть из кожи вон*: “*I’ve had the will back only three months, and am already deep in debt again, and **moving heaven and earth** to save myself from exposure and destruction...*” [30, с. 125] – «Дядюшка всего три месяца назад написал новое завещание, а я опять по горло в долгах; я уж и так **лезу из кожи вон**, чтобы избегнуть разоблачения и гибели...» [11, с. 148].

Эту же английскую поговорку встречаем в англоязычном произведении немецкого писателя Стефана Гейма «Крестоносцы» войны». Здесь Е. Калашникова, Н. Волжина и Н. Дарузес перевели английскую поговорку на русский язык с помощью другого фразеологического аналога – *поднять на ноги*: “*Here we were, in this predicament, and no word from you – God, I’ve **moved heaven and earth** to get in touch with you!*” [23, с. 268] – «Мы тут оказались в таком тяжёлом положении, а от вас не было ни слова, Боже мой, я **поднял всех на ноги**, чтобы связаться с вами!» [2, с. 289].

Данные фразеологические аналоги поговорки основаны на разных образах, но их выбор переводчиками обусловлен контекстом: если *лезть из кожи вон* «стараться изо всех сил» предполагает преимущественно индивидуальные усилия, *поднять всех на ноги* «заставлять активно действовать» предусматривает взаимодействие с другими людьми, что и требуется в данном контексте.

В случае использования фразеологического аналога образы в основе паремий претерпевают изменения или заменяются другими. Так, в III части XIII главы эпопеи о судьбах английской буржуазной семьи «Белая обезьяна» Джона Голсуорси отметим использование заимствованной поговорки *to pull chestnuts out of the fire for smb.*, кальки французской паремии *tirer les marrons du feu*, которая впервые встречается в басне Жана де Лафонтена. Значение поговорки – «делать за кого-либо трудную работу»; частичный фразеологический эквивалент в русском языке – *чужими руками жар загребать*.

В оригинале произведения «Белая обезьяна» автор обыграл и, соответственно, изменил паремию, в связи с чем несколько усложнился её смысл. Следовательно, учитывая контекст, переводчица Р. Райт-Ковалева справедливо решила использовать русскоязычный аналог паремии – *ты кашу заварил, тебе и расхлёбывать* «кто виноват в создавшейся ситуации, пусть сам её и разрешает»: “*What should I have up my sleeve?*” said Soames coldly. “*Damn it, sir, you **put the chestnuts in the fire; it’s up to you to pull ’em out**. I can’t afford to lose the sefees!*” [22] – «Какой же у меня может быть запасной аргумент?» – холодно спросил Сомс. – «Чёрт возьми, сэр! Ведь это Вы **заварили всю кашу, теперь ваше дело её расхлёбывать!** Я не могу лишиться директорского жалованья!» [3].

Обратим внимание на образную английскую пословицу *Third time pays for all* в повести Дж. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно». Основываясь только на значении лексических компонентов паремии, сложно определить истинное её толкование. Контекст рассматриваемого нами произведения позволяет определить значение паремии, которое заключается в том, что опыт неудач помогает в результате достичь успеха. Частичным эквивалентом в русском языке выступает пословица, содержащая

религиозные образы: *Бог любит троицу*. Поскольку в произведении нет отсылок к религии, использование данного варианта было бы нецелесообразным. Поэтому В. Маторина при переводе данной паремии использовала русскую пословицу *Конец – делу венец*, в которой говорится об удачном завершении начатого дела: “*But ‘third time pays for all’ as my father used to say, and somehow I don’t think I shall refuse*” [28] – «Но, как говорил мой папа, «**конец – делу венец**», и почему-то мне кажется, что отказываться не стоит» [17]. Однако, к сожалению, такая пословица не сочетается с развитием сюжета произведения, поскольку в дальнейшем герои столкнутся ещё с множеством приключений, о последствиях которых они не могут даже догадываться:

В романе-эпопее Дж. Толкина «Властелин колец» находим английскую пословицу *Then we shall see what we shall see*, которую автор использовал, чтобы выразить мысли героев в отношении неопределённых обстоятельств, которые их ожидают. Среди аналогов в русском языке: *Наперёд не загадывай*; *Бабушка надвое сказала*; *Бабушка гадала, надвое сказала*. Ни один из переводчиков не применил указанные аналоги в переводе по причине кардинально различных и специфичных образов, особенно в последних двух паремиях. Переводчики В. Муравьев и А. Кистяковский при переводе пословицы подобрали наиболее подходящий русскоязычный аналог английской пословицы – *Чему быть, того не миновать*: “*There we can strike a path I know that runs at their feet; it will bring us to Weathertop from the north and less openly. Then we shall see what we shall see*” [27] – «Пойдём-ка мы напрямик по лесу на Буреломное Угорье и подберёмся к Заверти. Есть там одна тропка с севера. И уж **чему быть, того не миновать**» [13].

В произведении Дж. Толкина «Две крепости», романе в жанре эпического фэнтези, встречается английская образная пословица *One good turn deserves another*. Значение паремии – «на доброе дело отвечают благодарностью». Автор использует данную пословицу при описании ситуации, когда главные герои Фродо и Сэм испытывают жалость к Голлуму и отставляют его в живых. Таким образом, они надеются на помощь Голлума во время похода в Мордор. Аналогами паремии в русском языке являются пословицы *Долг платежом красен*; *Услуга за услугу*; *За добро добром и платят*, которые как раз и применили в своих переводах Н. Григорьева и Н. Грушецкий, М. Каменкович и В. Каррик, а также В. Маторина: “*But you must help us, if you can. One good turn deserves another*” [29]: «Только **услуга за услугу**. От тебя потребуется кое-какая помощь» [15] (Н. Григорьева, Н. Грушецкий); «Но ты должен будешь помогать нам по мере сил. **За добро платят добром!**» [14] (М. Каменкович, В. Каррик); «Ничего плохого мы тебе не сделаем, но ты должен будешь нам помогать, чем сможешь. **Добром отплатишь за добро**» [16] (В. Маторина).

В этом же романе Дж. Толкина мы выделили необычную английскую пословицу *More haste less speed*, значение которой – «если пытаться делать что-то очень быстро, это займёт больше времени». Фразеологические аналоги пословицы в русском языке: *Скоро, да не скоро*; *Поспешишь – людей насмешишь*; *Тише едешь, дальше будешь*. В своих переводах как Н. Григорьева и Н. Грушецкий, так и М. Каменкович и В. Каррик целесообразно использовали последний вариант: “*Ach, sss! Cautious, my precious! More haste less speed.*” [29] – «Ссс! Осторожнее, моя прелесть! **Тише едешь – дальше будешь**» [15] (Н. Григорьева, Н. Грушецкий); «Ах! Ш-ш-ш! Осторожно, Сокровище моё! **Тише едешь – дальше будешь**» [14] (М. Каменкович, В. Каррик). И английская пословица, и данный её аналог основаны на антитезе.

Английская пословица *You can’t eat your cake and have it* встречается, в частности, в классическом романе Уильяма Теккерея «Ярмарка тщеславия» об эпохе

наполеоновских войн. Значение паремии – «нельзя делать две взаимно исключаящие друг друга вещи». У пословицы есть русский частичный эквивалент – *Один пирог два раза не съешь*. Однако, учитывая контекст романа, М. Дьяконова подобрала фразеологический аналог *Что с возу упало, то пропало*, основанный на другом образе и означающий «что потеряно, того не вернёшь»: “*The feller has left you, has he?*” *the baronet said, beginning, as he fancied, to comprehend. “Well, Becky, come back if you like. You can’t eat your cake and have it. Anyways, I made you a fair offer. Come back as governess – you shall have it all your own way”* [26] – «Значит, молодчик вас бросил, так, что ли? – сказал баронет, начиная, как он воображал, понимать. – Ладно, Бекки! Возвращайтесь, если хотите. **Что с возу упало, то пропало.** Во всяком случае, я сделал вам предложение по всем правилам. Возвращайтесь ко мне гувернанткой, всё равно – всё будет по-вашему» [12].

В пьесе «Цезарь и Клеопатра» (действие III) ирландского драматурга и романиста Джорджа Бернарда Шоу находим английскую паремию *Every dog has his day*, значение которой – «у каждого бывает благоприятный период; не нужно пытаться получить все блага жизни прямо сейчас». В русском языке находим аналоги: *Будет и на нашей улице праздник; Не всё коту масленица*. Е. Голышева в своём переводе использовала другой фразеологический аналог – русскую пословицу *Всякому / каждому овощу – своё время*: “*Achillas is still in his prime: Ptolemy is a boy (He eats another date, and plucks up a little). Well, every dog has his day; and I have had mine: I cannot complain*” [25] – «Ахилла – во цвете лет, Птолемей – ещё ребёнок (Съедает ещё финик и становится бодрее). **Что ж, каждому овощу – своё время**, и я взял своё, мне не на что жаловаться...» [18]. Выбор именно этого аналога также обусловлен контекстом, поскольку говорящий как бы проводит аналогию между циклом жизни человека и растения как части природы.

Пословица *Scratch my back, and I'll scratch yours* была нами выявлена в романе «Финансист» (глава X) американского писателя, публициста и прозаика Теодора Драйзера. Значение паремии – «есть поможешь мне – я помогу тебе». В русском языке находим следующие паремии с аналогичным значением: *Рука руку моет; Услуга за услугу*. Поскольку второй вариант прямо указывает на взаимовыгодные действия, переводчик М. Волосов для передачи пословицы использовал более подходящий завуалированный фразеологический аналог, сочетающийся с контекстом романа: “*There was a political ring in Philadelphia in which the mayor, certain members of the council, the treasurer, the chief of police, the commissioner of public works, and others shared. It was a case generally of “You scratch my back and I’ll scratch yours”* [21] – «В Филадельфии действовала целая шайка: в долю входили мэр города, несколько членов муниципалитета, казначей, начальник полиции, уполномоченный по общественным работам и другие чиновники. Их девиз был **«рука руку моет»**» [4].

В сборнике этюдов о жизни на Востоке «На китайской ширме» британского писателя Уильяма Сомерсета Моэма встречается пословица *Every cloud has silver lining*, которая появилась в Америке во время Гражданской войны и имела негативное значение. После войны отрицательная частица *not* «выпала» из изречения. Аналогами вышеуказанной пословицы являются: *Не было бы счастья, да несчастье помогло; Нет худа без добра*. Переводом сборника «На китайской ширме» занималась группа переводчиков, среди которых И. Гурова, И. Бернштейн, В. Вебер, Г. Косов и А. Ливергант. Вышеуказанную паремию переводчики интерпретировали с помощью метода фразеологического аналога: *I confess that I was staggered, but I determined to do my part. It was only civil. “Most men live long enough to discover that every cloud has a silver lining,” I began earnestly*” [24] – *Признаюсь, я был ошеломлён, но твёрдо решил*

вносить свою лепту. Этого требовала простая вежливость. «Люди в большинстве живут достаточно долго, чтобы узнать на опыте, что *худа без добра не бывает*, – начал я с глубоким убеждением» [10].

Британская писательница Агата Кристи в своём детективном романе «Человек в коричневом костюме» (глава XX) использовала паремию *Tell tales out of school*, значение которой – «разглашать чужие тайны». Аналогом данной паремии в русском языке является поговорка *выносить сор из избы*, которую Т. Шишова применила при переводе изречения: “*What is Sir Eustace doing?*” asked Suzanne. “*I haven’t seen him about today.*” Rather an odd expression passed over the Colonel’s face. “*He’s got a little trouble of his own to attend to which is keeping him busy... I mustn’t tell tales out of school.*” [19] – «Что делает сэр Юстас? – спросила Сьюзен. – Я его сегодня еще не видела». На лице полковника промелькнуло довольно странное выражение: «У него небольшие неприятности личного характера, которыми он вынужден заниматься... Я не должен *выносить сор из избы*» [9].

В пролетарском романе «Лишённый наследства» (часть II, глава V) американского писателя Джека Конроя находим поговорку *Jack of all trades and master of none*. Данную паремию можно разделить на две части: *Jack of all trades* (аналоги: *Мастер на все руки; И швец, и жнец, и на дуде игрец*) имеет положительную коннотацию, в то время как *master of none* – отрицательную. Переводчик А. Бурцев первую часть пословицы перевёл при помощи фразеологического аналога, а во второй части использовал метод описательного перевода, умело сохранив связь поговорки с контекстом: “*I had two hundred jobs all told... Reckon I’m a Jack of all trades and master of none*” [20] – «Я сменил двести разных работ. *Мастер на все руки и ни одной специальности*» [8]. Образы в основе паремии должны соответствовать конкретному контексту, переводчик должен учитывать национальную окраску паремиологических единиц и стилистическую неравноценность некоторых аналоговых пословиц и поговорок. При переводе пословиц и поговорок следует уделять большое внимание контексту, пытаться найти вариант в языке перевода наиболее подходящий переводимой единице. Переводчик должен быть осведомлён об особенностях культуры того или иного народа и национальной специфике языка перевода.

Как показало исследование, метод фразеологического аналога, обеспечивающий высокий уровень эквивалентности, достаточно часто применяется переводчиками для передачи паремий в художественных произведениях: он был выявлен в 20,88 % случаев перевода пословиц и поговорок англоязычной художественной литературы на русский язык. При удачном использовании фразеологического аналога замена образов не препятствует адекватной передаче значения англоязычной паремии. Однако переводчику следует учитывать возможные смысловые и стилистические различия, эмоционально-экспрессивную, оценочную и ассоциативную окраску паремий, основанных на разных образах в языках оригинала и перевода.

Проведённое нами исследование имеет существенную практическую значимость. Результатом работы стал комплекс упражнений, в частности, на соотношение образов в основе английских паремий и их русскоязычных соответствий, классификацию паремий по семантическому, морфологическому, тематическому и стилистическому принципам, восстановление пословиц и поговорок из предложенных элементов, определение способов перевода, соотношение и поиск переводческих соответствий, поиск фразеологических аналогов паремий. Разработаны задания как для начального, так и для углублённого уровня изучения иностранного языка и перевода. Анализ структуры английских паремий и сравнение их с аналогами в русском языке

способствует познанию культуры англоязычных стран, расширяет кругозор и развивает образное мышление. Будущим переводчикам рекомендуется использовать данную систему упражнений для овладения навыками перевода образной фразеологии. Данный комплекс упражнений способствует совершенствованию знаний английского языка и развивает навыки применения пословиц и поговорок на практике, что в итоге позволяет придать речи яркость, особую выразительность и неповторимое своеобразие.

Полученные результаты исследования могут быть использованы на занятиях по художественному и аспектному переводу, сравнительной лексикологии и сравнительной стилистике, при составлении новых фразеологических словарей. Перспективным является исследование способов перевода окказионально модифицированных паремий как в художественном, так и других дискурсах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Гейм С. «Крестоносцы» войны : Роман / С. Гейм ; пер. с англ. Е. Калашниковой, Н. Волжиной и Н. Дарузес. – М. : Вече, 2008. – 685 с.
3. Голсуорси Дж. Белая обезьяна [Электронный ресурс] / Дж. Голсуорси ; пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. – Режим доступа : <http://lib.ru/INPROZ/GOLSUORSI/saga5.txt> (дата обращения : 17.10.2020).
4. Драйзер Т. Финансист [Электронный ресурс] / Т. Драйзер ; пер. с англ. М. Волосова. – Режим доступа : http://az.lib.ru/d/drajzer_t/text_1912_the_financier.shtml (дата обращения : 23.10.2020).
5. Казакова Т.А. Практические основы перевода. Серия: Изучаем иностранные языки / Т.А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 320 с.
6. Колесов В.В. Мудрое слово Древней Руси XI-XVII вв. / В.В. Колесов. – М. : Сов. Россия, 1989. – 464 с.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 2001 – 176 с.
8. Конрой Дж. Лишённый наследства [Электронный ресурс] / Дж. Конрой ; пер. с англ. А. Бурцева. – Режим доступа : <https://www.rulit.me/books/lishennyj-nasledstva-the-disinherited-read-597514-5.html> (дата обращения : 05.11.2020).
9. Кристи А. Человек в коричневом костюме [Электронный ресурс] / А. Кристи ; пер. с англ. Т. Шишовой. – Режим доступа : https://mir-knig.com/read_334458-25 (дата обращения : 08.11.2020).
10. Моэм С. На китайской ширме [Электронный ресурс] / У. С. Моэм ; пер. с англ. И. Гуровой, И. Бернштейн, В. Вебера, Г. Косова, А. Ливерганта. – Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=631891&p=1> (дата обращения : 18.10.2020).
11. Твен М. Собрание сочинений в 8 томах : Том 6. Янки из Коннектикута при дворе короля Артура. Простоты Вильсон / М. Твен ; пер. с англ. В. Лимановской. – М. : Правда, 1980. – 408 с.
12. Теккерей У. Ярмарка тщеславия [Электронный ресурс] / У. Теккерей ; пер. с англ. М. Дьяконова. – Режим доступа : https://bookscafe.net/read/tekkerey_uilyam-yarmarka_tscheslaviya-75064.html#p66 (дата обращения : 05.11.2020).
13. Толкин Дж. Властелин колец [Электронный ресурс] / Дж. Р.Р. Толкин ; пер. с англ. В. Муравьева и А. Кистяковского. – Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=70975&p=1> (дата обращения : 01.11.2020).
14. Толкин Дж. Две башни [Электронный ресурс] / Дж. Р.Р. Толкин ; пер. с англ. М. Каменкович, В. Каррика. – Режим доступа : <https://www.litmir.me/bd/?b=71461> (дата обращения : 05.11.2020).
15. Толкин Дж. Две крепости [Электронный ресурс] / Дж. Р.Р. Толкин ; пер. с англ. Н. Григорьевой и В. Грушецкого. – М. : Изд-во «АСТ». – 2015. – Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=89201&p=1> (дата обращения : 18.10.2020).
16. Толкин Дж. Две твердыни [Электронный ресурс] / Дж. Р.Р. Толкин ; пер. с англ. В. Маториной. – Режим доступа : <https://fantasy-worlds.org/lib/id25801/> (дата обращения : 12.10.2020).
17. Толкин Дж. Хоббит, или Туда и обратно [Электронный ресурс] / Дж. Р.Р. Толкин ; пер. с англ. В. Маториной. – Режим доступа : https://royallib.com/read/tolkien_dgon/hobbit_ili_tuda_i_obratno_per_v_matorinoy.html#0 (дата обращения : 25.10.2020).

18. Шоу Б. Цезарь и Клеопатра [Электронный ресурс] / Дж. Б. Шоу ; пер. с англ. Е. Голышевой. – Режим доступа : https://librebook.me/caesar_and_cleopatra/vol1/6?mtr (дата обращения : 01.10.2020).
19. Christie A. The Man in the Brown Suit [Electronic resource] / A. Christie. – Access mode : <http://booksonline.com.ua/view.php?book=98835&page=28> (accessed : 03.09.2020).
20. Conroy J. The Disinherited [Electronic resource] / J. Conroy. – Access mode : <https://archive.org/details/disinherited00conr> (accessed : 21.09.2020).
21. Dreiser Th. The Financier [Electronic resource] / Th. Dreiser. – Access mode : https://royallib.com/read/Dreiser_Theodore/The_Financier.html#122880 (accessed : 05.11.2020).
22. Galsworthy J. The White Monkey [Electronic resource] / J. Galsworthy. – Access mode : <https://iknigi.net/avtor-dzhon-golsuorsi/37059-the-white-monkey-dzhon-golsuorsi/read/page-20.html> (accessed : 15.10.2020).
23. Heym S. The Crusaders / S. Heym. – Boston : Little, Brown, 1948. – 642 p.
24. Maugham W. On a Chinese Screen [Electronic resource] / W. S. Maugham. – Access mode : https://royallib.com/book/MAUGHAM_W/on_a_chinese_screen.html (accessed : 18.10.2020).
25. Shaw B. Caesar and Cleopatra [Electronic resource] / G. B. Shaw. – Access mode : https://www.gutenberg.org/files/3329/3329-h/3329-h.htm#link2H_4_0003 (accessed : 01.11.2020).
26. Thackeray W. Vanity Fair [Electronic resource] / W. Thackeray. – Access mode : <http://lib.ru/INPROZ/TEKKEREJ/vfair10.txt> (accessed : 05.11.2020).
27. Tolkien J. The Fellowship of the Ring [Electronic resource] / J. R. R. Tolkien. – Access mode : http://www.ae-lib.org.ua/texts-c/tolkien_the_lord_of_the_rings_1_en.htm (accessed : 01.11.2020).
28. Tolkien J. The Hobbit or There and Back Again [Electronic resource] / J. Tolkien. – Access mode : http://www.ae-lib.org.ua/texts-c/tolkien_the_hobbit_en.htm (29.10.2020).
29. Tolkien J. The Two Towers [Electronic resource] / J. R. R. Tolkien. – Access mode : http://www.ae-lib.org.ua/texts-c/tolkien_the_lord_of_the_rings_2_en.htm (accessed : 01.11.2020).
30. Twain M. Pudd'nheadWilson / M. Twain. – Harmondsworth : Penguin Books, 1986. – 324 p.

Поступила в редакцию 15.01.2021 г.

METHOD OF PHRASEOLOGICAL ANALOGUE IN TRANSLATING ENGLISH PAROEMIAS INTO RUSSIAN (BASED ON FICTION)

N.A. Yasinetskaya, T.N. Nemykina

The article focuses on the method of phraseological analogue as a way of translating English proverbs and sayings into Russian. The work is relevant due to the fact that paroemias pose one of the main translation problems. The research material is a sample of proverbs and sayings from the works of the English-language authors and their translation equivalents. It is found out that in 20.88% of cases translators use the phraseological analogue method to render the meanings of the English paroemias into Russian.

Key words: paroemias, proverbs, sayings, fiction, translation of set expressions, phraseological analogue.

Ясинецкая Наталья Анатольевна.

Кандидат филологических наук.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

Доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода.

E-mail: natalia_yasinetskaya@mail.ru

Немыкина Татьяна Николаевна.

Магистрант 2 курса направления подготовки 45.04.02 Лингвистика.

ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

E-mail: nemykina-larisa@mail.ru

Yasinetskaya Natalia Anatolievna.

Candidate of Philology.

Gorlovka Institute of Foreign Languages.

Associate Professor of Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation.

E-mail: natalia_yasinetskaya@mail.ru

Nemykina Tatiana Nikolaevna.

Second-year student in the master's programme in Linguistics.

Gorlovka Institute of Foreign Languages.

E-mail: nemykina-larisa@mail.ru

УДК 811.111:81'37

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ПРИРОДНО-СТИХИЙНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

© 2021 *Е. Ю. Войтенко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена анализу структурно-семантических особенностей английских и русских глагольных ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий: *air, earth, fire, water* – в английском языке и *воздух, земля, огонь, вода* – в русском языке. Выделены и проанализированы структурно-семантические модели, описаны доминантные сферы английской и русской лингвокультур в пределах образов четырех стихий.

Ключевые слова: коды культуры, воздух, земля, огонь, вода, глагольная фразеологическая единица, структурно-семантическая модель.

Введение. В современном языкознании особенно актуальной является проблема репрезентации культуры в языках. Проводимые лингвокультурологические сопоставительные исследования позволяют выявить не только универсальные и специфические характеристики языкового материала, но и национальное своеобразие народов-носителей языков и их культур [3, с. 13]. Как отмечает О.Л. Бессонова, «каждое языковое сообщество имеет свою коммуникативную структуру, основывающуюся на системе социальных ролей, норм и ценностей, которая репрезентируется в речевом поведении коммуникантов – носителей языка» [1, с. 73]. Э.П. Кауи также отмечает, что язык является важнейшим механизмом, способствующим формированию коллективной культурной идентичности [17, с. 56].

В связи с повышенным интересом лингвистов к изучению взаимосвязи культуры и языка фразеология становится одним из актуальных объектов исследования, так как она является неотъемлемой частью языковой картины мира любого народа. Согласно В.Н. Телии, «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [9, с. 11]. Фразеологические единицы (далее ФЕ) обладают повышенной степенью символичности – при изучении их внутренней формы можно выделить коды культуры, связанные с древними архетипическими и мифологическими представлениями о мире, реконструировать фрагмент национальной картины мира, лучше понять мировоззрение и мировосприятие носителей языка. Э. Пириайнен также подчеркивает тот факт, что фразеологизмы являются носителями культурной информации, что обуславливает необходимость исследований того, как культура проявляет себя в данных языковых знаках [18].

Одним из перспективных направлений изучения взаимосвязи языка и культуры является направление, которое основывается на исследовании, анализе и сопоставлении культурных кодов, так как «те или иные объекты окружающего нас мира (как природные, так и артефакты), помимо выполнения своих прямых функций, обретают еще и функцию знаковую, оказываются способными нести некие добавочные значения» [5, с. 2].

Особенностям реализации кодов культуры посвящены работы отечественных лингвистов: Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой, В.А. Масловой, М.В. Пименовой, В.Н. Телии и многих др. М.В. Пименова дает следующее определение кодам культуры – это

«специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [8, с. 274]. При этом, как отмечает Е.В. Трофимова, если «коды культуры являются универсальным явлением, то особенности их проявления в той или иной культуре носят национально-культурный характер» [10, с. 71]. Исследование фразеологических единиц в контексте культуры также предпринимают зарубежные лингвисты: М. Беднарек, А. Вежбицкая, П. Ли, Э. Паули, Б. Питерс, П. Скандера, Д. Шёнефельд и др (см. [16]).

В данной работе рассматриваются английские и русские фразеологизмы с компонентами, обозначающими названия стихий. Стихии (от греч. *stoicheion* – первоначало, первооснова, элемент) понимаются как неразложимые элементы: *огонь*, *вода*, *воздух* и *земля*, лежащие в основе всех явлений природы.

Компоненты, обозначающие названия стихий, являются фразеологически активными в сопоставляемых языках. Стихии, по мнению Г. Гачева, «слышатся как основные термины метаязыка, которым можно все обозначать, зацеплять из бытия в сознание и сообщаться людям и понимать друг друга на уровне сознания» [4, с. 186]. Несмотря на то, что понятия четырех стихий – воды, земли, огня и воздуха – являются транскультурными, языковые единицы с компонентами, обозначающими их названия, обладают ярко выраженными национально-культурными коннотациями. И так как компоненты в составе фразеологизма принимают участие в создании его образа, через них можно проследить корреспонденцию ФЕ с кодами культуры, то есть «с теми источниками... которые явились предметами их осмысления и оценивания в процессе жизнедеятельности» [6, с. 60–61].

Материал исследования составляют 670 ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий (*вода*, *воздух*, *земля* и *огонь* – в русском языке; *water*, *air*, *earth*, *fire* – в английском языке), отобранных из английских и русских фразеологических и толковых словарей методом сплошной выборки (350 ФЕ – в английском языке и 320 ФЕ – в русском языке).

Методология и методы исследования. В данной работе применен метод сопоставительного анализа языковых единиц. Методика исследования включает в себя ряд этапов [2], одним из которых является сопоставительный анализ структурно-семантических особенностей ФЕ. Целью данного этапа является выявление структурно-грамматических параллелизмов и расхождений исследуемых единиц, а также анализ основных семантических моделей ФЕ, их продуктивности, что позволяет лучше понять специфику исследуемых единиц, так как невозможно изучить значение ФЕ без изучения ее формы [11, с. 17].

Существуют различные подходы к классификации ФЕ (см. работу О.Л. Бессоновой [14]). В основу данного исследования положены классификации ФЕ, разработанные А.В. Куниным [7], Н.М. Шанским [13], А.М. Чепасовой [12]. В частности, в работе была учтена классификация английских ФЕ А.В. Кунина, который выделил четыре класса ФЕ, в зависимости от соотношенности их со знаменательными, служебными, модальными словами и междометиями, а также с переменными предложениями.

По мнению Н.М. Шанского, «преимущественное употребление того или иного фразеологизма в функции именно этого, а не какого-либо другого члена предложения зависит от его отнесенности к определенной части речи, т. е. его лексико-грамматического значения» [13, с. 52]. Ученый отмечает, что в отнесении ФЕ к той или иной части речи большое значение имеет характер стержневого компонента, однако его значение не всегда совпадает со значением ФЕ в целом. Так, полисемантическую ФЕ *milk*

and water в ее первом значении ‘суесловие, «вода»: что-л. пустое, бессодержательное’ можно отнести к субстантивной ФЕ, а во втором – ‘безвольный, бесхарактерный’ – к адъективной.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе анализа были выделены следующие типы ФЕ в сопоставляемых языках: ФЕ со структурой словосочетания и ФЕ со структурой предложения. Стоит отметить, что наиболее многочисленную группу в обоих языках составляют ФЕ со структурой словосочетания – 293 ФЕ (84%) в английском языке и 227 ФЕ (71%) в русском языке.

Самым многочисленным классом как в английском, так и в русском языке является класс глагольных ФЕ, количество которых практически совпадает в сопоставляемых языках – 152 ФЕ (43%) и 126 ФЕ (39%) соответственно, при этом глагольные ФЕ могут быть некомпаративного характера, например, *to disappear (vanish, fall) off the face of the earth* ‘исчезнуть с лица земли’, *видеть на три (на два) аришина под землей (под землю, в землю)* ‘обладать необыкновенной проницательностью’ и компаративного характера, например, *to shed blood like water* ‘проливать кровь’, *провалился как (будто, словно, точно) сквозь землю* ‘неожиданно исчез’.

Рассмотрим продуктивные модели глагольных ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, в английском и русском языках.

Среди ФЕ некомпаративного характера в исследуемых языках, наиболее продуктивной является модель **V + N** – 58 ФЕ (38%) в английском языке и 39 ФЕ (31%) в русском языке, например, *take the water* ‘войти в воду и поплыть’, *воду качать* ‘заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время’, *сотрясать воздух* ‘громко, высокопарно говорить что-л., не вызывая сочувствия у слушателей’.

В английском языке существительные в данной модели могут употребляться как с неопределенным артиклем, например, *fire a shot* ‘выпалить, сделать решительный шаг’, так и с определенным артиклем, например, *take the air* ‘прогуливаться, дышать свежим воздухом’.

Кроме того, для ФЕ исследуемых языков характерна адноминальная модификация (*adnominal idiom modification* – термин, который использует А. Ланглотц [15, с. 256]), то есть препозитивные определения, например, например, *draw a lot(s) of water* ‘быть важной персоной, влиятельным человеком’, *to enter treacherous waters* ‘букв. войти в ненадежные, мутные воды’, или постпозитивные определения, например, *keep the home fires burning* ‘«поддерживать огонь в семейном очаге», сохранять семью’, *толочь воду (в ступе)* ‘занимаясь чем либо бесполезным, напрасно тратить время’. Также к данному классу относятся ФЕ с препозитивным расширением существительного притяжательным местоимением, например, *to air one's lungs* ‘сквернословить’.

В отличие от английского языка, в русском в ряде ФЕ наблюдается обратный порядок последовательности компонентов, например, *землю рыть* ‘делать все возможное, проявлять чрезмерную активность для достижения своих (обычно корыстных) целей’, *воду качать* ‘заниматься чем-либо бесполезным, попусту тратить время’. Также следует отметить, что в русском языке наблюдаются ФЕ, содержащие в составе отрицание, например, *водой не разольешь (не разлить)* ‘о неразлучных друзьях’, *ни пяди земли не отдать (не уступить)* ‘нисколько, даже самой небольшой части не отдать врагу’.

Следующей по продуктивности является группа глагольных некомпаративных ФЕ со структурной моделью **V + pr + N** – 52 ФЕ (34%) в английском языке и 37 ФЕ (29%) в русском языке, например, *to fish in the air* ‘заниматься бесполезной работой’, *сидеть на земле* ‘заниматься земледелием, сельским хозяйством’. Для данной группы как в

английском, так и в русском языках характерно препозитивное и постпозитивное расширение существительного. Расширение существительного может происходить за счет притяжательного местоимения, например, *to bring smb back (down) to earth* ‘спустить кого-л. с небес на землю’, а также за счет прилагательного, например, *to fish in troubled waters* ‘извлекать (личную) выгоду из сложной ситуации; ловить рыбу в мутной воде’, *выводить / вывести на чистую (свежую) воду* ‘разоблачать кого-л, что-л’.

К ФЕ с постпозитивным расширением относятся, например, *to disappear (vanish, fall) off the face of the earth* ‘исчезнуть с лица земли’, *перебиваться с хлеба на квас (на воду)* ‘жить некоторое время кое-как, с большим трудом содержа себя’.

Кроме того, анализ исследуемого материала позволил выделить такую продуктивную модель, как **V + N + pr + N** – 27 ФЕ (18%) английского языка и 16 ФЕ (13%) русского языка. В данном структурном типе первым зависимым компонентом является прямой объект, вторым – косвенный, например, *to carry (draw) water in a sleeve* ‘решетом воду носить, толочь воду в ступе’, *потупить (опустить) глаза в землю* ‘направить взгляд вниз’. В данном классе в исследуемых языках наблюдается расширение зависимых компонентов при помощи прилагательных или притяжательных местоимений, например, *to put one's finger(s) in the fire* ‘напрашиваться на неприятности, лезть на рожон, рисковать’, *to pour oil on the (troubled) waters* ‘действовать успокаивающе, умиротворять’, *зарывать/зарыть (свой) талант в землю* ‘губить способности, не использовать их, не давать им развиваться’.

Некомпаративные глагольные ФЕ со структурой **V + N + Adj/Adv** составляют незначительную часть исследуемого материала. Это 4 ФЕ (3%) в английском языке, например, *to push water uphill* ‘делать бессмысленные попытки’, *to make (turn) the air blue* ‘ругаться, сквернословить’ и 1 ФЕ (1%) в русском языке – *напрасно тяготить землю* ‘жить бесцельно’.

Также немногочисленной группой некомпаративных ФЕ в английском языке являются глагольные ФЕ с придаточными предложениями. Это *to swim in the same water we all do* ‘находиться в тех же условиях, что и другие’ и ФЕ *to have a bullet which can be fired* ‘букв. иметь пулю, которая может выстрелить’.

Рассмотрим далее компаративные глагольные ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий. Следует отметить, что в русском языке они составляют более многочисленную группу – 33 ФЕ (26%), в отличие от английского языка – 9 ФЕ (6%).

Согласно А.В. Кунину, «в глагольных компаративных фраземах первые компоненты употребляются в буквальном значении, а остальные переосмысленные компоненты являются интенсификаторами или уточнителями, семантическими дифференциаторами первых компонентов» [7, с. 166]. У оборотов этого типа подчинительная структура. В данных ФЕ в качестве сравнительного компонента выступают *like (as)* в английском языке, например, *to flow like water* ‘рекой литься (о вине), рекой течь (о деньгах)’ и *как (будто, словно, ровно, ну же)* в русском языке, например, *смотреть как баран на воду (на новые ворота)* ‘непонимающе и растеряно’.

Структурные модели русских глагольных компаративных ФЕ следующие: **V + comp + pr + N**, например, *бежать как от огня* ‘бежать быстро, без оглядки, спасаясь от опасности’, *гореть (быть) как в огне* ‘о температуре, о покрасневшем лице’; **V + comp + N**, например, *бояться кого, чего как (ну же) огня* ‘очень бояться’, *как (будто, словно, точно) водой смыло кого-то* ‘мгновенно исчезнуть, удалиться’; **V + comp + N + pr + N** – *уходить (утекать) как вода в песок* ‘о незаметном, но непрерывном и быстром исчезновении, расходовании’.

Структурные модели английских глагольных компаративных ФЕ следующие: **V + comp + N** – *flow like water* ‘рекой литься (о вине), рекой течь (о деньгах)’, *spread like wildfire* ‘быстро распространяться’, *burn like fire* ‘жечь как огонь’; **V + N + comp + N** – *shed blood like water* ‘проливать кровь’, *spend money like water* ‘сорить деньгами’; **V + comp + V + prep. + N** – *be (feel) like a fish out of water* ‘человек не в своей стихии’, *get on like a house on fire (позднее afire)* ‘1) быстро и легко продвигаться вперед, быстро распространяться, делать огромные успехи; 2) ладить друг с другом, жить душа в душу’.

Рассмотрим далее семантические особенности английских и русских ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий. Так как исследуемые ФЕ являются глагольными, они обладают процессуальным категориальным значением, их основным свойством является выражение действия, состояния или изменения как процесса. Анализ фактического материала показал, что наиболее продуктивными группами в исследуемых языках являются ФЕ, характеризующие действия человека – в английском языке было выделено 61 ФЕ (39%), в русском – 33 ФЕ (33%). Это, например, ФЕ, характеризующие:

– бессмысленные или нерациональные действия: *to carry (draw) water in a sieve* ‘решетом воду носить, толочь воду в ступе, проводить время попусту’; *путаться (бродить) по земле (по свету)* ‘слоняться, скитаться; бесцельно проводить время, жизнь’;

– рискованные и опасные действия: *to put one's finger(s) in the fire* ‘напрасиваться на неприятности, лезть на рожон, рисковать’; *играть (шутить) с огнем* ‘поступать неосмотрительно, неосторожно, не думая о последствиях’;

– агрессивные действия: *to put to fire and sword* ‘предать огню и мечу’; *сровнять с землей* ‘разрушить до основания’.

Значительными в исследуемых языках являются также группы ФЕ, используемые для характеристики межличностных отношений (22% в английском языке, 18% – в русском языке). Это, например, такие подгруппы как:

– воздействие, влияние на другого человека (чаще негативное): *to get smb into hot water* ‘втянуть кого-л. в беду’; *утопить в ложке воды* ‘по незначительным, пустяковым причинам причинять зло, неприятности’.

– критическое отношение: *to come under fire* ‘попасть под град критики’, *вести огонь (по кому, чему)* ‘выявлять недостатки, критиковать’.

Продуктивной группой в английском языке являются также ФЕ, характеризующие текущее положение дел (16 ФЕ (11%)), при этом значительная часть подобных ФЕ выражает затруднительное положение, в котором оказывается человек, например, *to get into hot water* ‘попасть в беду, «влипнуть», запутаться’. Сложное финансовое положение выражают, например, ФЕ *to live on air* ‘жить неизвестно на что, питаться воздухом’, *to be in low water* ‘быть без денег, находиться в стесненных обстоятельствах’.

Кроме того, в группу английских глагольных ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, входят ФЕ, которые характеризуют поведение человека (10%), например, *to assume (give oneself, put on) airs* ‘напускать на себя важность, важничать, зазнаваться’. Стоит отметить, что в отличие от английского языка, в русском данные группы не являются продуктивными (3% и 4% соответственно).

Далее стоит отметить значительное расхождение в количественных данных относительно групп глагольных ФЕ, характеризующих эмоциональное и физическое состояние человека, в английском и русском языках. В русском языке данную группу составляют 27 ФЕ (27%), в то время как в английском языке – 14 ФЕ (9%). Радость и

энтузиазм выражает, например, русская ФЕ *земли под собой не слышать (не чуют)* ‘быть очень счастливым’, *dance on air* ‘быть очень счастливым’, страх – *бежать как от огня* ‘без оглядки, опасаясь чего-то’; неуверенность – *сидеть как на (в) огне (углях, иголках)* ‘нервничать, чувствовать себя неуверенно’; состояние задумчивости и/или мечтательности выражают ФЕ *строить воздушные замки* ‘строить планы, несбыточные мечты’, *потупить (опустить) глаза в землю* ‘задуматься (ни на что вокруг не глядя)’. Физическое состояние человека выражают ФЕ *спать как маковой воды напившись* ‘спокойно, глубоко спать’, *гореть (быть) как в огне* ‘о температуре, о покрасневшем лице’, *как огнем охватило* ‘о внезапном ощущении жара’.

Заключение. Структурный анализ ФЕ с компонентами, означающими названия стихий, в английском и русском языках показал преобладание глагольных единиц со структурой словосочетания. Среди некомпаративных глагольных ФЕ в исследуемых языках наиболее продуктивной является модель **V + N**. В ряде ФЕ русского языка с данной структурной моделью зафиксирован обратный порядок следования компонентов, а также наличие отрицания в структуре ФЕ. Продуктивными группами являются также глагольные некомпаративные ФЕ со структурными моделями **V + pr + N** и **V + N + pr + N**. Компаративные глагольные ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, в русском языке составляют более многочисленную группу в отличие от английского языка. Продуктивными структурными моделями русских глагольных компаративных ФЕ являются следующие: **V + comp + pr + N**, **V + comp + N** и **V + comp + N + pr + N**. Следует отметить, что анализ изучаемого материала свидетельствует о существенном сходстве структурно-грамматической организации глагольных ФЕ в исследуемых языках, так как несмотря на количественные расхождения, были зафиксированы схожие продуктивные модели словосочетаний.

Сопоставительный анализ семантических особенностей показал, что большая часть исследуемых глагольных ФЕ в английском и русском языках семантически ориентированы на человека – его деятельность и межличностные отношения. Кроме того, значительный пласт русских глагольных ФЕ актуализирует эмоциональное и физическое состояние человека, в то время как в английских глагольных ФЕ через образы стихий более подробно вербализированы внешние воздействия на человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О.Л. Отражение представлений о социальных ролях в картине мира носителей неблизкородственных языков / О.Л. Бессонова // Педагогика: история, перспективы. – 2020. – Том 3. – № 4. – С. 71–83. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doi.org/10.17748/2686-9969-2020-3-4-71-83> (дата обращения: 05.02.2021).
2. Войтенко Е.Ю. Методика лингвистического анализа фразеологических единиц, репрезентующих природный код культуры / Е.Ю. Войтенко // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : [сб. межд. науч. конф.]. – Донецк: ДонНУ, 2020. – С. 26–28.
3. Воробьев В.В. Сопоставительная лингвокультурология как новое научное направление / В.В. Воробьев, Г.М. Полякова // Вестн. РУДН, сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». – 2012. – № 2. – С. 13–18.
4. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос. Национальные образы мира. / Г.Д. Гачев. – М.: Академический проект, 2015. – 512 с.
5. Гудков Д.Б. Коннотации и символические значения единиц вербальных культурных кодов / Д.Б. Гудков // II Международный конгресс исследователей русского языка "Русский язык: исторические судьбы и современность" [сб. тезисов]. – М., 2004. – С. 2.
6. Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М.Л. Ковшова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – Т. 67. – № 2, М.: РАН, 2008. – С. 60–65.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. Шк., Дубна: Изд. Центр «Феникс», 1996. – 381 с.

8. Пименова М.В. Код лингвокультуры: метаязык описания / М.В. Пименова // Термінологічний вісник. 2017. – Вип. 4. – С. 274-281. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/terv_2017_4_40 (дата обращения: 25.11.2020).
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. / В.Н. Телия. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Трофимова Е.В. Культурные коды во фразеологизмах, обозначающих отрицательные эмоции, в английском языке / Е.В. Трофимова // Филологические исследования Далековского университета. Язык и литература в контексте культуры и межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. – Вып. 4. – Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2018. – С. 70–79.
11. Федулёнок Т.Н. Семь распространенных моделей в библейской фразеологии современного английского языка / Т.Н. Федулёнок, З.К. Адамия // International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). Scientific Journal WEST-EAST. – Vol 2/1 – N1 (October, 2019). – С. 17–23.
12. Чепасова А.М. Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. / А.М. Чепасова. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2016. – 211 с.
13. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учеб. Пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература» / Н.М. Шанский. – 4-е изд. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.
14. Byessonova O.L. Teaching idioms: challenges and approaches / O.L. Byessonova // Current Higher Education Environment: Views and Perspectives: non-conference proceedings. – 2017. – 1 Vyd. – Arkalyk: Arkalyk State Pedagogical Institute, 2017. – PP. 36–42.
15. Langlotz A. Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. / A. Langlotz. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. – 326 p.
16. Phraseology and Culture in English. ed. by Paul Skandera. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2007. – 511 p.
17. Phraseology. Theory, Analysis and Application. ed. by A. P. Cowie. – Oxford, 1998. – 258 p.
18. Piirainen E. Phraseology in a European framework: A cross-linguistic and cross-cultural research project on widespread idioms / E. Piirainen // Phraseology. An interdisciplinary perspective. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. – PP. 243–259.

Поступила в редакцию 15.02.2021 г

STRUCTURE AND SEMANTICS OF ENGLISH AND RUSSIAN VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS REPRESENTING THE CULTURAL CODE “NATURE”

Elena Yu. Voitenko

The article deals with the analysis of structure and semantics of English and Russian verbal idioms with *air, earth, fire, water* as components. Structural patterns and semantic types have been identified and analysed. The dominant spheres in English and Russian linguocultures associated with metaphoric images of the four designations under study have been described.

Key words: cultural code, air, earth, fire, water, verbal phraseological unit, idiom, structure, semantics, pattern.

Войтенко Елена Юрьевна.

Аспирант кафедры английской филологии.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет».
E-mail: elena-vtn@mail.ru

Voitenko Elena Yu.

Post-Graduate Student of English Philology
Department.
Donetsk National University.
E-mail: elena-vtn@mail.ru

УДК 81'37:124.5:811

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ «ЦЕННОСТЬ» В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

© 2021 Д.А. Гармаш

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Проблема описания семантики языковых знаков рассматривается как центральная при обращении к вопросам интерпретации концептуальных знаний человека об окружающем мире. В статье исследуется семантический объем понятия «ценность» в английском, испанском и русском языках, дается вывод о культурологически значимых и национально обусловленных семантических маркерах в структуре лексического значения данного понятия.

Ключевые слова: понятие, аксиология, ценность, семантический объем, ядерные и периферийные признаки.

При всем многообразии определений понятия *ценность* вопрос об их систематизации возникает снова и снова и привлекает внимание исследователей в различных областях знания. Так, ценности находятся в фокусе *философских* исследований: Цели и ценности: как возможен моральный поступок? [6], Изучение проблемы ценностей в современной философии [12], Интерпретации ценности в современной философии [16]. В *психологии* ряд работ посвящен проблеме ценностей и их классификаций: Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности [3], Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) [4], Общечеловеческие ценности глазами психолога-профессиеведа [10], Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени [11]. К *культурологическим* исследованиям ценностей относится такое исследования как Понятие «Культурная ценность»: философско-культурологические аспекты [14]. Именно универсальностью понятия *ценность* логично объяснить интерес к его исследованию в разных областях *лингвистики*: Лингвокультурные ценности в дискурсе [8], Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо»-«плохо» [5], Странник в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ [13], Conceptualisation of Emotions and their Verbalization in the English Language Evaluative Thesaurus [19], Hierarchy of values in the English language model of the world [20], Is Cultural Linguistics, but Is it cultural linguistics? [28].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью объяснить трактовку понятия *ценность* (англ. *value*, исп. *valor*), а также несомненной значимостью данного понятия для всех культур. Объектом исследования является понятие *ценность* (англ. *value*, исп. *valor*), а предметом – его когнитивные признаки в английском, русском и испанском языках.

Целесообразным представляется рассмотрение толкований ценностей в междисциплинарном аспекте, так как изучение трактовок этого понятия в разных дисциплинах позволило сформулировать рабочее определение *ценности* как компонента культуры человека, представленной нормами и принципами, определяющими отношение человека к окружающему миру, служащие ему ценностными ориентирами.

Одним из способов описания семантики лексической единицы является построение его семантического поля с применением метода компонентного анализа, в процессе которого каждому понятию приписывается набор семантических признаков, представляющих собой комплекс элементарных смыслов, входящих в дефиницию слова.

Основным методом получения языкового материала для семного описания значения является анализ словарных дефиниций [17, с. 9]. Метод обобщения словарных дефиниций основывается на выявлении дополнительных словарных дефиниций, с помощью которых представляется возможным выявить не только ядерные, но и периферийные признаки актуализируемого понятия.

Семантический объем понятия “value” определялся с помощью анализа его дефиниций в 5 толковых словарях английского языка (The New Shorter Oxford English Dictionary [21], Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English [26], Webster’s Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language [32], Collins COBUILD Advanced Learner’s English Dictionary [22], Longman Dictionary of Contemporary English [27]). В результате сопоставления данных словарных дефиниций можно констатировать, что понятие *value* является многозначным в современном английском языке. В английских толковых словарях *value* сначала определяется как характеристика материальных благ и только потом описывает устои и принципы человека.

Анализ словарных дефиниций позволил выделить следующие ядерные признаки понятия, то есть признаки, зафиксированные во всех исследуемых лексикографических источниках.

1. Материальная/ денежная ценность.

- That amount of commodity, medium of exchange, etc., considered to be an equivalent for something else; a fair or satisfactory equivalent or return. Freq. in value for money below [21, с. 3542];

- How much something is worth in money or other goods for which it can be exchanged [26, с. 1493];

- The value of something is how much money it is worth [22];

- monetary or material worth, as in commerce or trade [32, с. 1578];

- the amount of money that something is worth [27, с. 1586].

2. Соответствие цене.

- The material or monetary worth of a thing; the amount of money, goods, etc., for which a thing can be exchanged or traded [21, с. 3542];

- How much something is worth compared with its price [26, с. 1493];

- You use **value** in certain expressions to say whether something is worth the money that it costs [22];

- The worth of smth. in terms of the amount of other things for which it can be exchanged or in terms of some medium of exchange [32, с. 1578];

- used to say that something is worth what you pay for it, or not worth what you pay for it [27, с. 1586].

3. Важность и польза.

- The worth, usefulness, or importance of a thing; relative merit or status according to the estimated desirability or utility of a thing [21, с. 3542];

- The quality of being useful or important [26, с. 1493];

-The value of something such as a quality, attitude, or method is its importance or usefulness [22];

- Import or meaning, force, significance [32, с. 1578];

- The importance or usefulness of something [27, с. 586].

4. Ценности/ установки.

- The principles or moral standards of a person or social group; the generally accepted or personally held judgement of what is valuable and important in life [21, с. 3542];
 - Beliefs about what is right and wrong and what is important in life: cultural/social/moral values [26, с. 1493];
 - The ideas, customs, institutions, etc., of a society toward which the people of the group have an effective regard. These values may be positive, as cleanliness, freedom, education, etc., or negative, as cruelty, crime or blasphemy [32, с. 1578];
 - The values of a person or group are the moral principles and beliefs that they think are important [22];
 - Your ideas about what is right and wrong, or what is important in life [27, с. 1586].
- Также были выявлены ряд периферийных признаков:

1. Мера измерения.

- The extent or amount of a specified standard or measure of length, quantity, etc [21, с. 3542].

2. Мнение о человеке / предмете.

- Estimate or opinion of, regard or liking for, a person or thing [21, с. 3542].

3. Математические исчисления.

The amount represented by a letter or symbol [26, с. 1493].

4. Привязанность, расположение.

- liking or affection, favorable regard [32, с. 1578].

5. Желательное качество.

- Ethics. any object or quality desirable as a means or as an end in itself [32, с. 1578].

Семантический объем понятия *value* может быть дополнен путем анализа семантики единиц, составляющих синонимический ряд, в который входят следующие лексемы: *values, teaching, belief, ideology, doctrine, philosophy, code, ethic, ethos* [30, с. 831]. Все эти лексемы обозначают идеи или принципы о том, что можно считать правильным или же неправильным с моральной и политической точки зрения. В целом, лексические значения синонимов совпадают с теми, которые характерны для лексемы *value*. Однако они содержат дополнительные признаки, не присущие *value*. К примеру, *ideology* дополняет семантический объем таким признаком, как *set of beliefs ...that influences the way people behave* ‘система убеждений...влияющих на поведение людей’, *teaching – the ideas... that are taught to other people* ‘идеи, которым обучают людей’, *doctrine – a belief or set of beliefs held and taught by a church or a political party* ‘убеждения, предложенные церковью или политической партией’.

Можно выделить ряд выражений и словосочетаний с понятием *value*: *value-orientation, value-system, traditional values, to hold values / beliefs, to go / be against sb's values / etc.*

Для определения семантического объема понятия *ценность* были проанализированы дефиниции данного понятия в 4 толковых словарях русского языка.

В результате анализа словарных дефиниций были выявлены ядерные признаки понятия, то есть признаки, зарегистрированные в отдельных словарях:

1. Цена, денежный эквивалент.

- Выраженная в деньгах стоимость чего-нибудь, цена [18, с. 747];
- Цена (в 1 знач.), стоимость [15, с. 1144];
- Стоимость чего-л., выраженная в деньгах; цена [7];
- Соотношение по курсу (о деньгах, ценных бумагах); достоинство [9, с. 1461].

2. Важность, значимость.

- Важность, значение [18; 15; 7];
- Важность, значимость (о ценном для кого-л. предмете) [9, с. 1461].

3. Моральные / духовные / культурные ценности.

- Явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-нибудь отношении [18, с. 747];
- То, что имеет высокую стоимость. То, что имеет большое культурное значение [7];
- Предметы и явления культуры, морали, нравственности и т.п. Художественные ценности. Духовные ценности. Исторические ценности [9, с. 1461].

Также были выявлены периферийные признаки:

1. Стоимость пересылаемых товаров, вещей [9, с. 1461].

2. Материальные ценности, блага:

- То, что имеет известную стоимость, цену в процессе человеческой деятельности; блага [9, с. 1461].

3. Ценный предмет.

- То, что имеет высокую стоимость, ценный предмет [18, с. 747];
- Ценный предмет, явление [15, с. 1144].

К синонимам понятия *ценность* относятся следующие лексемы: важность, достоинство, значение, цена [1, с. 418]; стоимость, сокровище [2, с. 546].

Понятие *ценность* входит в состав следующих выражений и словосочетаний: духовные ценности, культурные ценности, ценностный ориентир, ценностная доминанта.

В испанском языке семантический объем понятия *valor* был определен с помощью анализа его дефиниций в 5 толковых словарях испанского языка (Definiciones [23]; Diccionarios [24]; Real Academia Española [29]; Thefreedictionary [31]; WordReference [33]).

Понятие *valor* можно охарактеризовать при помощи следующих признаков:

1. Польза.

- Grado de utilidad o aptitud de las cosas para satisfacer las necesidades o proporcionar bienestar o deleite [29];
- Cualidad, virtud o utilidad que hacen que algo o alguien sean apreciados [33];
- Utilidad de una cosa que la hace apreciable [24];
- Grado de utilidad o aptitud de las cosas para satisfacer las necesidades o proporcionar bienestar o deleite [23];
- Grado de importancia o significación de una persona o cosa [31].

2. Соответствие цене.

- Cualidad de las cosas, en virtud de la cual se da por poseerlas cierta suma de dinero o equivalente [29];
- Precio, suma de dinero en que se valora o aprecia algo [33];
- Precio de las cosas [24];
- Cualidad de las cosas, en virtud de la cual se da por poseerlas cierta suma de dinero o equivalente [23];
- Precio de las cosas [31].

3. Материальная ценность:

- Rédito, fruto o producto de una hacienda, estado o empleo [29];
- Equivalencia de una cosa a otra, especialmente hablando de las monedas [33];
- Equivalencia de una cosa a otra, especialmente hablando de las monedas [23].

4. Смелость, решительность:

- Cualidad del ánimo, que mueve a acometer resueltamente grandes empresas y a arrostrar los peligros. U. t. en sent. peyor., denotando osadía, y hasta desvergüenza [29];
- Cualidad del valiente [24; 33];
- Cualidad de valiente tiene mucho valor para enfrentarse a las dificultades [31].

5. Дерзость:

- Atrevimiento y desvergüenza en el modo de actuar [24; 33];
- Úsese también en mala parte, denotando osadía, y hasta desvergüenza [23].

6. Решительность действия:

- Subsistencia y firmeza de algún acto [29];
- Firmeza de un acto [23; 31];
- Subsistencia y firmeza de algún acto [23].

7. Ценности:

- Calidad que poseen algunas realidades, consideradas bienes, por lo cual son estimables [29];
- Principios ideológicos o morales por los que se guía una sociedad [33];
- Persona que posee, o a la que se le atribuyen cualidades positivas para aquello que se expresa [24].

8. Длительность звука (музыка):

- Duración del sonido que corresponde a cada nota, según la figura con que esta se representa [29];
- Duración del sonido de cada figura musical [33];
- Duración relativa de un nota [24].

9. Соотношение света и тени (живопись):

- En una pintura o un dibujo, grado de claridad, media tinta o sombra que tiene cada tono o cada pormenor en relación con los demás [29];
- Proporción de luz y sombra en una pintura [24; 33].

10. Ценные бумаги (экономика):

- Títulos representativos o anotaciones en cuenta de participación en sociedades, de cantidades prestadas, de mercaderías, de depósitos y de fondos monetarios, futuros, opciones, etc., que son objeto de operaciones mercantiles [29];
- Títulos representativos de participación en haberes de sociedades [33];
- Títulos representativos de participación en haberes de sociedades, de cantidades prestadas, de mercaderías, de fondos pecuniarios o de servicios que son materias de operaciones mercantiles [23];
- Títulos representativos de préstamos o de capitales aportados al estado, a organismos públicos y a sociedades privadas [24].

К периферийным признакам можно отнести следующие:

1. Важность высказывания:

- Importancia de una cosa, acción, palabra o frase [33];
- Alcance de la significación o importancia de una cosa, acción, palabra o frase [23].

2. Склонность к чем-л., талант.

- Persona que posee o a la que se le atribuyen cualidades positivas para desarrollar una determinada actividad [29].

В результате анализа соответствующих словарных дефиниций был определен семантический объем понятия *ценность* (англ. *value*, исп. *valor*) в разных лингвокультурах. Ценность, как понятие культуры, имеет различные воплощения в анализируемых языках. Наиболее широкий объем данного понятия представлен в испанском языке (12 признаков), в английском языке зафиксировано 9 признаков, наименьшее количество признаков (6) отмечено в русском языке.

В **английском** языке было обнаружено 4 *ядерных* признака (материальная/денежная ценность, соответствие цене, важность и польза, ценности/установки) и 5 *периферийных* (соответствие цене; мера измерения: мнение о человеке / предмете; математические исчисления; привязанность, расположение; желательное качество).

Понятие *ценность* в **русском** языке характеризуется следующим набором признаков: *ядерные* (3): цена, денежный эквивалент; важность, значимость; моральны / духовные ценности; *периферийные* (3): стоимость пересылаемых товаров, вещей; материальные ценности, блага; ценный предмет.

В **испанском** языке к *ядерным* признакам (10) можно отнести следующие: польза; соответствие цене; материальная ценность; смелость, решительность; дерзость; решительность действия; ценности; длительность звука (музыка); соотношение света и тени (живопись); ценные бумаги (экономика), а к периферийным (2) – важность высказывания; склонность к чем-л., талант.

Во всех лексикографических источниках анализируемых языков зарегистрированы следующие **универсальные** признаки: материальная/ денежная ценность, важность и польза, ценности/ установки.

К **специфичным** признакам, то есть тем, которые были обнаружены только в определенных языках, можно отнести следующие: **в английском**: соответствие цене; мера измерения: мнение о человеке / предмете; математические исчисления; привязанность, расположение; желательное качество; **в русском** – стоимость пересылаемых товаров, вещей; материальные ценности, блага; ценный предмет; **в испанском** – важность высказывания; склонность к чем-л., талант.

К перспективам исследования можно отнести изучение репрезентации *ценностей* во фразеологических картинах мира разноструктурных языков, что позволит установить особенности национального миропонимания народов, выделить ценностные доминанты, отображающие менталитет лингвосообществ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н.А. Абрамов. – М.: Русские словари, 1999. – 433 с.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. – 11-е изд., стер. – М.: Дрофа: Рус. яз. – Медиа, 2001. – 568 с.
3. Алексеева В.Г. Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности / В.Г. Алексеева // Ред. Б.Ф. Ломов, Л.И. Анцыферова. – 1984. – Том № 5. – С. 63–71.
4. Вешинский Ю.Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) / Ю.Г. Вешинский // Мир психологии. – 2005. – № 4. – С. 226–235.
5. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо»-«плохо» / Е.М. Вольф // Вопросы языкознания. – 1986. – №5. – С. 98–106.
6. Гусейнов А.А. Цели и ценности: как возможен моральный поступок? / А.А. Гусейнов // Этическая мысль. – М.: 2002. – № 3. – С. 3–14.
7. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т.Ф. Ефремова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 22.01.2021).
8. Карасик В.И. Лингвокультурные ценности в дискурсе / В.И. Карасик. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2015. – С. 25–35.
9. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
10. Климов Е.А. Общечеловеческие ценности глазами психолога-профессиеведа / Е.А. Климов // Психологический журнал. – 1994. – №4. – С. 45–48.
11. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени / Д.А. Леонтьев // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 13–25.
12. Лукьянов В.Г. Изучение проблемы ценностей в современной философии / В.Г. Лукьянов // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы международной науч. конференции. – Серия «Symposium». – 2001. – № 12. – С. 221–224.
13. Маслова В.А. Странник в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ / В.А. Маслова // Вестник российского университета Дружбы Народов. – Серия «Лингвистика». – 2015. – № 3. – С. 23–31.
14. Москвина И.К. Понятие «Культурная ценность»: философско-культурологические аспекты / И.К. Москвина // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – № 5-7 (14). – С. 136–138.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов. под ред. Л.И. Скворцова. – М.: Издательство «Мир и Образование»; Издательство «ОНИКС-ЛИТ», 2012. – 1376 с.

16. Рыкова Л.Х. Интерпретации ценности в современной философии / Л.Х. Рыкова // Молодой ученый. – 2015. – № 1 (81). – С. 521–524.
17. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова / И.А. Стернин. – Ярославль: «Истоки», 2013. – 34 с.
18. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Аделант», 2014. – 800 с.
19. Byessonova O.L. Conceptualisation of Emotions and their Verbalization in the English Language Evaluative Thesaurus / O.L. Byessonova // In: *The Subcarpathian Studies in English Language, Literature and Culture*. Volume 1 : Linguistics and Methodology / edited by Grzegorz A. Kleparski, Ewa Konieczna, Beata Kopecka ; recenzował Piotr P. Chruszczewski. Rzeszow; Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2014. – P. 15–21.
20. Byessonova O.L. Hierarchy of values in the English language model of the world. In : *Humanities across the Borders : [collection of papers/ editors-in-chief O. Byessonova, N. Panasenko]*. – Donetsk – Trnava : Donetsk National University, 2012. – P. 5–24.
21. Brown L. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles / L. Brown. – Michigan: Clarendon Press, 1993. – 3801 p.
22. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovar-vocab.com/english/collins-cobuild-dictionary/value-6693161.html> com (дата обращения 30.01.2021).
23. Definiciones [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.definiciones-de.com> (дата обращения 26.01.2021).
24. Diccionarios [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.diccionarios.com> (дата обращения 26.01.2021).
25. Gonzáles, J., M. Blanco & H. A. Basilio. Las negociaciones y el concepto de valor / J. Gonzáles. – UANL, Impreso en México, 2006. – 11 p.
26. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 1796 p.
27. Longman Dictionary of Contemporary English 3rd edition. – Pearson Longman, 1995. – 1668 p.
28. Peeters Bert. Applied ethnolinguistics. Is Cultural Linguistics, but Is it cultural linguistics? / Bert. Peeters // *International Journal of Language and Culture*. – 2016. – 3 (2). – P. 137–160.
29. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rae.es/> (дата обращения 26.01.2021).
30. Oxford Learner's Thesaurus: A Dictionary of Synonyms. – Oxford University Press, 2008. – 1008 p.
31. Thefreedictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://es.thefreedictionary.com/> (дата обращения 26.01.2021).
32. Webster's Unabridged Dictionary of the English Language. – RHR PRESS. 2001 Borders Group, Inc. – 2244 p.
33. WordReference [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wordreference.com/> (дата обращения 26.01.2021).

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.

SEMANTIC VOLUME OF THE NOTION “VALUE” IN NON-COGNATE LANGUAGES

D.A. Garmash

The problem of describing semantics of language signs is considered to be central when addressing conceptual knowledge of the surrounding world. The article deals with the semantic volume of the notion “value” in English, Spanish and Russian. Culturally significant and nationally-marked semantic features in the lexical meaning of the notion “value” are specified.

Key words: notion, axiology, value, semantic volume, nuclear and peripheral features.

Гармаш Дарья Алексеевна.
Донецкий национальный университет.
Аспирант кафедры английской филологии.

E-mail: d.garmash@donnu.ru

Garmash Daria Alekseevna.
Donetsk National University.
Postgraduate Student of English Philology
Department.
E-mail: d.garmash@donnu.ru

УДК 821.111.-31.09: 001.83

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО АЙРИС МЁРДОК В НАУЧНОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2021 *В.В. Дольнева*

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

В статье рассматривается, какие аспекты творчества английской писательницы-философа Айрис Мердок попадали в фокус внимания зарубежных и отечественных филологических исследователей. Автор анализирует критические работы П. Конради, А. Байетт, В. Ивашевой, а также исследования современных филологов, посвященные А. Мердок.

Ключевые слова: роман, философия, интертекстуальность, экзистенциализм, поэтика.

Творческое наследие Джин Айрис Мердок, английской писательницы-философа, состоит из двадцати шести романов, шести драматических произведений, пяти философских трудов, ряда поэтических образцов. Философские работы А. Мердок «Суверенитет добра» и «Метафизика как путеводитель по морали» открыли новые горизонты в области философии, пересмотрев вопросы этики в Британской философской традиции. Художественные произведения автора сыграли значительную роль в развитии английской литературы второй половины XX века и были по достоинству оценены современниками. Роман А. Мердок «Черный принц» («The Black Prince») был отмечен Уитбредовской премией (1973 г.), за роман «Море, море» («The Sea, the Sea») автор получила Букеровскую премию (1978 г.)

В своих философско-психологических романах А. Мердок обращается к экзистенциальной традиции определения человека как личности, проживающей свой неповторимый духовно-эмоциональный опыт. Одной из основных тем творчества А. Мердок является экзистенциальное переосмысление метафизической природы человеческой индивидуальности и свободы, невозможности полного разрушения связей между человеком и его окружением. Романы английской писательницы отличаются нравственно-философской проблематикой обращения к вопросам наличия свободы выбора и свободы воли, отсутствия идеалов, невозможности тотального обособления человека от окружающей действительности, тщетности поиска ответов на вопросы о смысле жизни.

Образность, философичность, психологизм, интертекстуальность художественной прозы А. Мердок попадали в фокус внимания современных автору исследователей. Многие аспекты творчества писательницы до сих пор не раскрыты в полной мере и остаются предметно-объектной основой для актуального научного филологического дискурса. Цель нашего исследования – проанализировать, какие особенности творчества А. Мердок оценивались актуальной литературной критикой, какие черты ее романов попадают в фокус внимания современных исследователей. Цель исследования определяет его основную задачу: рассмотреть зарубежные и отечественные филологические исследования разных лет, посвященные художественному творчеству А. Мердок.

Британский литературный критик и писательница Антония Байетт посвятила творчеству Айрис Мердок свою первую монографию «Степени свободы: ранние

романы Айрис Мердок» («Degrees of Freedom: The Early Novels of Iris Murdoch», 1965). Исследователь анализирует произведения А. Мердок, определяя свободу как центральную тему творчества писательницы: «Все романы мисс Мердок могут быть рассмотрены как изучение «степеней свободы», доступных отдельным личностям» [1]. Так, например, в романе «Под сетью» («Under the Net», 1954) одной из ведущих идей А. Байетт считает идею экономической свободы человека. В «Бегстве от волшебника» («The Flight from the Enchanter», 1956) продолжается развитие мысли об ограничении свободы личности необходимостью труда. Дальнейшие романы А. Мердок, по мнению исследовательницы, сфокусированы на вопросе сохранения свободы личности во взаимоотношениях с другими людьми.

А. Байетт анализирует литературные произведения А. Мердок в их взаимосвязи с ее критическими и философскими работами, а также отслеживает влияние мысли С. Вейль, Платона, Ж.-П. Сартра, З. Фрейда на творчество А. Мердок. Впоследствии книга А. Байетт «Степени свободы: ранние романы Айрис Мердок» неоднократно переиздавалась, а в более поздних редакциях была дополнена критическими отзывами автора о романах А. Мердок, написанных после 1965 г.

В Британской филологической науке особое место занимают работы Питера Конради, писателя и академика, профессора Кингстонского университета, известного исследованиями творчества Айрис Мердок. Такие труды П. Конради, как «Айрис Мердок. Святой и художник» («Iris Murdoch. The Saint and the Artist», 1986), «Экзистенциалисты и мистики: философские и литературные работы Айрис Мердок» («Existentialists and Mystics: Writings on Philosophy and Literature by Iris Murdoch», 1999), «Айрис Мердок: жизнь» («Iris Murdoch: A Life» 2001), «Айрис Мердок. Писатель на войне: письма и дневники, 1939 – 1945» («Iris Murdoch: A writer at war: letters and diaries, 1939-45», 2010) посвящены жизни и творчеству английской писательницы-философа.

В работе «Айрис Мердок. Святой и художник» П. Конради описывает особенности художественной прозы А. Мердок, подчеркивая ее сильные стороны: высокий уровень визуализации, способность создавать завораживающие истории, энергию нравственности, отречение от рационализма и теоретизации, смешение фантазии с тщательно прорисованными реалистичными деталями. В своей книге П. Конради анализирует романы А. Мердок не используя хронологический принцип. Произведения писательницы сгруппированы им в три блока, в каждом из которых выделены идейно-тематические доминанты и концептуальные перспективы.

Первый блок составляют романы «Под сетью» («Under the Net», 1954), «Отрубленная голова» («A Severed Head», 1961), «Сон Бруно» («Bruno's Dream», 1969), «Человек случайностей» («An Accidental Man», 1971). В отличие от других исследователей творчества А. Мердок, П. Конради делает акцент не на философичности романов, а подчеркивает их особую «моральную психологию».

Ко второму блоку романов П. Конради относит такие произведения, как «Колокол» («The Bell», 1958), «Единорог» («The Unicorn», 1963), «Время ангелов» («The Time of the Angels», 1966), «О приятных и праведных» («The Nice and the Good», 1968). Как и многие другие критики, П. Конради утверждает, что романы А. Мердок периода 1957 – 1968 гг. чередуются между «открытыми» и «закрытыми» романами. Так называемые «закрытые» романы используют «моральную психологию» для реализации дидактических целей и формирования особой поэтики. «Открытые» романы, наоборот, на первый взгляд более реалистичны и более обширны.

Третья часть книги П. Конради посвящена анализу семи романов А. Мердок позднего периода ее творчества начиная с романа «Честный проигрыш» («A Fairly Honourable Defeat», 1970), который, по мнению исследователя, указывает на начало периода творческой зрелости автора. Поздние романы А. Мердок отличаются сочетанием мифа и психологии, мрачной комедийностью, глубоким символизмом, следованием Шекспировской традиции.

По мнению П. Конради, полноценное осмысление ранних романов А. Мердок возможно только сквозь призму понимания ее позднего творчества. Исследователь подчеркивает важность влияния платоновских образов (пещеры, огня, солнца), психоанализа З. Фрейда, влияния произведений С. Вейль и Ж.-П. Сартра. П. Конради подчеркивает первичность художественного, а не философского начала романов писательницы и призывает не рассматривать ее произведения сквозь призму философских взглядов. Также, в работе «Айрис Мердок. Святой и художник» подчеркивается двойственная природа творчества писательницы, соединение в нем традиционности и постмодерна, серьезность и игривость, нравственность и вседозволенность, экзистенциализм и мистицизм.

Следует отметить, что результаты работ П. Конради имеют особую ценность, т.к. исследователь был близким другом А. Мердок, имел доступ к ее дневникам, что немаловажно для написания биографических трудов и критических обзоров творчества.

Творчество А. Мердок попадало в фокус внимания не только зарубежных, но и отечественных литературоведов. Особого внимания заслуживают исследования В. Ивашевой, одной из основоположниц отечественной англистики, профессора Московского государственного университета. В. Ивашева не только анализировала романы английской писательницы, но и открывала советскому читателю некоторые аспекты из ее частной жизни. Примечательно, что В. Ивашева имела возможность лично встретиться с А. Мердок, задать ей интересующие вопросы о творческих замыслах, образах, эстетических взглядах и т.д. Подобные живые знакомства и диалоги советских литературоведов с современными зарубежными авторами были редкостью ввиду политико-идеологической обстановки.

В отличие от П. Конради, В. Ивашева подчеркивает, что «...романы Мердок нельзя отрывать от философии Мердок, ибо их содержание говорит о разрешении в них автором философских проблем» [2, с. 211]. В. Ивашева определяет жанр произведений писательницы как философский роман, прослеживает влияние философии С. Кьеркегора, Платона, Ж.-П. Сартра на ее творчество. Также В. Ивашева видит прямую связь некоторых романов А. Мердок с фрейдизмом, хотя и подчеркивает, что сама Мисс Мердок опровергает связь своей мысли с концепцией З. Фрейда. По мнению В. Ивашевой, эстетическая программа А. Мердок неотделима от философской и ею же сформулирована в работе «Против бесстрастия» («Against Dryness»), которую сама А. Мердок называет своим художественным кредо.

Также, В. Ивашева подчеркивает, что, начиная с первого романа «Под сетью» (1954 г.) и до «Времени ангелов» («The Time of the Angels», 1966 г.), А. Мердок руководствуется принципами экзистенциализма, «...фиксирует внимание преимущественно на внутреннем мире своих героев, который не подчиняется каким-либо законам кроме субъективных стремлений личности» [3, с. 217].

Критик, литературовед В. Скороденко в работе «Достоинство человека и хаос жизни (заметки о романах Айрис Мердок)» (1991 г.) также подчеркивает философичность романов А. Мердок, однако не определяет эту черту основой ее

художественного творчества: «...философская проблематика и сухой остов философских категорий обрастают плотью характеров и страстей» [4, с. 17].

С начала XXI века наблюдается повышение интереса к творчеству А. Мердок среди отечественных исследователей. Прослеживается общая тенденция – внимание литературоведов фокусируется на проблеме интертекстуальности в художественном творчестве писательницы.

Малишевская Н. А. (2001 г.) исследовала творчество А. Мердок в теоретико-литературном аспекте: предметом ее работы выступает жанровое своеобразие художественных произведений писательницы, пародирования жанровых канонов в метапрозе.

Осипенко Е. А. (2004 г.) анализировала принципы игровой поэтики в романах английской писательницы, написанных до 1983 г. включительно. Автор исследования подчеркивает значимость влияний классиков романного жанра (Ч. Диккенса, Дж. Остин, Л. Толстого, У. Шекспира, Дж. Элиот и др.), и философов (Платона, Ж.-П. Сартра).

Байрамкулова Л. К. (2005 г.) исследовала особенности поэтики романов А. Мердок в свете проблемы интертекстуальности (Мердок и Шекспир). В своей работе литературовед проанализировала закономерности сюжетно-композиционной структуры романов так называемой «Шекспировской трилогии»: «Черный принц» («The Black Prince», 1973), «More, more» («The Sea, the Sea», 1978), «Дилемма Джексона» («Jackson's Dilemma», 1995), сходство их образных систем и стилистических доминант. Исследователь определяет роль и функции шекспировского интертекста в романах английской писательницы, что способствует осмыслению элементов поэтики А. Мердок, формированию целостного концептуального взгляда на художественный мир ее романов в контексте литературы английского постмодерна.

Дальнейшие отечественные исследования романов А. Мердок проводятся в аспекте изучения гендерной проблематики ее творчества, воплощения традиций готического романа в ее художественных произведениях, функционирования различных философских категорий в художественных текстах писательницы.

В последние годы научный интерес к творческому наследию А. Мердок продолжает расти, о чем свидетельствует проведение научных мероприятий, посвященных писательнице. Так, например, в 2008 г. в Турции (Анкара) состоялась конференция о британских романистах, основной темой которой стало творчество А. Мердок. В это же время Университет Барселоны организовал выставку, посвященную писательнице. В 2009 г. конференцию, посвященную А. Мердок, провел Университет Порту в Португалии. В 2011 году Королевское литературное общество организовало дискуссию о работах писательницы в Институте искусства Курто в Лондоне. В начале 2014 года проведены конференции в университете Оксфорд Брукс и в университете Рома Тре в Риме (первая международная конференция по философии А. Мердок). В Университете Чичестера регулярно проводятся конференции, где поклонники, ученые и коллеги-писатели, вдохновленные текстами А. Мердок, обсуждают ее работы и их значение. В 2019 г. состоялась очередная такая встреча, приуроченная к 20-летней годовщине со дня смерти писательницы. При университете на постоянной основе функционирует Центр исследований творчества А. Мердок.

Перечисленные научные события, а также многочисленные недавние публикации об А. Мердок в Великобритании, США, Японии и других странах свидетельствуют об интеллектуальной силе и важности ее работ не только для академических кругов Великобритании, но и всего мира.

Таким образом, несмотря на то, что художественные и философские работы А. Мердок всегда приковывали пристальное внимание литературоведов, культурологов и философов, на сегодняшний день остается немало дискуссионных вопросов и тем для исследований творческого наследия английской писательницы-философа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Byatt A.S. Degrees of Freedom: the Early Novels of Iris Murdoch / A.S. Byatt. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://books.google.nl/books?id=kbV-DwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f> (дата обращения: 12.12.2020).
2. Ивашева В. Эпистолярные диалоги / В. Ивашева. – М. : Советский писатель, 1983. – 368 с.
3. Ивашева В. Литература Великобритании XX века: учеб. для филол. спец. вузов / В. Ивашева. – М. : Высш. шк., 1984. – 488 с.
4. Скороденко В. Достоинство человека и хаос жизни (заметки о романах Айрис Мердок) / В. Скороденко // Сочинения: в 3 т. Т. 1. Под сетью, Колокол : Романы. Предисловие. – М., 1991. – С. 5–18.

Поступила в редакцию: 02.02.2021 г.

IRIS MURDOCH'S LITERARY WORKS IN PHILOLOGICAL DISCOURSE

V.V. Dolnieva

The article considers the aspects of Iris Murdoch's literary works, which get into the spotlight of foreign and domestic philological research. The author analyzes the critical works by P. Conradi, A. Baytt, V. Ivasheva, as well as the research of contemporary philologists.

Key words: novel, philosophy, intertextuality, existentialism, poetics.

Дольнева Виктория Витальевна.

Луганский государственный педагогический университет.

Преподаватель кафедры английской и восточной филологии.

E-mail: vika_dolneva@mail.ru

Dolnieva Viktoria Vitalievna.

Lugansk State Pedagogical University.

Teacher of English and Oriental Philology Department.

E-mail: vika_dolneva@mail.ru

УДК 81'42

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ»

© 2021 *З.Н. Качмазова**Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова*

В работе рассматриваются базовые характеристики понятия «коммуникативная практика информационной войны». Для определения коммуникативной практики используются понятия цель практики, её объект, участники, форма реализации, средства. Учёт указанных понятий позволяет определить коммуникативные практики как действия дискретного параллельного вербального воздействия на общественное мнение контрагентов информационной войны при интерпретации значимых для них событий, объектов и т.д., осуществляемые в средствах массовой информации путём параллельной пропаганды или коммуникативных поединков с использованием средств речевой манипуляции и контрманипуляции.

Ключевые слова: информационная война, коммуникативная практика, коммуникативный поединок, контрманипуляция, манипуляция.

Цель предлагаемой работы – определение понятия «коммуникативная практика информационной войны».

Сейчас можно говорить о совмещении нескольких полей военных действий: вооружённого противостояния и информационной войны. При этом победа в вооружённом противоборстве не всегда совпадает с победой в информвойне, что, кстати, подтверждает в какой-то мере результат информационной войны, осуществлявшейся во время грузинско-осетинского конфликта 2008 года: общественное мнение на Западе и в либеральных кругах российского общества воспринимает участие России в грузинско-осетинском вооружённом конфликте не как миротворческую акцию, а как открытую агрессию России по отношению к Грузии. В связи с этим актуальным становится теоретическое осмысление базовых параметров информационных войн и, на основе этого, разработка новых тактика их ведения.

В основе всех методов информационной войны лежит коммуникационное воздействие, опирающееся на особым образом организованные тексты, выступающие как средства пропаганды, манипуляции и контрманипуляции. Это позволяет учёным дать лингвистическое определение информационной войны как совокупности коммуникативных практик, «целью которых является воздействие (или противодействие аналогичному воздействию) посредством специфического употребления единиц языка на общность людей (географическую, этнографическую, конфессиональную, политическую, экономическую и т. д.) при одновременном обеспечении безопасности и защиты актора для достижения информационного превосходства в стратегических целях» [2, с. 12]. Это обуславливает актуальность чёткой дефиниции понятия «коммуникативная практика», которое, как нам представляется, можно дать только через установление компонентов её структуры.

Научная новизна нашей работы определяется тем, что в ней на основе выявленных нами базовых параметров коммуникативного дискурсивного взаимодействия контрагентов информационной войны даётся новая, на наш взгляд,

наиболее полная дефиниция понятия «коммуникативная практика информационной войны».

Как отмечает Л.Н. Синельникова, «дискурс информационной войны может быть квалифицирован как дискурс особого вида реагирования на события разного формата и значимости» [9, с. 96]. Дискурс при этом понимается как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресанта) необходимые для понимания текста» [6, с. 7]. Иначе говоря, структура дискурса информационной войны может быть представлена в виде следующей модели: событие (первичный контекст) → интерпретация → текст → новый контекст.

Следует помнить о том, что дискурсы рассматриваемого типа не существуют изолированно, как самодостаточные единицы. В сущности, информационная война представляет собой набор взаимосвязанных дискурсов противоборствующих сторон, называемых нами контрагентами информационной войны. Это позволяет предположить существование смежных новых контекстов, которые формируются контрагентными дискурсами, связанными с одним событием.

Дискурсивное противоборство контрагентов, таким образом, может быть определено как особая форма коммуникативных практик. Коммуникативные практики представляют собой разновидность социальных практик, которые «раскрывают человеку возможности состояться в том или ином социальном качестве, иметь определенную статусно-ролевую позицию (например, врач, политик, отец, предприниматель)» [4, с. 53]. Для коммуникативных практик обычно даются следующие определения.

1. Коммуникативные практики – это «все виды практической коммуникативной деятельности в прямой и опосредованной формах, с использованием разных языков, вербальных и невербальных средств» [7, с. 439]. Данное определение достаточно широко и приложимо ко всем видам коммуникативной деятельности. Положительным моментом здесь является то, что практики рассматриваются с формальной стороны (прямая и опосредованная форма, вербальные и невербальные средства).

2. Коммуникативные практики – это «совокупность образцов рациональной деятельности, направленной на передачу / приём социально-значимой информации» [4, с. 54]. Это определение несколько упрощает представление о коммуникативной практике, сводя её к простой коммуникации.

На наш взгляд, в определении коммуникативных практик, по крайней мере, для коммуникативных практик информационных войн, должны быть отражены следующие моменты:

1) Цель осуществления коммуникативной практики: общение как таковое может рассматриваться в пределах общей теории коммуникации. Коммуникативная же практика всегда настроена на достижение какой-то конкретной цели, например, убеждения участника коммуникации в чем-то, достижения согласия и т.д. В этом случае мы можем говорить о триаде коммуникативных действий: иллокуции как причины дискурса, локуции как текста дискурса и перлокуции как результата дискурса.

2) Объект коммуникативной практики, то есть, собственно, то, что мотивирует возникновение коммуникативной практики, например объект (разговор о какой-нибудь вещи), событие (обсуждение условий проведения митинга) и т.д.

3) Участники и реципиенты коммуникативной практики.

4) Обстоятельства, в которых осуществляется коммуникативная практика, например собрание, домашняя беседа и т.д.

5) Форма реализации коммуникативной практики: вербальная или вербально-невербальная, устная или письменная и т.д.

6) Средства ведения информационных войн.

Коммуникативные практики информационной войны имеют те же цели, что и сама информационная война – это «действия, направленные на достижение информационного превосходства, поддержку национальной военной стратегии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника при одновременном обеспечении безопасности и защиты собственника информации» [1, с. 216]. Например, в коммуникативных практиках грузинско-осетинского военного конфликта цели контрагентов таковы:

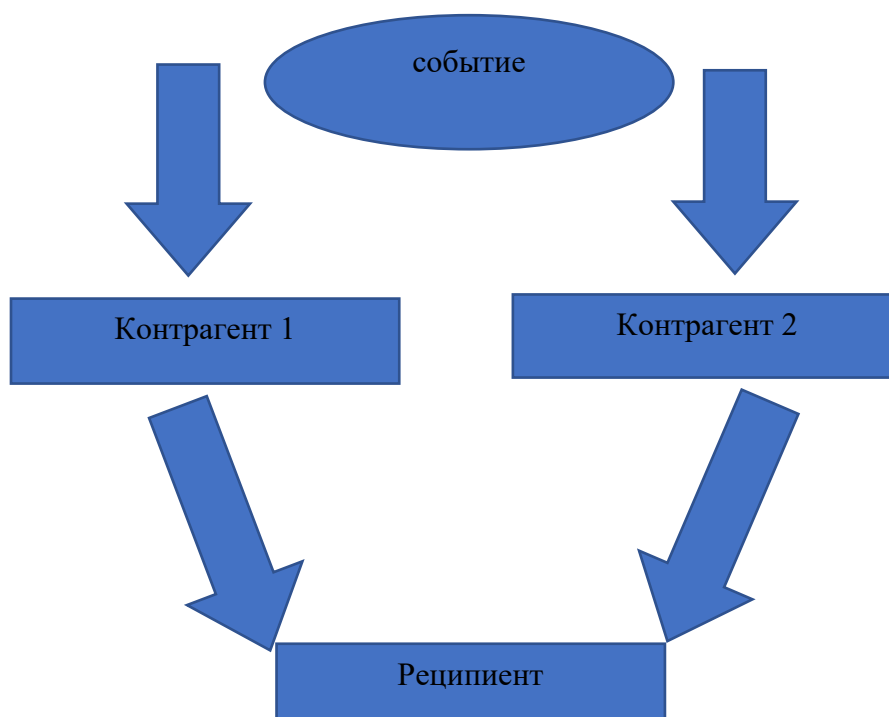
а. Западные и либеральные российские СМИ: доказать агрессию и неправомерные действия России в конфликте;

б. Российские СМИ: доказать участие России в качестве миротворца.

Объектом коммуникативных практик информационной войны являются значимые для контрагентов события, объекты и т.д., интерпретация которых служит для достижения цели. В коммуникативных практиках грузинско-осетинского военного конфликта в качестве объекта выступали как сам факт введения российских войск, так и отдельные эпизоды войны: бомбардировки Цхинвала и Гори, потопление грузинского катера и т.д.

Участники и реципиенты коммуникативных практик. Главной особенностью коммуникативных практик информационных войн является то, что их участники не имеют целью доказать что-либо друг другу: каждый из них является убеждённым носителем своих взглядов. В информационных войнах идёт борьба за общественное мнение. Это обстоятельство побуждает нас внести в структуру коммуникативных практик информационных войн помимо контрагентов (то есть, собственно, противоборствующих сторон) третьего участника – реципиента (носителя общественного мнения) (схема 1).

Схема 1. Структура коммуникативных практик информационных войн

Особенностью **обстоятельств** коммуникативных практик информационных войн является то, что контрагенты не вступают в контактное противоборство: коммуникативные поединки осуществляются в СМИ – дискретно. Здесь происходит опосредованное взаимодействие контрагентов, при котором они находятся в разных пространственно-временных срезах. При этом данное противоборство осуществляется по двум моделям:

- 1) Параллельная пропаганда, при которой стороны излагают свои взгляды на события независимо, без учёта мнений противоборствующей стороны.
- 2) Коммуникативные поединки, во время которых одна (атакующая) сторона использует либо тактику манипуляции, либо тактику упреждающей контрманипуляции, а другая – тактику ответной контрманипуляции или ответной манипуляции.

Коммуникативные практики информационных войн используют **как устные, так и письменные формы** ведения боевых действий. В первом случае речь идёт о коммуникативных практиках телевизионных и радиопередач, а во втором – о коммуникативных практиках печатных и электронных СМИ. В последнее время именно электронные СМИ все больше и больше используются в качестве арены, на которой развёртываются сражения информационных войн, и это не удивительно, поскольку они обладают целым рядом преимуществ.

1. Интернет стал сейчас самым доступным источником информации. Новости в Интернет-СМИ появляются оперативно, а сами СМИ такого типа работают 24 часа в сутки на протяжении всей недели: они не зависят от полиграфических, технических и прочих ограничений, которые связывают печатные СМИ.

2. Пользователь сам выбирает источники информации и контент, игнорируя те источники, которые не признаются им авторитетными, и те материалы, которые не представляют для него ценности.

3. Интернет-СМИ находятся в постоянном развитии. С одной стороны, стремясь как можно лучше освещать те или иные события, они используют новые средства получения информации: работу в социальных сетях, мессенджеры, «взлом» нужных носителей, а с другой, у редакторов изданий данного типа появляется возможность использовать новые, наиболее эффективные средства представления контента.

4. В большинстве своём Интернет-СМИ неподцензурны, что в случае информационных войн служит дополнительным средством влияния, поскольку в обсуждении можно использовать специально подготовленных «участников» обсуждения, направляющих его в нужное для контрагентов русло, освещать информацию под неудобным для противоборствующей стороны углом зрения, широко использовать «фейковую» и недостоверную информацию.

Средства ведения коммуникативных практик. В информационной войне основным средством ведения боевых действий является слово, используемое как средство речевого (коммуникативного) воздействия на реципиента. Под речевым воздействием мы понимаем, вслед за О. Иссерс, «любое речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, целевой обусловленности, с позиций одного из коммуникантов» [5, с. 24].

Основными средствами суггестивного воздействия в коммуникативных практиках информационных войн становятся практики манипуляции и контрманипуляции. Данные понятия требуют уточнения.

Под манипуляцией понимается коммуникативное «воздействие, сопровождаемое утаиванием или искажением информации, не обязательно против интересов

манипулируемого, но против его желания» [3, с. 138]. Языковое манипулирование осуществляется при помощи различных языковых средств. Наиболее важными из них являются слова с эмоционально-оценочным компонентом, метафоры, эвфемизмы. А.П. Сковородников и Г.А. Копнина приводят целый ряд тактик, активно используемых манипуляторами, к которым относятся тактика сокрытия манипулятором истинной цели; тактика искажения фактов и цитат; тактика ложного доказательства, тактика подмены понятий и некоторые другие (см. [10]).

Под контрманипуляцией понимается «тип речевого воздействия, который заключается в применении речевых стратегий, тактик и приёмов, направленных на защиту от манипуляции как скрытого воздействия, нацеленного на изменение когнитивной и поведенческой деятельности реципиента в интересах манипулятора» [8, с. 210]. К сожалению, тактики контрманипуляции плохо определены. Наше исследование показало, что можно выделить два типа контрманипулятивного противодействия: упреждающее противодействие, когда контрманипулятор, осознавая риски манипулирования информационно блокирует их, и ответное противодействие, когда контрманипулятор приводит контраргументы в ответ на аргументы манипулятора.

Исходя из вышесказанного, мы определяем коммуникативные практики информационных войн следующим образом: это действия дискретного параллельного вербального воздействия (обстоятельства коммуникативной практики) на общественное мнение (реципиент информационной войны) контрагентов информационной войны (участники коммуникативной практики) при интерпретации значимых для них событий, объектов и т.д. (объект коммуникативной практики), осуществляемое в средствах массовой информации (форма реализации коммуникативной практики) путём параллельной пропаганды или коммуникативных поединков с использованием средств речевой манипуляции и контрманипуляции (средства ведения коммуникативных практик).

В дальнейшем мы предполагаем описать стратегии и тактики, воплощённые в коммуникативных практиках информационных войн.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов А.Б. Большой юридический словарь / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2012. – 848 с.
2. Васильев А.Д. Информационная война: лингвистический аспект / А.Д. Васильев, Ф.Е. Подсохин. // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 10–16.
3. Гурочкина А.Г. Манипулирование в лингвистике / А.Г. Гурочкина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Серия «Общественные и гуманитарные науки». – 2003. – Т. 3. – № 5. – С. 136–141.
4. Зотов В.В. Коммуникативные практики как теоретический конструкт изучения общества / В.В. Зотов, В.А. Лысенко // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 3. – С. 53–55.
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О.С. Иссерс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.
7. Кашникова И.В. Коммуникативные практики этнонациональных меньшинств и феномен билингвизма / И.В. Кашникова, Л.Е. Чернова // Філософія і політологія в контексті сучасної культури. – 2011. – Вип. 2. – С. 438–448.
8. Петрова М.В. Речевая контрманипуляция как объект лингвистического исследования: проблемные вопросы / М.В. Петрова // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 4. – С. 210–214.
9. Синельникова Л.Н. Информационная война ad infinitum: украинский вектор / Л.Н. Синельникова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 95–101.
10. Сковородников А.П. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 – С. 36–42.

Поступила в редакцию 05.02.2021 г.

TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF "COMMUNICATIVE PRACTICE
OF INFORMATION WAR"

Z.N. Kachmazova

The research deals with basic characteristics of the concept of “information warfare communicative practice”. Such concepts as the goal of practice, its object, participants, form of implementation and means are used in order to define the notion of communicative practice. Taking these concepts into account enables to define communicative practices as actions of discrete parallel verbal impact on the public opinion of information war counterparts when interpreting events, objects, etc. Communicative practices are realised in the media through parallel propaganda or communicative duels with the use of speech manipulation and counter-manipulation means.

Key words: information war, communicative practice, communicative duel, counter-manipulation, manipulation.

Качмазова Зарина Николаевна.

Юго-Осетинский государственный университет
им. А.А. Тибилова.

Старший преподаватель кафедры международной
журналистики.

E-mail: kachmazovazn@yandex.ru

Kachmazova Zarina Nikolayevna.

South Ossetia State University named after
A.A. Tibilov.

Senior lecturer of International Journalism
Department.

E-mail: kachmazovazn@yandex.ru

УДК 81'42

КОНТРМАНИПУЛЯЦИЯ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ПРАКТИКА© 2021 *Б.Ю. Мамиева**Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова*

В работе рассматривается понятие контрманипуляции, которая определяется как тип речевого воздействия, направленный на противодействие манипуляции. Автор вводит понятие коммуникативного поединка, представляющего собой взаимодействие манипулятора, контрманипулятора и реципиента воздействия при освещении того или иного факта и различает два уровня такого взаимодействия: пространственно-временной и стратегический. На пространственно-временном уровне разграничивается непосредственное и опосредованное взаимодействие участников поединка, а на стратегическом – ответная и упреждающая контрманипуляция. В работе описываются тактики контрманипуляции: тактика обнажения истинной цели манипулятора, тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора, тактика обнажения приема(-ов) манипуляции, тактика приведения контраргументов и тактика отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону.

Ключевые слова: коммуникативная практика, коммуникация, контрманипуляция, манипуляция, стратегия, тактика.

Манипулятивные технологии активно и успешно используются политическими оппонентами Российской Федерации. Это показали спровоцированные и поддержанные США и их союзниками государственные перевороты на Украине в 2014 г., в Ливии в 2011 г., в Армении в 2018 г. и других странах, особым образом сформированное мировое общественное мнение относительно ситуации в Белоруссии во время президентских выборов 2020 г. и т.д. Особое значение приобрело использование техник манипуляции во время грузинско-осетинского военного конфликта 2008 г. В связи с этим возникает необходимость создания технологий **контрманипуляции**, под которой понимается «тип речевого воздействия, который заключается в применении речевых стратегий, тактик и приёмов, направленных на защиту от манипуляции как скрытого воздействия, нацеленного на изменение когнитивной и поведенческой деятельности реципиента в интересах манипулятора» [10, с. 210]. Главным направлением контрманипулятивного воздействия является работа с информацией, вернее с искажениями информации.

По свидетельству М.В. Петровой [11, с. 36], впервые термин «контрманипуляция» употребил В.П. Шейнов, который, не дав определения данному явлению, только показал, как она осуществляется: «Сделать вид, что не понимаешь, что тобой пытаются манипулировать, начать встречную игру и завершить ее внезапным вопросом, показывающим манипулятору Ваше психологическое преимущество» [16, с. 119].

Контрманипуляция до последнего времени больше рассматривалась в работах психологов. Свидетельством того, что она пока ещё окончательно не сформировалась как самостоятельный объект исследования, является терминологический разброс её обозначений. Контрманипуляция обозначается терминами «психологическое самбо», «противостояние влиянию» [14, с. 103], «амортизация», «психологическое айкидо» [8], «защита от манипуляции» [17, с. 5], «вербальная самозащита» [3], «защита от убеждения» [9] и др.

К сожалению, исследований по проблемам контрманипуляции в лингвистическом аспекте очень мало. Из монографических исследований можно выделить, пожалуй,

только работу К.Ф. Седова «Дискурс как суггестия» [12], в которой термин «контрманипуляция» применяется для обозначения одной из техник поведения в конфликтной ситуации («коммуникативного айкидо»). Здесь важен тот момент, что термин «психологическое айкидо», предложенный М. Литвак, получил лингвистическое осмысление. Развитие теории коммуникативного айкидо обнаруживается в книге того же автора «Общая и антропологическая лингвистика» [13]. Ученым выделяются базовые принципы борьбы с речевым воздействием, к которым относятся:

1. **Принцип амортизации**, сущность которого состоит в следующем: «Вас оскорбляют – вы усиливайте оскорбление; вам говорят колкость – вы полностью соглашайтесь и добавляйте оценочных высказываний в свой адрес» [13, с. 122]. При этом оскорбление как бы переносится на оскорбляющего. К.Ф. Седов приводит следующий пример амортизации:

Отец, обнаружив в дневнике сына двойку:

— Ну что ты за придурок!

Сын спокойно:

— А я debil, идиот, олигофрен. Весь в папу.

2. **Принцип качалки**. Это сценарий, который строится по принципу: «Да, но» [13, с. 123].

Девочка-старшеклассница возвращается домой позже назначенного ей срока. На пороге ее встречает разъяренная мать.

— Долго ты еще будешь издеваться над родителями? Ты когда должна была прийти?

Дочь, используя тактику «Да, но», делает первый выпад:

— Ой, мамочка, я такая бессовестная, мерзавка. Ты тут волнуешься, а я допоздна задержалась. Нет мне прощения.

Она делает паузу:

— Но ты понимаешь, ...

Дальше текст в зависимости от особенностей адресата коммуникации.

3. **Принцип упреждающей амортизации**, заключающийся в том, что субъект еще до предъявления ему претензий должен «предвосхищать возможные обиды, негативные реакции, вред, принесенный нами (иногда совершенно невольно). И просчитывая реакцию, не дожидаясь агрессивных проявлений, применять манипулятивные приемы» [13, с. 124].

Автор приводит пример из работы М.Е. Литвака.

Однажды после очередного позднего прихода домой я увидел в грозном молчании своей супруги «психологическую кочергу» и подготовился к бою. Диалог начался с крика: — Почему задержался сегодня?! Вместо оправданий я сказал: — Дорогая, я удивляюсь твоему терпению. Если ты вела бы себя так, как веду я, я бы давно не выдержал. Ведь, посмотри, что получается: позавчера пришел поздно, вчера — поздно, сегодня обещал прийти рано — как назло опять поздно. Жена (с гневом): — Брось свои психологические штучки! (Она знала о моих занятиях.) Я (виновато): — Да при чем здесь психология. Муж у тебя есть и в то же время практически его нет. Дети отца не видят. Мог бы и пораньше прийти. Жена (уже не так грозно, но все еще недовольная): — Ладно уж... [8, с. 29–30].

4. **Принцип опосредованной амортизации**, предполагающая существование манипулятора и контрманипулятора в разных пространственных и временных

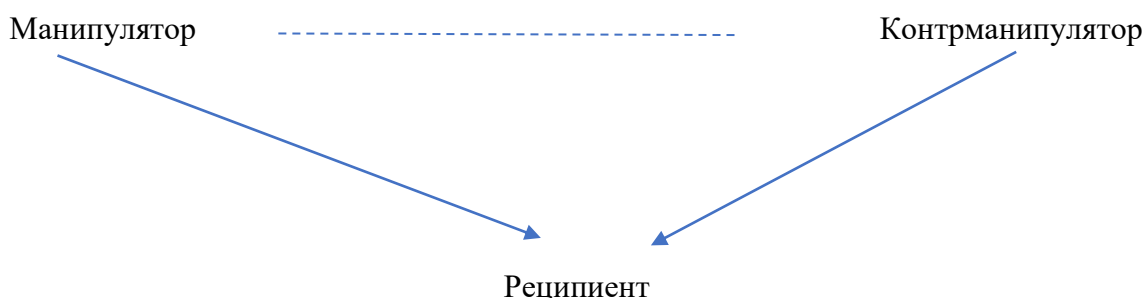
континуумах. Речь идет в первую очередь о письменной форме взаимодействия [13, с. 124].

Вполне очевидно, что указанная классификация строится на разных основаниях. Если в первых трех случаях говорится о формах речевого взаимодействия, то в четвертом речь идет уже о его условиях.

Мы различаем два уровня взаимодействия: пространственно-временной и стратегический. При этом мы заменяем термин «амортизация» термином «взаимодействие», поскольку рассматриваем не столько способы гашения агрессии манипулятора, сколько способы взаимного воздействия участников манипулятивно-контрманипулятивной ситуации. Для последней мы предлагаем использовать термин «**коммуникативный поединок**», в котором участвуют **манипулятор** – лицо, осуществляющее манипулятивное воздействие, и **контрманипулятор** – лицо, разрушающее (пытающееся разрушить) аргументацию манипулятора, «разоблачитель».

Следует сказать, что коммуникативный поединок всегда имеет своей целью не убеждение оппонентов в ущербности его доводов. Обычно сам манипулятор прекрасно понимает, что создаваемая им модель оценки ситуации, явления, события интерпретируется им претенциозно. В коммуникативном поединке осуществляется «борьба за умы» читателей, которых мы обозначаем термином **реципиент коммуникативного поединка**. Поединок, следовательно, может быть представлен в виде треугольника (схема 1).

Схема 1. Коммуникативный поединок

На наш взгляд, следует говорить о двух пространственно-временных формах взаимодействия в коммуникативном поединке:

1) Непосредственное взаимодействие, при котором взаимодействующие субъекты находятся в условиях непосредственного общения. Это ситуация проведения коммуникативного поединка в условиях реального времени: диспута, дебатов и т.д.

2) Опосредованное взаимодействие, при котором взаимодействующие субъекты находятся в разных пространственно-временных срезах. Это ситуация коммуникативного поединка в режиме допустимой задержки его течения: на форумах, в печатных и интернет-зданиях. Само собой разумеется, что рассматриваемая нами борьба манипуляций и контрманипуляций в СМИ относится именно к этому типу взаимодействия.

Стратегия поведения контрманипулятора в коммуникативном поединке нами определяются следующим образом.

1. Ответная контрманипуляция: стратегия прямого ответа на манипуляцию, когда контрманипулятор рассматривает аргументы манипулятора и мотивированно разрушает их. В.П. Шейнов определяет контрманипуляцию как «ответную манипуляцию со стороны адресата, в которой используются обстоятельства, созданные первоначальным манипулятивным воздействием» [16, с. 160]. В этом утверждении есть

некоторое несоответствие действий цели контрманипуляции: автор отождествляет ее с манипуляцией (ответная манипуляция), то есть наделяет ее всеми свойствами «искаженной» интерпретации ситуации, явления. В этом случае коммуникативный поединок превращается из взаимодействия манипулятора и контрманипулятора в поединок двух манипуляторов, в котором вряд ли возможен успех контрманипуляции: и манипулятор, хорошо подготовленный и знающий манипулятивные приемы, и реципиент легко разгадают «искажения» реальности в тексте манипулятора 2. На наш взгляд, ответная контрманипуляция представляет собой не ответную манипуляцию, а **развенчание манипуляции**. Именно так определяет контрманипуляцию М.В. Петрова, которая разграничивает «речевую стратегию ответной манипуляции, ... (когда – В.Т.) возникает ситуация «битвы манипуляторов», и «речевую стратегию контрманипуляции, которую мы, в отличие от психологов, понимаем как неманипулятивное ответное противодействие» [11, с. 40].

2. Упреждающая контрманипуляция: стратегия «предвосхищения» манипулятивного воздействия, самой манипуляции, когда контрманипулятор, просчитав информационные риски, создает упреждающие тексты, предсказывающие возможные манипуляции.

Наиболее эффективной моделью участия контрманипулятора в коммуникативном поединке является модель упреждающей контрманипуляции. Однако опыт подсказывает, что упреждающая контрманипуляция не останавливает манипулятора: он строит свои речевые тактики на основе манипулирования доводами упреждающей контрманипуляции, однако это, во-первых, ограничивает его свободу: он должен строго следовать логике упреждающего текста, а во-вторых, переводит его из разряда атакующего участника коммуникативного поединка в разряд защищающегося, что значительно понижает его авторитет в глазах реципиента.

Очень важным моментом при контрманипулировании является его языковое обеспечение, поскольку именно последнее становится в коммуникативном поединке, пожалуй, единственным базовым средством его ведения. В последнее время появляется ряд работ, посвящённых лингвистическому анализу явления контрманипуляции, среди которых следует отметить статьи Г.А. Копниной, В.В. Кондобы, М.В. Петровой и других.

Лингвистическая проблематика контрманипуляции изложена в работе Г.А. Копниной «Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения», в которой автор определяет контрманипуляцию как «такую стратегию речевого поведения, которая направлена на защиту от манипулятивного влияния и основана на использовании речевых тактик и приемов, реализующих задачи уклонения от влияния манипулятора (скрытого маневрирования) или открытого противодействия ему» [6, с. 8]. Исследователь констатирует, что «существует проблема системности терминологического обозначения речевых действий, направленных на нейтрализацию манипулятора» [6, с. 10]. В работе дается описание некоторых наиболее эффективных тактик контрманипуляции: **тактики подчеркнутого принятия «ярлыка»** с его оценочным переосмыслением, например при обыгрывании контрманипулятором ярлыка «ватник», **тактики указания на приписывание манипулятором адресату того, что он не говорил** [6, с. 10], которая является наряду с тактикой указания на конкретный прием (или приём) речевой манипуляции разновидностью тактики «демонстрации манипулятору сути производимых им действий» [1, с. 286], **тактики проведения ярких «отрезвляющих» аналогий**. При этом ученый вполне справедливо отмечает, что у учёных нет единства в обозначении способов контрманипуляции: для

их номинации используются термины «виды защит», «стратегии», «тактики», «приемы».

Важным выводом Г.А. Копниной является утверждение о том, что в научной литературе «обобщающая многоступенчатая классификация контрманипулятивных стратегий / тактик и приёмов отсутствует» [6, с. 13], так же, как и отсутствует лингвистический анализ контрманипулятивных текстов. В качестве объекта такого анализа ученый выдвигает **речевой контрманипулятив**, под которым понимаются «сочетания слов, речевые обороты и высказывания, используемые в функции нейтрализации манипулятивного воздействия» [6, с. 13], определяя его как разновидного того, что О.С. Иссерс «называет «речевыми маркерами коммуникативных стратегий» [4, с. 184].

Г.А. Копнина также вводит в научный обиход понятие контрманипулятивной стратегемы, то есть лингвистически формализованной стратегии поведения, которая «находит отражение в семантике устойчивых (клишированных) конструкций» [6, с. 7].

Продолжателем идей Г.А. Копниной является М.В. Петрова, защитившая под её руководством в 2020 г. диссертацию «Речевая контрманипуляция в русскоязычных политических видеоблогах» [11].

Учёный определяет контрманипуляцию как разновидность речевого воздействия. Ею выделяются две разновидности контрманипулятивного речевого воздействия: контраргументация и контрсуггестия.

Под **контраргументацией** понимается «отрицание и/или опровержение тезиса говорящего с последующим обоснованием собственной (отличающейся) точки зрения» [11, с. 44].

Контрсуггестия трактуется как защита от воздействия. Она является разновидностью психологической защиты, которая, в свою очередь, понимается как употребление субъектом психологических средств устранения или ослабления ущерба, угрожающего ему со стороны другого субъекта [2, с. 66–67]. В.Н. Куликов рассматривает контрсуггестию как «обратные воздействия суггера на суггестора, имеющие своей целью повлиять на внушение последнего: заставить прекратить внушения, снизить суггестивную активность, даже парализовать его суггестивные силы и способности» [7, с. 54].

М.В. Петрова различает стратегии, тактики и приёмы контрманипуляции, которые являются зеркальным отражением стратегий, тактик и приёмов манипуляции.

Под речевой стратегией манипуляции О.С. Иссерс понимает «совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего» [4, с. 109]. Иначе говоря, **стратегия** манипуляции – это совокупность тактик и приёмов манипуляции. В связи с этим стратегией контрманипуляции следует считать совокупность речевых действий, имеющих своей целью опровергнуть созданную манипулятором картину события и заместить её языковой картиной мира, созданной контрманипулятором [4, с. 110]. М.В. Петрова определяет на основе идей О.С. Иссерс **стратегию** как «общий план, совокупность речевых действий (речевых субстратегий, тактик и ходов), определяемых намерением адресанта оптимальным для него образом достичь поставленной коммуникативной цели» [11, с. 46].

Речевая тактика определяется обычно как «речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа» [15, с. 66]. Под **тактикой** манипуляции, следовательно, понимаются речевые действия, способствующие реализации стратегии

манипулирования. Следовательно, контрманипулятивными тактиками следует считать речевые действия, нейтрализующие речевые тактики манипуляции.

М.В. Петрова выделяет две базовые субстратегии контрманипуляций: «речевые тактики открытого противостояния и речевые тактики скрытого противостояния, или уклонения от воздействия манипулятора» [11].

Учеными выделяются следующие речевые тактики открытого противостояния: тактика обнажения истинной цели манипулятора, тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора, тактика обнажения манипулятивного(ых) приема(ов), тактика приведения контраргументов, тактика отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону.

1) **Тактика обнажения истинной цели манипулятора.** Эта тактика предполагает раскрытие причин построения манипулятором того или иного текста, утверждающего ту или иную модель мироустройства.

2) **Тактика постановки вопроса о намерениях манипулятора.** В данном случае «манипулятивное намерение не вербализуется, а лишь указывается на его наличие или ставится под сомнение открытость истинной цели» [11].

3) **Тактика обнажения приема(-ов) манипуляции,** которая заключается в описании (характеристике) или назывании того, как формируется манипуляция.

4) **Тактика приведения контраргументов.** Самая главная тактика, смысл которой состоит в том, чтобы использовать встречные аргументы, опровергающие аргументы манипулятора. В данном случае мы имеем дело с «обнажением лжи».

5) **Тактика отказа изменить поведение в нужную манипулятору сторону** – это отрицательный ответ на просьбу или требование манипулятора совершить то или иное действие.

Речевые тактики скрытого контрманипулятивного противостояния – это группа тактик, преследующая задачи не разоблачения манипулятора, а уклонения от его воздействия путем внесения изменений в тактическую схему речевого поведения манипулятора. Выделяют две основные тактики: тактику задавания уточняющих вопросов и тактику повтора слов манипулятора.

1) **Тактика задавания уточняющих вопросов** предполагает разоблачение манипулятора при помощи сформулированных вопросов, которые вызывают у последнего затруднения.

2) **Тактика повтора слов манипулятора представляет собой** произнесение вслед за манипулятором его же слов/высказываний с целью привлечь к ним внимание аудитории и выиграть время для обдумывания дальнейших шагов.

Таким образом, контрманипуляция представляет собой систему стратегий и тактик противоборства с манипулятором. Она осуществляется в форме коммуникативного поединка, имеющего своей целью борьбу за реципиента. В дальнейшем мы предполагаем определить, каким образом реализуются тактики и приемы контрманипулирования в различных фреймах информационной войны во время грузинско-осетинского военного конфликта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарнова А. Поединок с манипулятором. Защита от чужого влияния / А. Азарнова. – СПб.: Питер, 2016. – 336 с.
2. Владимирова М.Б. Трансформация массового сознания под воздействием СМИ (на примере российского телевидения): монография / М.Б. Владимирова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 144 с.
3. Гласс Л. Вербальная самозащита / Л. Гласс. – М.: АСТ, 2004. – 330 с.

4. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О.С. Иссерс. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 224 с.
5. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебн. пособие / Г.А. Копнина. – М.: Флинта, 2010. – 176 с.
6. Копнина Г.А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения / Г.А. Копнина // Коммуникативные исследования. – 2018. – № 2 (16). – С. 7–19.
7. Куликов В.Н. Психология внушения : учеб. пособие / В.Н. Куликов. – Иваново, 1978. – 80 с.
8. Литвак М.Е. Психологическое айкидо: учебное пособие. Изд-е 6-е, перераб. и доп. / М.Е. Литвак. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 224 с.
9. Панкратов В.Н. Манипуляции в общении и их нейтрализация: практическое руководство / В.Н. Панкратов. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2001. – 208 с.
10. Петрова М.В. Речевая контрманипуляция как объект лингвистического исследования: проблемные вопросы / М.В. Петрова // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 4. – С. 210–214.
11. Петрова М.В. Речевая контрманипуляция в русскоязычных политических видеоблогах : дисс. ... канд. филол. наук / М.В. Петрова. – Красноярск : СФУ, 2020. – 153 с.
12. Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2011. – 336 с.
13. Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика / К.Ф. Седов. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. – 439 с.
14. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию / Е.В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 2004. – 256 с.
15. Сковородников А.П. Язык информационно-психологической войны: стратегии, тактики и приемы / А.П. Сковородников // Лингвистика информационно-психологической войны: монография. – Книга I. – Красноярск: Сиб. федер. унт, 2017. – С. 63–152.
16. Шейнов В.П. Как управлять другими. Как управлять собой (Искусство менеджера) / В.П. Шейнов. – Минск: Амалфея, 1996. – 384 с.
17. Эдмюллер А. Техники манипуляции: Распознавание и противодействие / А. Эдмюллер, Т. Вильгельм. – М.: Омега-Л., 2008. – 131 с.

Поступила в редакцию 05.02.2021 г.

COUNTER-MANIPULATION AS A COMMUNICATIVE PRACTICE

B. Yu. Mamieva

The research considers the concept of counter-manipulation, which is defined as a type of speech impact aimed at countering manipulation. The author distinguishes two levels of such interaction: spatio-temporal and strategic, and introduces the concept of a communicative duel, which is defined as the interaction of a manipulator, a countermanipulator and a recipient of influence when viewing a fact. The researcher distinguishes between direct and indirect interaction of the participants of the duel at the spatio-temporal level, and the reciprocal and pre-emptive counter-manipulation, which is realized at the strategic level. The following tactics of counter-manipulation are described: the tactics of exposing the manipulator's actual objective, the tactics of stating a question about the manipulator's intentions, the tactics of exposing the manipulation techniques, the tactics of bringing counter-arguments and the tactics of refusing to change the behavior according to the manipulator's intentions.

Key words: communicative practice, communication, counter-manipulation, manipulation, strategy, tactic.

Мамиева Бэла Юрьевна.

Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова.

Старший преподаватель кафедры международной журналистики.

E-mail: MamievaB.Y@yandex.ru

Mamieva Bela Yuryena.

South Ossetia State University named after A.A. Tibilov.

Senior lecturer of International Journalism Department.

E-mail: MamievaB.Y@yandex.ru

УДК 81'38'42:82.09

**ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЙНА»
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ А. БАРБЮСА «ОГОНЬ» И
Э.М. РЕМАРКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»)**

© 2021 *О.В. Мифтахова, А.Ю. Хадаева*

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет»

Статья посвящена исследованию особенностей вербализации концепта «война» в антивоенных романах А. Барбюса «Огонь» и Э.М. Ремарка «Возвращение». Авторы кратко освещают научные подходы к определению понятия «концепт», а также рассматривают его структуру. Авторами подробно анализируются признаки концепта «война», находящиеся в ядре и на периферии данного концепта.

Ключевые слова: концепт, антивоенный роман, средства художественной выразительности, ядро концепта, периферия концепта.

В связи с возникновением и активным развитием когнитивной лингвистики в современной науке появились понятия картины мира и концепта. Формирование концептов непосредственно связано с познавательной деятельностью индивида. Носитель языка является обладателем определенной системы концептов, которые, сосредоточивая в себе все важные для индивида представления о мире, формируют картину мира, то есть понимание человеком реальности. На современном этапе развития науки не существует единого определения понятия «концепт». Являясь многогранной и сложной категорией, концепт рассматривается в рамках многих наук: когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной психологии. В отечественной лингвистике существует два основных подхода к определению понятия «концепт»: лингвокогнитивный (Н.Д. Арутюнова, Д.С. Лихачев, И.А. Стернин) и лингвокультурологический (В.И. Карасик, Ю.С. Степанов, С.Г. Воркачев) [1]. Данные подходы не исключают друг друга, а скорее дополняют. В статье мы опираемся на определение концепта в рамках лингвокультурологического подхода.

Так, по мнению В.И. Карасика, концепты – это «первичные культурные образования, являющиеся выражением объективного содержания слов, имеющие смысл и поэтому транслируемые в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы понятийного, образного и деятельностного освоения мира» [4, с. 101]. А.П. Бабушкин дает следующее определение: «Концепт – это «дискретная содержательная единица коллективного сознания или идеального мира, хранящаяся в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде» [2, с. 13]. Ю.С. Степанов характеризует концепт как культурно-ментально-языковое образование, сгусток культуры в человеческом сознании. Лингвист рассматривает концепт как «пучок» представлений, понятий, знаний и воображений, которым сопровождается слово. Как считает исследователь, в виде концепта культура умственно воспринимается человеком. С другой стороны, по мнению Ю.С. Степанова, посредством концепта человек сам входит в культуру, иногда и оказывает влияние на нее [6, с. 43].

Война является сложным общественно-политическим феноменом, который ярко отражается в языковой картине мира каждого народа. Соответственно, происходит формирование культурного концепта «война», который воплощает в себе восприятие

войны носителями языка. Первая мировая война стала беспрецедентным явлением, наложила огромный отпечаток на сознание людей и нашла значительный отклик в культуре XX века, спровоцировав появление литературы «потерянного поколения» и развитие жанра антивоенного романа. Концепт «война» является ключевым в антивоенных романах А. Барбюса «Огонь» и Э.М. Ремарка «Возвращение». Он имеет многослойную структуру, что связано с многоаспектностью самого феномена войны. В нашей статье будет проанализирована понятийная сторона концепта «война», то есть, вербализация характеристик войны в данных произведениях.

Война – военные действия между противоборствующими сторонами. Данный признак является ядром концепта «война», так как именно вооруженный конфликт составляет суть войны. Военные действия в романе «Огонь» описываются посредством их составляющих, так, автором показываются участники войны (солдаты и их военные противники), маневры войск, упоминаются способы ведения боя (перестрелки, бомбардировки, рукопашные бои), всевозможные типы оружия: «Трах! Тах! Тах! Ббац! Ружейные выстрелы, канонада... Уже больше пятнадцати месяцев, уже пятьсот дней в этом уголке мира перестрелка и бомбардировка идут непрерывно: с утра до вечера и с вечера до утра» [3]. Также А. Барбюсом описывается атака, правда, лишь единожды, чаще всего автор освещает поле боя после активных военных действий. Тяжесть боев подчеркивается чрезвычайно выразительными картинами погибших и раненых солдат («Мы переступаем через останки, ледяные, липкие и светлые, как брюхо ящерицы» [3]), разрушенных селений («...дома выпотрошены, как люди, и города – как дома» [3]), искаленной природы («У отверстия хода 97 лежит поперек дуб; все его крупное тело скрючено и разбито» [3]). Таким подробным описанием боевых действий и страданий солдат автор стремится показать, насколько разнообразными и многочисленными стали способы ведения войны и убийства людей в XX веке, насколько чудовищной является сама война.

Дегероизация войны проявляется также в том, что постепенно приходит осознание солдатами ужаса собственных поступков. Так, капрал Бертран, который раньше многих понимает всю абсурдность войны, восклицает: «Будущее! Какими глазами потомство будет смотреть на наши подвиги, раз мы сами не знаем, сравнивать ли их с подвигами героев Плутарха и Корнелия или с подвигами апашей!» [3].

Хотя в романе Э.М. Ремарка «Возвращение» в большей степени речь идет о жизни после войны, автор все же подробно описывает и военные действия. «Мы прислушиваемся. Шипение и свист снарядов, описывающих невидимые круги, прерывается каким-то странным звуком, хриплым, протяжным и таким непривычным, таким новым, что меня мороз по коже продирает. Газовые бомбы!» [5, с. 180]. Эти строки представлены читателю уже во вступлении без какого-либо объяснения. Роман «Возвращение» считается продолжением еще одного романа Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен», поэтому становится понятно, о каких военных действиях идет речь. Только здесь военные действия происходят аккуратно перед заключением мира. Автор отчетливо демонстрирует безнадежность, вселившуюся в главных героев за все годы войны, и ожидаемое заключение мира. «Ремни поскрипывают, винтовки щелкают, и от земли опять вдруг поднимается гнилостный запах смерти. Нам казалось, что мы навсегда избавились от него: высоко взвившейся ракетой засияла мысль о мире, и хотя мы еще не успели поверить в нее, освоить ее, но и одной надежды было достаточно, чтобы немногие минуты, которые потребовались рассказчику, принесшему добрую весть, потрясли нас больше, чем предыдущие

двадцать месяцев. Один год войны наслаивался на другой, один год безнадежности присоединялся к другому» [5, с. 181].

Война – смерть. Вооруженный конфликт неизбежно ведет к смерти большого количества его участников. Смерть входит в лексико-ассоциативное поле концепта «война». В романе А. Барбюса много смертей, однако в произведении практически отсутствуют сцены гибели солдат, автор показывает смерть как уже состоявшееся событие. При этом автор подробно описывает внешний вид трупов. Герои романа являются жертвами войны, они не понимают ее мотивов и не имеют личной неприязни к своим военным противникам. От этого бессмысленность такого количества смертей и безумие войны в целом выглядит еще очевиднее: «– Бьются две армии: это кончается самоубийством единая великая армия» [3].

Война всегда несет с собой жертвы. В романе «Возвращение» читатель видит, что гибель людей не заканчивается с прекращением боевых действий. Так, знаковой для Эрнста Биркхольца, главного героя, от лица которого и ведется повествование, является гибель его одноклассника Веслинга. Он смертельно ранен как раз в ночь отступления немецких частей, когда долгожданный мир был так близок. Перед смертью он просит Эрнста передать фотографию матери. «Он глядит на меня каким-то особенным, широко открытым взором, что-то бормочет, качает головой и стонет. Я судорожно стараюсь еще что-нибудь уловить, но он только хрипит, вытягивается, дышит тяжелей и реже, с перерывами, задыхается, потом еще раз вздыхает глубоко и полно, и вдруг глаза его точно слепнут. Он мертв» [5, с. 188]. Война закончилась, стрельбы не слышно, солдаты уже не вернутся на поле боя, их ждет жизнь после войны дома, но у Веслинга уже ничего не будет. Смертельное ранение в живот не оставило ему никаких шансов. Эта смерть описывается в начале романа, в момент окончания боевых действий. Но в памяти людей война не имеет срока годности. В конце романа читатель столкнется с еще одной смертью. Вроде бы и мир наступил, и солдаты войны вернулись домой, но не все обрели мир внутри себя, не все смирились с послевоенным укладом, не все справились с предательством своего государства, чиновников, вчерашних однополчан. Уже в послевоенной жизни гибель настигает Георга Рахе, который возвращается к месту боевых действий. Здесь он четко осознает, что война и не заканчивалась, она живет, здесь лежат «погибшие месяцы и годы непрожитой жизни». Он задыхается от переполнявшего его чувства несправедливости, беспомощности и пустоты. «Братья! Нас предали! Вставайте, братья! Еще раз! Вперед! В поход против предательства!... Вперед, братья! Он опускает руку в карман и снова поднимает ... Усталый, одинокий выстрел, подхваченный и унесенный порывом ветра» [5, с. 392].

Помимо вооруженного конфликта, война для солдат – это тяготы и страдания, которые она приносит. Данный компонент находится на периферии концепта «война», однако именно он дополняет его, показывает всю тяжесть войны. Солдаты страдают от холода, голода, ранений, болезней, вшей: «Война – это чудовищная, сверхъестественная усталость, вода по пояс, и грязь, и вши, и мерзость» [3]. Поэтому солдаты воспринимают как настоящее счастье, если удастся найти хороший ночлег или ужин. Особенно ценными в таких условиях становятся обыденные вещи, которые напоминают о мирной жизни: «Это целый склад; Вольпат пожирает его глазами, как заботливая хозяйка, и настороженно следит, чтобы никто не наступил на его добро... Платок, трубка, кисет ... нож, кошелек и огниво, ... несколько жестяных коробок» [3].

Описание тягот и лишений присутствует и у Э.М. Ремарка. Например, голод или нехватка медикаментов для раненых встречается в начале романа, когда немецкие

части отходят и встречаются с американскими, хорошо одетыми, сытыми, с оружием хорошего качества. Так иллюстрирует автор состояние американцев: «На американцах новое обмундирование, ботинки их из непромокаемой кожи и пригнаны по ноге, оружие хорошего качества, ранцы полны боевых припасов. У всех свежий, бодрый вид» [5, с. 192]. В противовес американцам немцы выглядят как разбойники: «Наше обмундирование выцвело от многолетней грязи, шинели искромсаны осколками снарядов и шрапнелю; сапоги расшлепаны, оружие давно отслужило свой век, боевые припасы на исходе. Паровым катком прошла по нам война» [5, с. 193].

В романе А. Барбюса «Огонь» война представлена как процесс, то есть, она имеет начало, продолжение и окончание. Так, в произведении часто описывается начало войны: «Да, я ворчал, но это было в начале войны, я был молод. Теперь я рассуждаю здраво» [3]. Также солдаты делятся воспоминаниями о довоенной жизни, то есть именно война в их сознании разделила жизнь на «до» и «после». В связи с тем, что Первая мировая война была окопной войной, настоящее описывается солдатами как постоянное ожидание: «На войне ждешь всегда. Превращаешься в машину ожидания» [3]. Также солдаты постоянно говорят об окончании войны, причем видение конца войны у них разнится: некоторые высказывают мысль о том, что война никогда не закончится, другие живут надеждами, что именно с окончанием войны наступит настоящая жизнь: «Я уже заранее знаю: после войны все жители Суше опять примутся за работу и заживут... Вот будут дела! Я дорожу жизнью: у меня жена, дети, дом, у меня виды на будущее после войны...» [3]. Автор демонстрирует колоссальную усталость участников от войны, показывает, что солдаты «живут» прошлым и будущим, пытаясь абстрагироваться от ужасного настоящего.

Следующий признак концепта «война» – пространственная характеристика. Автор показывает масштабность войны: «На севере, на юге, на западе, повсюду идут бои. Куда ни повернешься везде война» [3]. В восприятии солдат война является вездесущей, бесконечной: «Везде кишат полчища... Каждый народ, пожираемый со всех сторон резней, беспрестанно вырывает из своих недр все новых солдат, полных сил и крови; в реку смерти вливаются живые притоки» [3]. Использование автором многочисленных выразительных средств позволяет ярче передать видение солдатами войны.

У Э.М. Ремарка пространственная характеристика изображена неоднозначно. Поскольку у его героев война постоянно внутри, и это состояние подогревается провальной политикой властей по отношению к солдатам, несправедливом социальном послевоенном устройстве, роману «Возвращение» характерна более пространственно-временная характеристика войны. Экспрессивно показано состояние войны в мире после войны между вчерашними товарищами: «Хлещут пули, люди кричат, мы захвачены потоком, увлечены им, опустошены, в нас клокочет ненависть, кровь брызжет на мостовую, мы снова солдаты, прошлое настигло нас, война, грохоча и беснуясь, бушует над нами, между нами, в нас. Все пошло прахом, – товарищеское единение изрешечено пулеметом, солдаты стреляют в солдат, товарищи в товарищей, все кончено, все кончено...» [5, с. 357]. Экспрессивность достигается использованием средств художественной выразительности и приемов таких, как метафора, эпитет, повторы.

Рассмотрим следующий признак, который находится на периферии концепта «война» и выводится исходя из других его составляющих: война – несправедливость. Роман «Огонь» полон описаниями несправедливости войны. Так, несправедливостью или даже подлостью можно назвать смерть капрала Бертрана – одного из самых

достойных и благородных людей, которым восхищались его товарищи и чьей смертью они особенно огорчены («Мы чувствуем острую, щемящую боль. Значит, он тоже убит, а ведь он больше всех воздействовал на нас своей волей и ясностью мысли!» [3]); также это смерть молодой, красивой девушки Эдокси, которая погибла случайно; смерть всех пяти братьев Жозефа Мениля. Помимо очевидной несправедливости случайных смертей, солдаты понимают, что война ведется ради выгоды правителей, чиновников, банкиров, для этого провозглашаются лживые лозунги, но именно они, солдаты, являются материалом войны и в окопах они понимают ее суть и свою роль в ней, преступность призывов правителей. Также гнев вызывает поведение тыловых и офицеров, их отношение к простым солдатам.

Как уже было отмечено, в романе «Возвращение» речь идет о событиях в Германии после войны 1914–1918 годов. Война, боевые действия окончены, но страна все еще несет потери – люди гибнут на демонстрациях, в стычках, протестуя против социального неравенства и несправедливости, конечно, много самоубийств. По причине самоубийства Эрнст теряет своего близкого друга и соратника Людвигу. Его смерть – апофеоз несправедливости для Эрнста. «Людвиг, я больше не могу. Я тоже больше не могу. Что мне здесь делать? Мы все здесь чужие. Оторванные от корней, сожженные, бесконечно усталые... Почему ты ушел один?» [5, с. 373]. Этим внутренним монологом Эрнст подтверждает тот факт, что они не знают, что им здесь делать. Они знали, что им нужно было делать на войне. В этом и заключается несправедливость жизни после войны. Но ведь к подобному ощущению несправедливости привела сама война... Социальная несправедливость – также последствие войны. Роли переменялись. Те, кто на фронте были посмешищами, ходили вечно грязными и оборванными, теперь носят «безупречный шевиотовый костюм, жемчужную булавку в галстук и щегольские гетры». Представим характеристику двух героев романа: «Вот сидит Боссе, ротный шут. Сейчас он – зажиточный человек, к слову которого прислушиваются... А рядом – Адольф Бетке, который на фронте был на две головы выше Боссе, и тот бывал счастлив, если Бетке вообще с ним разговаривал. Теперь же Бетке лишь бедный маленький сапожник с крохотным крестьянским хозяйством» [5, с. 307]. Главному герою становится не по себе от осознания разобщенности, несправедливости. Он понимает, что все, что их связывало, потеряло силу, «распалось на мелкие индивидуальные интересишки» [5, с. 307]. «Вот передо мной мои боевые товарищи, но они уже и не товарищи, и оттого так грустно. Война все разрушила, но в солдатскую дружбу мы верили. А теперь видим: чего не сделала смерть, то довершает жизнь, – она разлучает нас» [5, с. 308].

По нашему мнению, все вышеназванные признаки концепта «война» условно могут быть сведены к признаку «война – безумие». Авторы данных антивоенных романов на протяжении всего повествования многократно подчеркивают мысль, что у войны нет красивых сторон, война – это безумие, абсурд, помешательство. Описание смертей, оружия, тяжелой жизни солдат, усталости призвано передать именно эту идею. Антивоенный пафос пронизывает романы и является основной их составляющей. В произведении А. Барбюса капрал Бертран осознает раньше других, чем является война, к концу произведения и простые солдаты, как французские, так и немецкие, окончательно прозревают и понимают, что война не может быть оправдана принадлежностью к разным национальностям, ложными мотивами, навязанными пропагандой, что убийство себе подобных, ни в чем неповинных людей – безумно: «В это скорбное утро люди ... начинают постигать, до какой степени война и физически и нравственно отвратительна; она не только насилует здравый смысл, опошляет великие

идеи, толкает на всяческие преступления, но и развивает все дурные инстинкты...» [3]. Несмотря на все показанные ужасы войны, роман заканчивается на довольно оптимистичной ноте, ведь среди солдат больше не осталось заблуждения относительно сущности войны и настоящих врагов: «Но глаза этих людей открылись. Солдаты начинают постигать бесконечную простоту бытия. ... черное грозное небо тихонько приоткрывается. Между двух темных туч возникает спокойный просвет, и эта узкая полоска ... все-таки является вестью, что солнце существует» [3].

Многие романы Э.М. Ремарка пронизаны идеей того, что война – это безумие. Война противоречит здравому смыслу, она отрицает саму жизнь, убивая, калеча, уродуя, разрушая. «Возвращение» не является исключением. Безумие здесь – это и военные баталии, и социальное неравенство, и самоубийство фронтовиков, и отношение государства к военным, и временное помешательство главного героя, когда он отчетливо видит убитых товарищей. «Вальтер, – шепчу я, – Вальтер Вилленброк, убит в августе семнадцатого под Пашенделем... Что это? Безумие? Бред? Горячка?» [5, с. 373]. За первой тенью идет вторая, третья, четвертая... Эти тени – метафора автора, четко показывающая трагедию целого поколения, отправившегося воевать. Теперь все, что от них осталось, – галлюцинации в сознании выжившего товарища. Как и А. Барбюс, Э.М. Ремарк также оставляет надежду на лучшее. Эрнст Биркхольц все-таки жив, а самое главное – ему хочется жить, безумные, исступленные мысли о безысходности покинули его. Он примирился с собой. Он больше не боится смотреть в сумрак, не страшится прошлого, наоборот, он даже идет ему навстречу. «Часть моей жизни была отдана делу разрушения, отдана ненависти, вражде, убийству. Но я остался жив. В одном этом уже задача и путь. Я хочу совершенствоваться и быть ко всему готовым» [5, с. 397]. Он прекрасно понимает, что на пути совершенствования будут и падения, и разочарования, и одиночество. Но теперь он знает наверняка: он поднимется, он не станет лежать, он пойдет вперед и назад не повернет. «Может быть, я никогда не буду счастлив, может быть, война эту возможность разбила, и я всюду буду немного посторонним и нигде не почувствую себя дома, но никогда, я думаю, я не почувствую себя безнадежно несчастным, ибо всегда будет нечто, что поддержит меня, – хотя бы мои же руки, или зеленое дерево, или дыхание земли» [5, с. 398]. Все-таки жизнь сильнее смерти. Это естественно. Так и должно быть.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в антивоенных романах А. Барбюса «Огонь» и Э.М. Ремарка «Возвращение» концепт «война» имеет множество компонентов. Это и военные действия, и смерть, тяготы и страдания, и безумие, и несправедливость... В зависимости от образа-признака меняется интерпретация концепта, его содержательное наполнение расширяется и приобретает иные оттенки благодаря лексике, находящейся в ассоциативном поле с концептом «война». Следует сказать, что сам концепт трансформируется. Большая роль при вербализации указанного концепта отводится средствам художественной выразительности, которые придают повествованию яркую окраску и вызывают у читателя глубокие эмоции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова Е.С. Проблемное поле лингвистической концептологии: сущность, средства объективации, структура концепта / Е.С. Абрамова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2015.. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnoe-pole-lingvisticheskoy-kontseptologii-suschnost-sredstva-obektivatsii-struktura-kontseptta> (дата обращения: 18.12.2020).
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: ВГУ, 1996. – 104 с.

3. Барбюс А. Огонь / А. Барбюс. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=53263&p=1>, свободный (дата обращения: 25.12.2020).
4. Карасик В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт / В.И. Карасик // Филология и культура. Материалы III международной конференции. Ч. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 98–101.
5. Ремарк Э.М. Собрание сочинений в пяти томах. – М.: Раритет, 1992. – Т. 2. – 400 с.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

Поступила в редакцию 14.01.2021 г.

**VERBALIZATION OF CONCEPT «WAR» IN THE NOVELS «UNDER FIRE» BY H. BARBUSSE
AND «THE ROAD BACK» BY E.M REMARQUE**

O.V. Miftakhova, A.Y. Khadaeva

The article addresses verbalization of the concept «war» in the anti-war novels «Under Fire» by H. Barbusse and «The Road Back» by E.M. Remarque. The authors briefly discuss the approaches to the definition of the term «concept» and consider its structure. The nuclear and peripheral features of the concept «war» are analyzed in detail.

Key words: concept, anti-war novel, expressive means, concept core, concept periphery.

Мифтахова Ольга Викторовна.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет».
Старший преподаватель кафедры романо-германской филологии.

E-mail : olga_miftakhova@mail.ru

Хадаева Алёна Юрьевна.

ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный педагогический университет».
Преподаватель кафедры романо-германской филологии.

E-mail : alyona.hadaeva@mail.ru

Miftakhova Olga Viktorovna.

State Educational Institution of Higher Education LPR «Lugansk State Pedagogical University».
Senior lecturer of Romance and Germanic Philology Department.

E-mail : olga_miftakhova@mail.ru

Khadaeva Alyona Yurievna.

State Educational Institution of Higher Education LPR «Lugansk State Pedagogical University».
Lecturer of Romance and Germanic Philology Department.

E-mail : alyona.hadaeva@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

НАСУЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ХРЕСТОМАТИЙНОГО СВОЙСТВА (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Т.Н. ФЕДУЛЕНКОВОЙ «ФРАЗЕОЛОГИЯ: ХРЕСТОМАТИЯ»)

© 2021 О.Б. Пономарева¹, А.Д. Бакина², А.Д. Скотникова³

¹ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»;

²ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»;

³ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых».

В рецензируемой книге представлены отдельные работы, знаменующие собой основные вехи в развитии отечественной фразеологии и появление таких новых ее ветвей, как фразеологическая семантика, перевод фразеологии, типология фразеологии, библейская фразеология и фразеологическая лингвокультурология. Рассматриваемые в книге проблемы, как-то: фразеологическая вариантность, фразеологическая абстракция, истинные/ ложные библеизмы, культурный код и другие – имеют непреходящий характер. Фундаментальность предлагаемых читателю работ проверена временем.

Ключевые слова: фразеология, хрестоматия, фразеологическая единица, фразеологическая абстракция, типологическая релевантность фразеологии.

В рецензируемой хрестоматии «Фразеология» под редакцией профессора Т.Н. Федуленковой детальное освещение получают наиболее актуальные и неоднозначные проблемы современной фразеологии и фразеографии, рассматриваемые в трудах ярких представителей фразеологической науки. Фундаментальность избранных для издания трудов верифицирована временем и тем объемом научных исследований, которые основаны на идеях и теориях, выдвинутых этими специалистами в области фразеологического знания.

Автору-составителю предлагаемого к ознакомлению издания, на наш взгляд, удалось умело скомбинировать разноаспектные по характеру исследования работы маститых лингвистов-фразеологов, заложивших основы теории фразеологии и продолжающих свой научный поиск с учетом возникающих новых подходов и теорий в лингвистике и смежных с ней областях.

Хрестоматия открывается научной аргументацией правомерности некоторых положений теории *слов-сопроводителей*, изложенной наиболее значительной фигурой в отечественной фразеологии – профессором А.В. Куниным. В главе «*Слова-сопроводители и контекст*» лингвист предлагает пересмотреть и уточнить постулаты теории слов-сопроводителей, выдвинутой профессором В.П. Жуковым, которые последний рассматривает как слова свободного употребления, не входящие в компонентный состав фразеологических единиц (далее ФЕ). А.В. Кунин отмечает, что уже исходя из самого определения ФЕ как раздельнооформленной, но семантически слитной и неделимой единицы языка, невозможно определять слова-сопроводители в качестве *слов свободного употребления*, поскольку сочетаемость компонентов ФЕ ограничена. Кроме того, доказательством несостоятельности положения В.П. Жукова лингвист считает наличие слов-сопроводителей в составе ФЕ при их фиксации во фразеологических словарях и справочниках. Приведя ряд аргументов в защиту

выдвинутого тезиса, А.В. Кунин делает вывод о том, что теория слов-сопроводителей нуждается в пересмотре и доработке с учетом высказанных доводов.

Способность фразеологических единиц подвергаться различного рода структурно-семантическим модификациям ставит перед исследователями ряд теоретических проблем, таких как соотношение тождества и вариантности, вариантности и инвариантности, нормативности и ненормативности преобразований. При этом под фразеологическими вариантами принято понимать «разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе или различающиеся словоформами или порядком слов» [5, с. 442].

Идея вариантности лингвистических единиц как показателя развития языка зародилась еще в трудах Ш. Балли, который отмечал, что ФЕ могут быть изменены, модифицированы, сохранив при этом свою специфику, т.е. при ненарушении структурно-семантической целостности фразеологизма часть его может подвергаться изменениям: сокращениям, опущениям, добавлениям и т.д. [1]. Подчеркнем, что в отношении вариативности постоянно наблюдается разнополярность мнений: вариативность, с одной стороны, воспринимается как глобальная категория, основное свойство языка [12, с. 62], с другой стороны, представляется избыточной категорией [10, с. 35–36]. Заслуга А.В. Кунина состоит в том, что он впервые предложил метод фразеологической идентификации, позволяющий установить тождество фразеологизмов, подверженных вариантности [8, с. 35], представить тождество фразеологической единицы как совокупность ее вариантов [11, с. 81].

Неизменную актуальность и новизну проблемы вариативности ФЕ отмечает Г.И. Краморенко в главе *«Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка»*. Вслед за А. В. Куниным, впервые обратившимся в своих трудах к вопросу вариативности фразеологизмов английского языка, автор констатирует, что исследование специфики структуры и семантики ФЕ, а также проблемы синонимии во фразеологии обусловили естественный интерес как к проблеме фразеологической вариации вообще, так и к проблеме разграничения проблемы фразеологической синонимии и проблемы фразеологической вариантности, в частности.

Ввиду недостаточной изученности данного вопроса на материале немецкого языка, Г.И. Краморенко проводит масштабное исследование немецкоязычных фразеологизмов, извлеченных из художественных текстов и текстов прессы, при этом в качестве справочных материалов выступили издания *«Stilduden»*, *«Der Sprachbrockhaus»*, *«Немецко-русский фразеологический словарь»* Л.Э. Биновича, *«Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund»* под редакцией А. Шермера, словари Л. Макензена.

Целью исследования послужила объективная оценка роли субстантивных и глагольных вариантов как фактов развития фразеологического фонда немецкого языка. В составе проблемы вариативности компонентов-существительных в ФЕ автором исследуются отношения синонимии, метонимии и тематической схожести варьируемых компонентов. В ходе исследования выявляется, что созданию субстантивных фразеологических вариантов способствуют главным образом диалектальная, жаргонная, профессиональная лексика. Автор выясняет, что глагольная вариация представлена двумя основными типами: одноплановой вариацией, «являющейся в языке средством уточнения объективных особенностей протекания действия в отношении степени интенсивности, быстроты действия, его целенаправленности или

непреднамеренности, случайности, активности или пассивности лица в действии и пр.», а также «средством выражения субъективного отношения говорящего к называемому конкретному действию, его субъективной оценки и эмоций», и разноплановой глагольной фразеологической вариацией, представляющей собой способ выражения категорий аспекта и способа протекания действия, категорий переходности – непереходности, каузативности, побудительности в немецком языке [15, с. 30].

Подробнейший анализ вариантов немецкоязычных ФЕ позволил детерминировать семантико-дифференцирующую роль фразеологической вариации в многозначных и разнозначных ФЕ. Расширению фразеологической вариации способствуют два противоположных фактора: *аналогия* и *специализация* значения ФЕ. Автором успешно выявляются и анализируются случаи размежевания и омонимизации ФЕ, приводящие к *грамматическим* и *синтактико-конструктивным* изменениям в ФЕ.

Вполне справедливым и логичным нам представляется тезис автора о том, что разнообразие фразеологической вариации обусловлено неизменными процессами *координирования* и *дифференциации* ФЕ, протекающими в живом языке.

Г.И. Краморенко делает вывод о том, что развитие фразеологической вариативности в немецком языке представляет собой закономерное явление, которое можно проследить на большом объеме языкового материала, и, что немаловажно для уточнения лингвистического статуса варианта ФЕ [10, с. 46], вариативность фразеологизмов способствует пополнению фразеологического фонда языка.

Фундаментальность проведенного исследования не вызывает сомнений; на наш взгляд, работа положила начало активному изучению процессов вариативности ФЕ разной направленности в немецком языке (см., напр. [2; 16]).

Проблема семантики ФЕ – еще один из «краеугольных камней» современной фразеологии. В главе «*Языковая мотивировка фразеологического значения и фразеологическая абстракция*» крупнейший лингвист-фразеолог А.М. Мелерович исследует структуру семантики ФЕ и механизмы порождения фразеологического значения, свойства и признаки мотивировки значения ФЕ, а также «абстракцию в соотношении с семантикой составляющих фразеологизм языковых элементов». Автор приводит ряд лингвистических факторов, обуславливающих мотивированность инвариантного фразеологического значения и выделяет такие виды мотивировки, как прямая и косвенная. Сама специфика фразеологического значения, по мнению профессора А.М. Мелерович, обуславливает необходимость выявления особенностей фразеологической абстракции, которая представляет собой «специфическое для ФЕ выражение закономерного абстрагирования фразеологического значения в процессе его становления и функционирования от семантики языковых элементов, образующих материальную форму ФЕ». Выделяемые автором типы фразеологической абстракции представлены: абстракцией от лексических и грамматических значений компонентов ФЕ; абстракцией от исходного значения сочетания слов; абстракцией от типового значения синтаксической конструкции. В заключение, автор констатирует, что специфика соотношения в семантике ФЕ внутренней формы, мотивировки фразеологического значения и фразеологической абстракции обуславливает особенности и противоречивый характер взаимодействия между формой и содержанием фразеологизма. Идея фразеологической абстракции вызывает регулярный интерес ученых при рассмотрении проблемных вопросов фразеологической семантики [4, с. 158; 17, с. 44].

Не менее значительными и логически обусловленными всем ходом развития фразеологической науки в отечественном языкознании выступают научные изыскания профессора Т.Н. Федуленковой в главе «*Фразеология и типология*», центральный тезис которой подчеркивает необходимость «сопоставительного и интегрирующего изучения языков». В этом отношении компаративное изучение фразеологии различных языков

представляется не только естественным, но и весьма актуальным. По мнению автора, несмотря на отсутствие единого мнения в ученом сообществе, проблема выделения типологических признаков четко фиксируется и осознается лингвистами [18, с. 91].

Учитывая специфические черты сопоставительного анализа фразеологии, включающие опосредованность, многоплановость и аппроксимативность, Т.Н. Федуленкова выявляет ряд типологических признаков фразеологических единиц (структурная организация ФЕ, характер лексического состава ФЕ, характер морфологического оформления компонентов ФЕ, тип зависимости компонентов ФЕ, степень устойчивости ФЕ, корреляция семного состава компонента со значением ФЕ, тип смысловой модификации ФЕ, характер транспарентности внутренней формы ФЕ, отношение ФЕ к структурно-семантической моделированности, уровень фразеологической абстракции). Инновационность данной работы имеет непреходящее значение, особенно в сфере выявления изоморфных и алломорфных признаков ФЕ [9, с. 212] и фразеологических универсалий как в родственных, так и неродственных языках [13, с. 172–177].

Исследование *«Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке»*, проведенное И.С. Хостай, является одной из немногочисленных работ, систематизирующих разрозненные взгляды и представления отечественных и зарубежных лингвистов о таком неоднозначном и малоизученном объекте, как фразеологические библеизмы.

В успешно выполненные задачи исследования вошли: определение статуса библейских фразеологических единиц (далее БФЕ), номинативно-системное описание БФЕ английского языка, построение классификации БФЕ, исследование ряда вопросов, связанных с прототипическими свойствами БФЕ, выявление функций БФЕ в текстах публицистики и художественной литературы.

Исследуемый корпус БФЕ представлен тщательно отобранными фразеологизмами из словарей и справочных изданий, что на одном из последующих этапов работы позволило выявить *ложные* БФЕ. Анализ прототипов библеизмов обосновал построение их структурно-семантической классификации при внимании к характерным особенностям прототипов БФЕ.

Поэтапная процедура исследования фразеологических единиц библейской этимологии позволила автору получить неординарные результаты, а именно:

а) выделить адекватный корпус исследуемого материала, исключив *ложные* БФЕ или основанные на библейском сюжете, а не непосредственно наличествующие в библейском тексте,

б) произвести рубрикацию прототипов ФЕ библейского происхождения и выявить среди них четыре типа, включающие переменные словосочетания или предложения, устойчивые выражения фразеологического характера, цитаты и событийные прототипы,

в) исследовать проблему образования БФЕ в результате метафорического, метонимического переносов, символического переосмысления, на основе прототипической ситуации, структурно-семантической деривации, наконец, варьирования компонентов БФЕ.

Одним из важных этапов проведенного исследования является изучение системности библейской фразеологии, в частности затрагивается проблема варианности, как одного из признаков системности. Отметим, что вариативность библейских фразеологических единиц обуславливается такими свойствами рассматриваемых единиц, как компонентность и раздельнооформленность состава ФЕ, взаимообусловленность

компонентов, структурная организация (строятся по модели словосочетаний и предложений), вариантность и факультативность компонентного состава ФЕ.

Детальный анализ БФЕ в аспекте их вариативности проводится по нескольким направлениям, включающих варьирование прототипов БФЕ, их варьирование в языке как системе и в речи. Проведенное компаративное исследование нескольких текстов Библии позволяет автору заключить, что большая часть библейских прототипов структурно и семантически устойчива и стабильна, и лишь небольшое число подверглось изменениям.

Как отмечает И.С. Хостай, вариативность непосредственно самих БФЕ весьма обширна и может быть представлена как узуальными (изменения не нарушают внутренней организации исходного фразеологизма), так и окказиональными (нерегулярные модификации, индивидуально-авторские преобразования с частичной структурно-семантической модификацией компонентного состава узуальных ФБ) вариациями. Интерес представляют, например, выделенные в качестве окказиональных вариантов *окказиональные эллиптированные конструкции*.

Наконец, немаловажным этапом исследования БФЕ является изучение специфики их функционирования в разных видах дискурса. Солидная база практического материала исследования позволяет проиллюстрировать, как присущие семантике БФЕ образность, экспрессивность, эмоциональность, оценочность проявляют себя в разном контекстном окружении, какие дополнительные функции выполняют и какую смысловую нагрузку они несут.

Исследование И.С. Хостай правомерно признать актуальным и перспективным, поскольку системное изучение БФЕ предполагает вовлечение целого спектра проблем, связанных со структурой, семантикой и прагматикой единиц языка и речи вообще, и фразеологических в частности. Дальнейшее исследование библейской фразеологии в русле когнитивных исследований, например, когнитивно-дискурсивного описания устойчивых воспроизводимых единиц или сравнительного языкознания, позволит открыть новые грани проблематики и расширить границы применения полученного знания.

Вопросы разработки методологической основы, служащей для последующего предложения методов исследования фразеологии с позиций лингвокультурологического подхода, подлежат тщательному рассмотрению в главе хрестоматии *«Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры»*. Профессор В.Н. Телия поясняет, что актуальность современных фразеологических исследований в контексте культуры обуславливается необходимостью решения таких вопросов, как определение фразеологического состава как наиболее уникальной и индивидуальной в культурно-языковом плане части фонда номинативных средств языка; выявление сходств и различий методики описания культурной семантики ФЕ в рамках этнолингвистического, лингвокультурологического и контрастивного направлений; выделение общего для языка и культуры методологического основания, на базе которого разрабатываются методы исследования ФЕ. Поиск и разработка адекватного методологического аппарата исследования, который бы позволил наметить пути решения вышеизложенных проблем, представляет собой первоочередную задачу.

По мнению В.Н. Телия, перспективы исследования ФЕ в аспекте соотношения языка и культуры напрямую зависят от методологической базы исследования. В данном же случае эта задача становится еще более насущной, поскольку на пересечении оказываются три направления и определить «работающие» методы, адекватные поставленным задачам, представляется трудоемким процессом. Новаторские идеи В.Н. Телия реализовались в создании известной всем миру *Московской школы лингвокультурологического анализа фразеологизмов*, выдающимся

результатом коллективного труда которой стал фразеологический словарь русского языка [3], не имеющий аналогов в мировой лексикографической практике, словарь нового типа [7, с. 239], словарь, содержащий культурологический комментарий [14, с. 219], словарь, представляющий образец нового лексикографического формата взаимодействия языка и культуры [6, с. 181].

Рецензируемое хрестоматийное издание под редакцией профессора Т.Н. Федуленковой предоставляет читателю уникальную возможность в сжатом виде, тем не менее достаточно подробно, ознакомиться с целым спектром наиболее значимых проблем современной фразеологии во всем многообразии оригинальных авторских подходов к их решению. Представленные выдержки из трудов специалистов в области фразеологического знания позволяют проследить становление фразеологической науки, неуклонное расширение проблемного поля фразеологии и, как следствие, ее неослабевающее развитие. Дискутируемые в данной книге идеи являются инновационными для каждого этапа развития фразеологии и обогащают концептуальный аппарат основных направлений исследования современной фразеологической науки.

К книге прилагается предметный указатель [15, с. 145–145], включающий около двух сотен терминов и список опубликованных работ профессора Т.Н. Федуленковой по фразеологии, включающий свыше пятисот названий научных статей, монографий и учебных пособий [15, с. 146–206], которые помогут и начинающему лингвисту, и маститому ученому ориентироваться в избранной области исследования.

Вне всякого сомнения, данная книга может успешно использована как лингвистами, работающими в области фразеологии, типологии и лингвокультурологии, так и неискушенными читателями, которые лишь начинают свой путь в лингвистической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотип. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
2. Болгова Л.А. Фразеологическая вариантность и механизмы фразеобразования (на материале периферийных слоев фразеологического фонда современного немецкого языка): дис... канд. филол. наук / Л.А. Болгова. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1974. – 168 с.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Фразеологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС. – 784 с.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: ВШ, Дубна: Феникс, 1996. – 381 с.
5. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дисс. ... д-ра филол. наук / А.В. Кунин. – М.: МГПИИЯ, 1964. – 1229 с.
6. Поцелуева Н.В. Новый лексикографический формат взаимодействия языка и культуры / Н.В. Поцелуева, Т.Н. Федуленкова // Проблемы истории, филологии, культуры, Москва–Магнитогорск–Новосибирск. – 2011. – № 3. – С. 181–185.
7. Поцелуева Н.В. Фразеологический словарь нового типа / Н.В. Поцелуева, Т.Н. Федуленкова // Живодействующая связь языка и культуры: Материалы междунаро. науч. конф., посвященной юбилею д-ра филол. наук проф. В.Н. Телия: В 2-х т. Т. 1: Язык. Ментальность. Культура. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. – С. 239–243.
8. Федуленкова Т.Н. Вариант фразеологической единицы как показатель ее тождества (на материале фразеологии с компонентом – глаголом отчуждения) / Я.П. Игнатович, Т.Н. Федуленкова // Язык и культура. – 2017. – № 37. – С. 35–47. DOI: 10.17223/19996195/37/3.
9. Федуленкова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм германской метонимической фразеологии (на материале соматических фразеологических единиц (ФЕ) английского, немецкого и шведского языков) / Т.Н. Федуленкова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: Сб. науч. тр. – Вып. 3. – М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2004. – С. 212–223.
10. Федуленкова Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков / Т.Н. Федуленкова. – М.: Изд. Дом Академии Естествознания, 2018. – 220 с.
11. Федуленкова Т.Н. Тождество фразеологической единицы как совокупность ее вариантов (на

материале английских ФЕ с компонентом make) / Т.Н. Федуленикова, Н.В. Ключева // Язык и культура. – 2015. – № 4(32). – С. 83–93.

12. Федуленикова Т.Н. Фразеологическая вариантность как лингвистическая проблема / Т.Н. Федуленикова // Вестник Оренбургского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – Оренбург, 2005 4(42). – С. 62–69.

13. Федуленикова Т.Н. Фразеологические универсалии (на материале глагольной, соматической и библейской фразеологии английского, немецкого и шведского языков) / Т.Н. Федуленикова // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире: Материалы международной конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора В.Д. Аракина. – М.: Прометей, 2004. – С. 172–177.

14. Федуленикова Т.Н. Культурологический комментарий во фразеологическом словаре / Т.Н. Федуленикова, Н.В. Поцелуева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Науч. журн. – № 1(Том 1). Филология. – СПб, 2011. – С. 219–224.

15. Фразеология: хрестоматия / Мин. образ. и науки РФ, ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М.В. Ломоносова»; отв. ред. и сост. Т.Н. Федуленикова. – Архангельск, 2018. – 208 с.

16. Ширнина О.А. Механизмы фразеологической вариативности (на материале глагольных фразеологизмов современного немецкого языка): дис... канд. филол. наук / О.А. Ширнина. – М.: МПНИИЯ им. М. Тореца, 1989. – 149 с.

17. Fedulenkova T. Phraseological Abstraction // Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology: ESSE-9, Aarhus, 22-26 August 2008 / T. Fedulenkova (ed.). – Arkhangelsk: SAFU; Aarhus: Aarhus University, 2009. – P. 42–54.

18. Fedulenkova T. Typological Relevance of Phraseology: New Approach to the Study of Phraseological Units / T. Fedulenkova // Book of Abstracts: The 12th Conference of the European Society for the Study of English, 29 August–2 September 2014. Kosice: Šafárik University, 2014. P. 91–92.

Поступила в редакцию 01.01.2021 г.

URGENT PROBLEMS IN MODERN PHRASEOLOGY OF ENDURING PROPERTIES (BOOK REVIEW: T.N. FEDULENKOVA “PHRASEOLOGY: A READER”)

O.B. Ponomareva, A.D. Bakina, A.D. Skotnikova

The book under review presents individual works that mark the main milestones in the development of Russian phraseology and the emergence of such new branches as phraseological semantics, translation of phraseology, typology of phraseology, biblical phraseology and phraseological linguoculturology. The problems considered in the book, such as phraseological variability, phraseological abstraction, true / false biblicisms, cultural code, and others – have an enduring nature. The fundamentality of the works offered to the reader has been tested by time.

Key words: phraseology, anthology, phraseological unit, phraseological abstraction, typological relevance of phraseology.

Пономарева Ольга Борисовна.

Доктор филологических наук, профессор.
Тюменский государственный университет.
Профессор института социально-гуманитарных наук.

E-mail: obponomareva@list.ru

Бакина Анна Дмитриевна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».
Заведующая кафедрой английской филологии
Института иностранных языков.

E-mail: heart-anna@yandex.ru

Скотникова Алиса Дмитриевна.

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых».
Студент Гуманитарного института.

E-mail: alisa.skotnikova@gmail.com

Ponomareva Olga Borisovna.

Doctor of Philology, Professor.
Tumen State University.
Professor of the Institute of Social Sciences and Humanities.

E-mail: obponomareva@list.ru

Bakina Anna Dmitrievna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Oryol State University named after I.S. Turgenev.

Head of the Department of English Philology
Institute of Foreign Languages.

E-mail: heart-anna@yandex.ru

Skotnikova Alisa Dmitrievna.

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.

Undergraduate at the Humanitarian Institute.

E-mail: alisa.skotnikova@gmail.com

**ИМЯ В ПАРЕМИЯХ И ИДИОМАХ
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ М.Л. КОВШОВОЙ
«СЛОВАРЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В РУССКИХ ЗАГАДКАХ, ПОСЛОВИЦАХ,
ПОГОВОРКАХ И ИДИОМАХ»)**

© 2021 *Т.Н. Федуленкова*¹, *А.Д. Бакина*², *А.В. Иванова*³

¹ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

²ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева»

³ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

Рецензируемый словарь представляет собой уникальный, новаторский труд, не имеющий аналогов в мировой лексикографической практике. В его основу положен авторский лингвокультурологический принцип описания паремий и идиом как знаков, способных хранить и передавать из поколения в поколение культурную информацию, в том числе и посредством такого показательного компонента как имя собственное.

Ключевые слова: собственное имя, паремия, загадка, пословица, поговорка, идиома, лексикография, культурология.

Всего несколько месяцев назад вышла в свет новая, необыкновенная книга доктора филологических наук, ведущего сотрудника отдела теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН Марии Львовны Ковшовой «Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» [5] и уже успела привлечь к себе внимание читающей публики. В ряду изданных М.Л. Ковшовой в последнее время книг [3; 4; 5] этот Словарь, по нашему мнению, призван занять особое место, так как он представляет собой неординарный лингвистический и лексикографический труд, полный новаторских идей, замыслов и их воплощений.

Прежде всего интересен сам факт обращения автора к собственному имени как к объекту описания в названном Словаре, причем не просто к имени собственному, а к имени, тесно связанному с его ролью в загадках, паремиях и идиомах. Работая над Словарем, автор, что вполне естественно, не может не следовать принятой в отношении собственных имен традиции их описания в отечественной лексикографии, учитывая при этом предложенные подходы в описании загадок, пословиц, поговорок, фразеологизмов в сборниках и словарях различного рода и предназначения. Сохраняя преемственность в отечественной лексикографической практике [2], автор опирается на одну из основных оппозиций в системе языка, а именно, на противопоставление имен собственных и имен нарицательных – онимов и апеллятивов.

Интуиция исследователя и проницательность лингвиста дает возможность М.Л. Ковшовой увидеть, что сама история образования собственных имен, а также присущие онимам языковые и культурные функции предопределяют необходимость их представления в специализированных ономастических словарях и справочниках. И, как показывает вновь изданный Словарь, автор предпринимает не только смелую, но и весьма результативную попытку в этом направлении.

Привлекательной стороной работы, вне всякого сомнения, является тот факт, что М.Л. Ковшова предпринимает успешные действия по упорядочиванию метаязыка

лингвистики, уточняя трактовки основных характеристик паремий и идиом и приводя для наглядности иллюстрации их дифференциации и употребления.

Рассматривая пословицы, поговорки и загадки как паремические жанры фольклора, автор дифференцирует пословицы и поговорки и делает акцент на том, что в отличие от пословиц поговорки не являются в полной мере синтаксически оформленными выражениями и поучают без прямых сентенций и назиданий. Ср.: *Лихоманка да зависть – Иродовы сестры. Ерема сиди дома – погода худа. Идет Фома – большая сума. Взял Фома Лукерью – суд божий пришел (женился). Дружка на дружку, а всё – на Петрушку. Был у меня друг Иван – не приведи Бог и вам.*

Оригинальное утверждение находим у М.Л. Ковшовой об антропонимах в составе пословиц: антропонимы, по наблюдению автора, несколько ограничивают повышение уровня абстракции пословиц. Подкрепляя свое замечание, М.Л. Ковшова показывает, как обобщению препятствует персонаж, названный по имени, которое создает иллюзию называния вполне определенного, конкретного человека. В свою очередь, пословицы, выраженные законченными, цельнопредикативными предложениями, под влиянием онимов как бы лишаются законченности, поскольку антропоним задает примерный сюжет и перспективу диалога. Ср.: *Не тот дурак, кто в Фофаны играет, а кому быть доведётся. Достигают невесту собою, а ино и Фомою. Не надейся Роман на чужой карман, а пораньше вставай да своё наживай. Лука не речист, да на руку не чист. Не гордись, Гордей, ты не лучше людей.*

Неординарным представляется факт выявления множества переходных случаев между пословицами и поговорками, тем более что это касается паремий с антропонимами. Ср.: *Глеб с Борисом, а хлеб у них с анисом. Каков Дёма, таково у него и дома. Ростом с Ивана, а умом с болвана. У Алеши много дел, он от дела похудел. У всякого Моисея своя затея. Был квас, да выпил Влас, доберется до того, кто и варил его.*

Загадки в представлении автора – это «короткие игровые тексты, в которых дается нарочито усложненное описание одного предмета посредством описания другого на основе установления отдаленного сходства между ними» [5, с. 6]. Ср.: *Тридцать три молотят, один Мартын поворотит (едят). Марья-Мария по воду ходила, ключи оборонила (молния). Леонид лежит, а потом в реку побежит (снег). Стоит Гаврило, замазано рыло (овин). Залезла Варвара выше амбара, не ест и не пьет, всё на небо глядит (труба). Маленький Афанасий лычком подпоясан (веник).*

Идиомы в авторской трактовке представляют собой единицы языка, состоящие из двух и более компонентов, которые утратили свое лексическое значение и обрели слитное, фразеологическое, значение (ср.: [9]). От других типов фразеологизмов идиомы отличает высокая степень переосмысления составляющих их компонентов, образность, устойчивость и воспроизводимость. Эмотивность, оценочность и экспрессивность также рассматриваются автором как сущностные характеристики идиом. Ср.: *абстрактный Вася (жарг., шутл.) – обычный, ничем не выделяющийся человек; Балда Ивановна (прост., ирон. обычно о себе) – глупая, несообразительная, забывчивая, рассеянная женщина; Блин Клинтон (эвф.) – выражение раздражения, досады; Ванька с Криворожья (обл.) – глуповатый, несообразительный человек из провинции; придавить Соньку (жарг., шутл.) – заснуть, спать; вроде Володи, а зовут Акулькой (неформ., ирон.) – о незначительном человеке, ничем себя не проявившем.*

Включая в Словарь загадки, пословицы, поговорки и идиомы, в состав которых входят собственные имена: антропонимы, а также хрононимы, мифонимы, агионимы, литературные и исторические имена, автор предпосылает этим понятиям релевантное и немногословное толкование.

М.Л. Ковшова представляет читателю антропонимы как подкласс имен собственных, назначение которых усматривается автором, прежде всего, в именовании и отождествлении конкретного человека. Автор видит назначение антропонимов в избранном ряде объектов исследования в решении следующих задач:

- а) в паремиях и идиомах – антропонимы обозначают специфические черты людей, обобщая в каждом конкретном имени определенный социальный тип;
- б) в загадках – антропонимы участвуют в кодировании явлений, относящихся к предметному классу действительности.

Отметим при этом новаторскую идею автора, который тонко подмечает, что использование антропонимов отвечает постоянно возникающей потребности в типизации объектов действительности и концептуализации их свойств.

Проводя детализацию номенклатурного ряда антропонимов, М.Л. Ковшова включает в этот подкласс личные имена, фамилии, патронимы/отчества, псевдонимы, прозвища. В паремиях и идиомах, уточняет автор, употребляются разные структуры и формы антропонимов: прямые и производные, в том числе народные (*Ванька, Манька, Васька, Ганечка, Гаранька, Игнашка, Николавна, Тарасиха, Гася, Илюша, Маланья, Патрай Патраич* и др.).

Хронониму предпосылается дефиниция как имени собственному, предназначенному для называния отрезков времени в народном календаре и связанному с церковно-календарными именами (*Никола, Борис, Петров, Юрьев, Варвара* и др.). Такие имена собственные используются для называния антропоморфных персонажей в загадках, пословицах и поговорках, согласно назначению данных знаков; по наблюдению автора, в идиомах хрононимы употребляются крайне редко.

Мифоним трактуется автором как имя собственное, предназначенное для называния антропоморфных языческих богов и демонов, героев мифов, а также предметов, наделяемых в народном сознании сакральным значением [5, с. 8]. Такие имена собственные используются для называния персонажей в паремиях и образов в идиомах; выделяются античные мифонимы и славянские мифонимы (*Зевс, Геракл, Баба-Яга, Кощей, Кикимора, Дед Мороз, Веретеница, Курилка* и др.). В пословицах и поговорках, как отмечает автор, античные мифонимы практически не встречаются.

Агионим представляется читателю как имя собственное, предназначенное для называния того или иного персонажа из сказаний Ветхого и Нового Заветов, библейских текстов и легенд. Такие имена собственные широко используются для называния персонажей в паремиях и редко – для создания образов в идиомах (*Адам, Ева, Христос, Ной, Лот, Савл, Хам, Иуда* и др.).

Инновационность рецензируемой работы состоит и в том, что автор уделяет особое внимание семантизации имени собственного в паремиях и идиомах.

Автор отмечает, что, прежде всего, в семантику пословиц и поговорок свои значимые культурные смысловые наращивания привносят, хрононимы, мифонимы, агионимы, исторические онимы. В то же время М.Л. Ковшовой удается рассмотреть и ту посильную лепту, которую вносят в обогащение смысла паремий и антропонимы, а именно: они обозначают характерные качества и свойства людей и под личное имя, как пишет автор, «собирается» тот или иной социальный тип: *Иван* – болван, *Фома* – неверующий, *Емеля* – пустомеля, *Тит* – лентяй и дармоед, *Варвара* – любопытная, *Федула* – дура. (ср.: [1, с. 151]).

В идиомах же, по утверждению автора Словаря, кодировка мифологем, символов, эталонов, стереотипов осуществляется посредством хрононимов, мифонимов,

агионимов, исторических онимов и в еще большей степени литературных имен, напр.: *Юрьев день* – возможность перемен, *меч Немезиды* (книжн., ирон.) – справедливое возмездие, как *Мафусаил* – очень старый человек, долгожитель, (как бы) *двуликий Янус* – двусторонняя сущность чего-л., *Мамаево побоище* – большой беспорядок, *дети лейтенанта Шмидта* – самозванцы, наглые обманщики, мошенники, как *Плюшкин* – жадный, скупой неимоверно, как *папа Карло трудиться* – постоянно работать.

Отмечается, что антропонимы, как подлинные, так и искусственные, в идиомах участвуют в персонификации отрицательных или положительных характеристик: *хитрый Митрий* – хитрец, обманщик, *Филькина грамота* – не имеющий силы документ, *то Вася, то не Вася* (жарг.) – о человеке, который проявляет сомнение, нерешительность, *Дунька с трудоднями* (прост., устар., ирон.) – работающая женщина, которая активно добивается хорошего заработка, *портниха Яниха* (обл.) – неловкий, неумелый человек, допустивший оплошность.

Новаторство работы М.Л. Ковшовой состоит в выявлении роли собственного имени в избранных объектах изучения, а именно:

1. В загадках – собственное имя легко выделяется, чтобы послужить заголовочным словом, собирающим в одну словарную статью все структуры онима, его формы и конструкции. Эта легкость выделения объясняется способностью собственного имени локализовать загаданный денотат в образной структуре загадки, «субстантивировать» и как бы назвать его, хотя на самом деле вся загадка является названием для исходного денотата. Автор видит, однако, что именно антропоним является организующим центром, занимает инициальную позицию в тексте; к нему прилагаются подсказки, вокруг него строится целостный образ и иногда небольшой сюжет.

2. В пословицах и поговорках – собственное имя также легко вычленяется из текста в пословицах и поговорках и становится заголовочным словом, но в этом случае – по другим причинам: пословицы и поговорки представляют сценки из народной жизни, и тот или иной персонаж, носящий собственное имя как маску, является легко узнаваемым в этом обыденном социальном представлении.

3. В идиомах – только в идиомах собственные имена «сопротивляются» вычленению из семантически целостного знака. Новаторский подход и настойчивость позволили составителю Словаря найти компромисс между «природой» данного знака и «культурой» научной задачи – наглядно представить состав онимов в идиомах, показать их формы, структуры и позицию в тексте, самим описанием подтвердить апеллативизацию собственных имен в идиомах. Не случайно М.Л. Ковшова признает, что труднее всего оказалось вынести в заголовочную статью антропонимы – они «душой и телом» принадлежат целостному образу идиом. Легче из идиомы выделяются в заголовочное имя агионимы, мифонимы, хрононимы, исторические и литературные имена. И это объяснимо: будучи прецедентными именами, они входят в идиому со своей культурной значимостью и не утрачивают ее в слитной семантике идиомы, остаются не компонентами, а, что весьма интересно, «сжатыми текстами» в ее составе [5, с. 13].

Неординарность нового Словаря заключается и в том, что его автор ведет задушевную беседу с читателем и, прежде всего, обращает внимание на тот факт, что паремии и идиомы с собственными именами выделяются из массива единиц, как выделяется человек из толпы. Собственные имена в паремиях и идиомах создают атмосферу театральности, разыгрывают «небылицы в лицах». Являясь, по выражению В.И. Даля, лишь «внешней одеждой», собственные имена делают текст живым, приближают его к читателю, превращая восприятие загадок, пословиц, поговорок и идиом в диалог с их олицетворенными образами.

Наконец, подчеркнем заслугу автора Словаря в характеристике важнейших культурно-языковых функций онимов, которые они особенно ярко и памятно выполняют в паремиях и идиомах:

а) во-первых, быть носителями культурных смыслов, воплощенных в языковую оболочку;

б) во-вторых, по-разному, в зависимости от знаковой специфики паремий и идиом, служить в их составе олицетворенными символами, эталонами, мифологемами, стереотипами и таким образом участвовать в процессах семиотизации ценностно значимого содержания культуры.

Подводя итоги, подчеркнем, что созданный в русле современных традиций Московской школы лингвокультурологического анализа фразеологии [6, с. 130; 8, с. 188–193], с опорой на установки авторского лингвокультурологического метода [7, с. 178], Словарь М.Л. Ковшовой позволяет обнаружить в загадках, пословицах, поговорках и идиомах большое количество совпадающих буквально или сходных образов и показать, как культура кодирует исходные смыслы, воспроизводимые в паремиях и идиомах. Принципы описания в Словаре обосновывают культурно-языковую функцию собственных имен, специфически проявляющуюся в паремиях и идиомах, — быть проводником в пространстве культуры, являться носителем ценностно значимого культурологического содержания, когнитивно релевантного сознанию современного носителя языка (ср.: [10, с.17–36]).

Завершая наше обозрение, обращаем внимание потенциальных читателей на чрезвычайную актуальность данного издания, тем более, что рецензируемый словарь представляет собой новаторский лексикографический продукт, который не имеет аналогов в мировой практике. Рекомендуем данное издание филологам, специалистам по лингвокультурологии и фразеологии, преподавателям, переводчикам и всем интересующимся данной проблемой читателям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакина А.Д. Да воздастся каждому по трудам его. Рецензия на русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках ЛЕПТА БИБЛИЙСКОЙ МУДРОСТИ: в 2 т. / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленикова // авт.-сост.: З.К. Адамия; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. – Т. 1, 288 с. – Т. 2, 308 с. ISBN 978-985-568-502-0 (т. 1) ISBN 978-985-568-503-7 (т. 2). DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-151-155 // Вестник Нижегородского гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова. – Вып. 4 (52). – 2020. – С. 151–155.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. – Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 784 с.
3. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов. Краткий тематический словарь / М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
4. Ковшова М.Л. Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков / отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
5. Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах / М.Л. Ковшова. – Москва: ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.
6. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2008. – 272 с.
7. Федуленикова Т. Н. Лингвокультурологический метод в фразеологии М.Л. Ковшовой: индекс инновации / Т.Н. Федуленикова // European Social Science Journal. – 2014. – №. 4 (43). – Т. 2. – С. 178–182.
8. Федуленикова Т.Н. Новаторский словарь – ответ на требование времени. Рецензия на книгу: Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков / отв. ред.

М.Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2017. – 192 с. ISBN 978-5-94244-059-6 // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 3 (90). – С. 188–193. DOI 10.23859/1994-0637-2019-3-90-20.

9. Fedulenkova T. Experience of Phraseological Studies in Academic Group for Multilingual Purposes / T. Fedulenkova // Proceedings of the International Conference on European Multilingualism: Shaping Sustainable Educational and Social Environment (EMSSESE 2019) / ed. by C. Kirby and L. Shchipitsina. [Electronic Resource]. Parts of series ASSEHR, vol. 360. – Paris, Amsterdam: Atlantis Press, 2019. DOI: <https://doi.org/10.2991/emssese-19.2019.8>. Accessed: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/emssese-19/publishing>.

10. Piirainen E. Widespread idioms in Europe and beyond: New insights into figurative language / E. Piirainen // Intercontinental Dialogue on Phraseology 3 / Eds. J. Szerszunowicz, B. Nowowiejski, Y. Katsumasa. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2015. – Pp. 17–36.

Поступила в редакцию 11.02.2021 г.

NAME IN PAREMIAS AND IDIOMS

(REVIEW OF THE BOOK BY M.L. KOVSHOVA “DICTIONARY OF PROPER NAMES IN RUSSIAN RIDDLES, PROVERBS, SAYINGS AND IDIOMS”)

T.N. Fedulenkova, A.D. Bakina, A.V. Ivanova

The peer-reviewed dictionary is a unique innovative work that has no analogues in the world lexicographic practice. It is based on the author's linguoculturological principle of describing paremias and idioms as signs capable of storing and transmitting cultural information from generation to generation, through such an indicative component as a proper name, in particular.

Key words: proper name, paremia, riddle, proverb, idiom, lexicography, culturology.

Федуленкова Татьяна Николаевна.

Доктор филологических наук, член-кор. РАН.
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых».
Профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации.
E-mail: fedulenkova@list.ru

Бакина Анна Дмитриевна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».
Заведующая кафедрой английской филологии.
E-mail: heart-anna@yandex.ru

Иванова Александра Викторовна.

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых».
Студент Гуманитарного института.
E-mail: sandralikeis54@gmail.com

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna.

Doctor of Philology, RANH correspondent member.
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.
Professor of Department of Foreign Languages in Professional Communication.
E-mail: fedulenkova@list.ru

Bakina Anna Dmitrievna.

Candidate of Philology.
Oryol State University named after I.S. Turgenev.
Head of English Philology Department.
E-mail: heart-anna@yandex.ru

Ivanova Aleksandra Viktorovna.

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs.
Student at the Humanitarian Institute.
E-mail: sandralikeis54@gmail.com

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ И СТЕПЕНЬ ВЫРАЖЕННОСТИ ИРРАЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК СТУДЕНТОВ НА НАЧАЛЬНОМ И ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

© 2021 А.А. Кацера

ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого»

Статья посвящена проблеме стрессоустойчивости будущих педагогов и педагогов-психологов. Показано, что стрессоустойчивость не является врожденной, зависит от многих факторов: образа жизни, уровня сформированности навыков эмоциональной саморегуляции, которые, в свою очередь, часто рассматриваются через призму установок, убеждений, мышления. В результате эмпирического изучения вопроса выявлено, что устойчивость к стрессу и степень выраженности иррациональных установок студентов на начальном и завершающем этапах обучения в вузе имеют отличительные и сходные черты. У первокурсников, в сравнении со старшекурсниками, реже обнаруживаются такие установки как «долженствование в отношении себя» и гиперболизация (катастрофизация) негативной характеристики ситуации или проблемы. При этом студенты старших курсов более устойчивы к стрессу.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, рациональные и иррациональные установки, студенты, этапы обучения в вузе.

Постановка проблемы. Современная социокультурная ситуация в России предъявляет повышенные требования ко всем участникам образовательного процесса, и в особой мере – к личности педагога, работающего с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидами. Профессии дефектологического профиля сами по себе относятся к наиболее интеллектуально и эмоционально напряженным видам профессиональной деятельности. Все это обуславливает необходимость формирования будущих специалистов в данной сфере с учетом таких личностных факторов профессиональной готовности к работе как стрессоустойчивость и соотношение рациональности-иррациональности в мышлении.

Анализ основных исследований и публикаций. Проблема стрессоустойчивости личности является предметом пристального внимания Б. Ананьева, А. Марковой, Л. Митиной, Л. Попова, О. Васильева, Л. Филатова, Е. Ильина, О. Щербакова и др. Интерес к изучению стрессоустойчивости в связи с иррациональными установками приобретает особое значение из-за повышающейся стрессогенности деятельности в сфере образования лиц с ОВЗ и инвалидов.

На сегодняшний день в современной отечественной науке насчитывается ограниченное количество работ, посвященных изучению данной проблемы (Н. Самукина, Е. Семенова, К. Абульханова-Славская, А. Боковиков, П. Зильберман, В. Журавкова, Н. Подымов, др.).

Определено, что процесс формирования профессиональной стрессоустойчивости личности носит динамичный характер. Он зависит и от внешних, и от внутренних условий, является индивидуально своеобразным. В то же время в нем можно

обнаружить общие особенности.

Цель данной работы состоит в теоретическом анализе научных источников по исследуемой проблеме и освещении эмпирических результатов исследования стрессоустойчивости и степени выраженности иррациональных установок студентов – будущих специалистов в сфере дефектологии и специальной психологии на начальном и завершающем этапах обучения в вузе.

Изложение основного материала. Анализ современного состояния вопроса показал, что современное понимание теории стресса отошло от сугубо биологического и носит междисциплинарный характер. Стрессоустойчивость – это интегративная системная характеристика [1; 3]. В контексте изучаемого нами вопроса под стрессоустойчивостью следует понимать совокупность качеств личности, позволяющих переносить значительные нагрузки и перегрузки, обусловленные особенностями профессиональной деятельности, без особых вредных последствий для своего здоровья и для самой деятельности [1; 4].

Многими авторами исследовалась взаимосвязь стрессоустойчивости и отдельных психологических черт и качеств.

Так, люди с внутренним «локусом» контроля за своей деятельностью (по Дж. Роттеру) – уверенные в себе, надеющиеся в первую очередь на себя, не ожидающие внешней поддержки, – менее подвержены стрессу при социальном давлении, чем «экстерналы» (с «внешним локусом контроля», нуждающиеся в поощрениях, похвале, поддержке, болезненно реагирующие на критику, полагающиеся на помощь других).

Заниженная и неустойчивая самооценка делают человека менее устойчивым по отношению к стрессу (А. Алексеева), снижают возможность контролировать свою жизнь.

Лица типа «А» (по М. Фридман, Р. Розенман, К. Мэтьюз) выделяются склонностью к недооценке количества времени и сложности стоящих перед ними задач, они всегда спешат и при этом опаздывают, расстраиваются. Такие люди больше подвержены болезненным стрессам, чем лица поведения типа «В».

Дж. Гринберг (ссылаясь на Кобаза) называет три личностных фактора, присутствие которых повышает стрессоустойчивость: обязательность, контроль, выносливость.

Степень стрессоустойчивости в профессии коррелирует со структурными составляющими внутреннего мира: целями, ценностями, направленностью, убеждениями, установками и др. Так, обладая достаточной стрессоустойчивостью, педагог/педагог-психолог воспринимает проблемные ситуации в работе не как стрессовые, а как требующие разрешения. Это организует и стабилизирует его профнаправленность, поддерживает рациональные установки.

Стрессоустойчивость не является врожденной, и зависит от многих факторов: образа жизни, уровня сформированности навыков эмоциональной саморегуляции, которые, в свою очередь, часто рассматриваются через призму установок, убеждений, мыслительного процесса. Так когнитивный терапевт Альберт Эллис, считал, что эмоции сопровождают мышление, так как человек объединяет в себе рациональное и иррациональное. Рациональное ведет к примирению/альянсу с реальностью (адаптации). Иррациональные же установки, согласно его теории, – жёсткие когнитивно-эмоциональные связи, конфронтирующие с реальностью и противоречащие объективным условиям, закономерно приводящие к дезадаптации личности. По мнению автора, формирование иррациональных установок, как и рациональных, происходит в рамках социальных отношений [5].

Система социальных отношений в вузе и выступает той средой, в которой

происходит процесс профессиональной подготовки будущих педагогов и в личностном, и в деятельностном планах. Формирование стрессоустойчивости, предупреждение возникновения иррациональных установок, совершенствование навыков саморегуляции становится возможным на основе изучения степени и состояния их развитости у будущих профессионалов.

Для изучения общего и различий в стрессоустойчивости студентов психологического факультета (направленность подготовки дефектологическое образование – 36 человек; из них 20 первокурсников и 16 студентов выпускных курсов) на начальных и завершающих этапах обучения в вузе нами использовались такие методики:

- тест А. Эллиса «Диагностика иррациональных установок»;
- Бостонский тест стресса (Лайл Х. Миллер и Альма Делл Смит);
- методика экспресс-диагностики уровня психоэмоционального напряжения (ПЭН) и его источников (О.С. Копина, Е.А. Суслова, Е.В. Заикин) [2; 5].

Анализ шкал методики в данной статье не приводится.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

1. Показатель устойчивости к стрессу:

первокурсников вуза $M=48,02$, $\sigma=10,95$;

студентов выпускного курса $M=34,42$, $\sigma=8,16$.

Это свидетельствует о том, что, хотя данные и располагаются в пределах относительно достаточной стрессоустойчивости, но на момент начала обучения первокурсники больше склонны поддаваться влиянию стресс-факторов ($p<0,05$).

2. Показатели иррациональных установок мышления *первокурсников*:

«катастрофизация» (подразумевает гиперболизацию негативной характеристики ситуации или проблемы, тем самым отражая представление, что в мире существует катастрофический аспект, лежащий вне системы оценки) $M=18,01$, $\sigma=2,18$,

«долженствование в отношении себя» (проявляется в представлениях о том, что сам человек кому-то что-то должен) $M=18,22$, $\sigma=2,74$,

«долженствование в отношении других» (проявляется в представлениях о том, как другие должны обращаться с человеком, что могут делать, а что нет) $M=18,97$, $\sigma=3,05$,

оценка фрустрационной толерантности личности (отражает степень переносимости различных фрустраций – показывает уровень стрессоустойчивости) $M=18,16$, $\sigma=3,04$,

общая оценка (самооценка) степени рациональности мышления $M=19,13$, $\sigma=2,53$.

3. Показатели иррациональных установок мышления студентов *старших курсов*: «катастрофизация» $M=16,76$, $\sigma=2,64$,

«долженствование в отношении себя» $M=17,30$, $\sigma=2,56$,

«долженствование в отношении других» $M=18,60$, $\sigma=2,32$,

«фрустрационная толерантность» $M=18,45$, $\sigma=3,15$,

общая оценка степени рациональности мышления $M=18,86$, $\sigma=2,62$.

Обобщая данные, можно сделать некоторые *выводы*:

- Студентам свойственны иррациональные установки в мышлении как в начале обучения (первые курсы), так и к моменту окончания вуза. Наиболее выражена установка катастрофизации. Наименее выражена установка «фрустрационная толерантность».

- У первокурсников, в сравнении со старшекурсниками, реже обнаруживаются такие установки, как «долженствование в отношении себя» и гиперболизация (катастрофизация) негативной характеристики ситуации или проблемы ($p<0,05$).

- Иррациональные установки более выражены у студентов с пониженным уровнем устойчивости к стрессу.

- Становление стрессоустойчивости у студентов имеет прогрессивную динамику с первого по четвертый (выпускной) курс. Данное явление находится в связи с увеличением количества рациональных установок будущих специалистов. Можно предположить, что такое изменение обусловлено формированием адаптивных ресурсов личности обучающихся в условиях вуза молодых людей.

Таким образом, представляется перспективным проведение работы по формированию стрессоустойчивости будущих педагогов/педагогов-психологов на этапе обучения в вузе, задачами которой может выступать развитие рациональных установок мышления и совершенствование путей эмоциональной саморегуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куряев И.А. Стресс и стрессоустойчивость студентов / И.А. Куряев // Вестник РУДН. Серия: Экология и безопасность жизнедеятельности. – 2013. – № 5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stress-i-stressoustoychivost-studentov> (дата обращения: 02.04.2021).
2. Психодиагностика стресса: практикум / сост. Р.В. Куприянов, Ю.М. Кузьмина; М-во образ. и науки РФ, Казан. гос. технол. ун-т. – Казань: КНИТУ, 2012. – 212 с.
3. Церковский А.Л. Современные взгляды на проблему стрессоустойчивости / А.Л. Церковский // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2011. – Т. 10. – № 1. – С. 6–19.
4. Циркунова Н.И. Стрессоустойчивость и саморегуляция студентов-психологов / Н.И. Циркунова // Наука – образованию, производству, экономике. Материалы 72-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. Ред.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – 2020. – С. 439–441.
5. Эллис А. Гуманистическая психотерапия: рационально-эмоциональный подход / под ред. В.А. Чулкова. – СПб.: Сова, 2002. – 272 с.

Поступила в редакцию 23.01.2021 г.

STRESS RESISTANCE AND EXPRESSION OF STUDENTS' IRRATIONAL ATTITUDES AT INITIAL AND FINAL STAGES OF UNIVERSITY TRAINING

A.A. Katsero

The article deals with the problem of stress resistance of future teachers and educational psychologists. It is shown that stress resistance is not innate, it depends on many factors: lifestyle, level of formation of emotional self-regulation skills, which, in their turn, are often viewed through the prism of attitudes, beliefs, thinking. As a result of an empirical study of the issue, it was revealed that resistance to stress and the severity of irrational attitudes of students at the initial and final stages of education at a university have distinctive and similar features. As compared with senior students, freshmen more seldom demonstrate such attitudes as "self-obligation" and exaggeration (catastrophization) of a negative characteristic of a situation or problem. At the same time, senior students are more resistant to stress.

Key words: resistance to stress, rational and irrational attitudes, students, stages of study at university.

Кацера Анжелика Александровна.

Кандидат психологических наук, доцент.

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет им. Л.Н. Толстого».

Доцент кафедры специальной психологии.

E-mail: katsero@list.ru

Katsero Angelika Aleksandrovna.

Candidate of psychological sciences, associate professor.

Tula State University named after L.N. Tolstoy.

Associate Professor of Department of Special Psychology.

E-mail: katsero@list.ru

УДК 159.92+37.03

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

© 2021 С.В. Руденко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Данная статья посвящена изучению психологических аспектов семейного чтения. Раскрыты возрастные особенности развития детей младшего школьного возраста. Проанализированы основные психологические особенности семейного чтения. Представлены результаты эмпирического изучения психологических особенностей семейного чтения.

Ключевые слова: семейное чтение, детское чтение, социализация, психологические особенности семейного чтения.

Введение. Представление о семейном чтении не является новым в современной науке. О практике семейного чтения упоминается уже во времена египетских фараонов. Античность, Средневековье, эпоха Просвещения, Новое и Новейшее время – фактически в любом из указанных периодов можно найти отдельные упоминания о семейном чтении. И это – вполне закономерно, так как чтение – один из наиболее сильных факторов формирования личности, кристаллизации ее индивидуальной модели культурного образования. Чтение знакомит подрастающее поколение с достижениями культуры и искусства, дает возможность читать произведения не только современных авторов, но и тексты, написанные авторами прошлых столетий, а то и десятки веков назад. При помощи чтения дети и взрослые знакомятся с особенностями различных культур и субкультур, что развивает эстетический вкус, способствует взаимопониманию, снятию социальной напряженности, в конечном счете, способствует процессам интеграции в обществе [3]. Чтение является одним из факторов социализации ребенка. Идентифицируя себя с героями, ребенок учится понимать и других людей, и себя самого, открывает для себя мир взаимоотношений. Как отмечает Е.А. Колосова, социализация ребенка посредством чтения охватывает все процессы приобщения к культуре, коммуникации и образованию. Социализация посредством чтения является важнейшим этапом в жизни детей и подростков, во многом определяет развитие личности и последующее участие в общественной жизни. Традиционный механизм социализации посредством чтения в семье – усвоение человеком норм, эталонов поведения, взглядов, стереотипов, заложенных в текстах книг и иллюстрациях. Этот процесс происходит, как правило, на неосознаваемом уровне с помощью запечатления, некритического восприятия господствующих стереотипов, правил, предпочтений в выборе книг, оценки значимости чтения, наличия и состава домашней библиотеки и пр. [1; 6]. В данной статье речь пойдет о психологических особенностях семейного чтения.

Основная часть. Несмотря на то, что понятие «семейное чтение» является общепринятым, своего четкого определения оно не имеет. Так, Ю.П. Мелентьева рассматривает семейное чтение как одну из моделей чтения (наряду с деловым, нормативным, учебным, развлекательным и самообразовательным чтением). Автор выделяет ряд особенностей, выделяющих семейное чтение среди других его видов [2].

Во-первых, в основе семейного чтения лежит практика «чтения вслух», в отличие от «чтения про себя». Чтение вслух (как устная коммуникация) привносит в процесс

чтения особую интимность, чувство близости, способствует формированию атмосферы доверия, общности интересов, понимания, привносит эмоциональность и даже некоторую степень театрализации. За счет чтения вслух модель семейного чтения приобретает особый эффект воздействия на личность.

Во-вторых, модель семейного чтения предполагает совместное (но не коллективное) действие. Оно способствует воспитанию сотрудничества, сотворчества, взаимопониманию между разными поколениями. Семейное чтение должно носить постоянный характер на протяжении длительного времени. Оно не только закладывает привычку к чтению и характеризует уклад семьи, но и вносит стабильность в ее существование.

В-третьих, модель «семейное чтение» тесно связано с понятием «личная, частная, домашняя, семейная библиотека» как библиотеки особого вида. Личная библиотека всегда была основой, на которую опиралось семейное чтение. Соответственно, семейное чтение формирует читательский вкус и предпочтения.

В-четвертых, модель «семейного чтения» тесно связана с появлением такого «нового читателя», как женщина, хотя и роль мужчины, отца здесь весьма значительна.

Наконец, в-пятых, в модели семейного чтения, в отличие от других моделей, одновременно реализуются практически все важнейшие функции чтения – познавательная, воспитательная, развивающая, развлекательная, коммуникационная. При этом, на взгляд Ю.П. Мелентьевой, именно воспитательной функции, лежащей в основе семейного бытия в целом, стоит отвести ведущую роль [2].

Особенности чтения во многом обусловлены и возрастными особенностями личности. Остановимся на психологических особенностях младших школьников, поскольку именно они составили выборку нашего исследования.

Ведущей деятельностью для младших школьников является учебная. В процессе овладения учением происходит развитие психики ребенка. Важным является осознание, позиционирование себя как школьника, формирование «внутренней позиции школьника». Происходит перестройка мотивационной сферы, рождаются социальные мотивы и в целом формируется иерархия мотивов. Очень сильна мотивация социального статуса («я – ученик»). В младшем школьном возрасте закладываются фундаментальные основы нравственного поведения, формируется двигательная культура, что способствует как общему физическому развитию, так и снижению напряжения, выражению эмоциональности, социализации в целом. Начинает развиваться произвольность познавательных процессов. Пока же детям присуще преимущественно непроизвольное внимание; их привлекает все новое, яркое, интересное, необычное. Они склонны подражать, действовать по образцу. Необходимо помнить, что, хотя произвольность поведения уже должна быть сформирована, все же внимание детей легко отвлечь. Младшие школьники преимущественно мыслят образами, в начале обучения преобладает конкретное мышление и лишь начинает развиваться логическое, абстрактное [3; 4; 6].

С целью выявления психологических особенностей семейного чтения нами был использован проективный метод. Преимущества проективного метода исследования очевидны. Он ориентирован на неосознаваемые или не вполне осознанные психические феномены, на те аспекты личности, которые обычно скрыты для наблюдения. Это непрямой способ обращения к личностным особенностям человека, не приводящий в действие психологические защитные механизмы. Неопределенность исследовательской ситуации способствует большему разнообразию возможных поведенческих реакций. Также проективный метод предполагает отсутствие строго унифицированных процедур проведения.

Указанные особенности метода являются неоценимыми при работе с детьми. Стандартизированные методики и тесты требуют подробного инструктирования, зачастую – значительного времени проведения и мотивации обследуемых. Отдельные вопросы могут быть поняты неоднозначно или вовсе не поняты, что в ситуации проведения массового обследования может снизить надежность полученных результатов. Использование же проективного метода позволяет снизить возможные защитные реакции детей при проведении обследования, некоторую искусственность обстановки, и дает возможность выявить интересующие исследователя психологические особенности ненавязчиво, в ходе естественной деятельности ребенка. Одним из таких естественных для ребенка видов деятельности является рисование.

Для достижения целей исследования, а также ввиду указанных особенностей проективного метода, нами была применена рисуночная процедура «Нарисуй, как читает ваша семья». За ее основы была взята рисуночная методика С.Н. Щегловой с некоторыми уточнениями.

По инструкции детям предлагалось нарисовать, как читает их семья, а также ответить на ряд вопросов:

1. Где это происходит?
2. Кто тут нарисован? (при необходимости – попросить показать, где кто)
3. А ты здесь есть? (вопрос задается ребенку, если это непонятно по рисунку)
4. Им нравится то, что они делают?
5. Что им хочется делать / чем заниматься?
6. Что им нравится / интересно читать?

Возможны уточняющие вопросы, на усмотрение исследователя, в случае если нарисовано что-то непонятное (напр.: «Что это?», «Кто...?», «Что они делают?» и т.п.). Указание возраста (не младше 6,5-7 лет, т.к. если меньше – материал будет малоинформативен) и пола обязательно. Также указывается состав семьи (делается это после того, как рисунок завершен).

Полученные результаты предполагают последующий анализ с помощью процедуры контент-анализа. Основные категории контент-анализа:

1. Место. Показатели: дом; природа/парк/двор/прогулка; другое.
2. Персонажи. Показатели: я (только я); меня нет; вся семья; мама; папа; бабушка/дедушка; братья/сестры; другие люди; животные; другое.
3. Отношение к чтению (озвученное вербально) – Нравится ли? Показатели: да; нет; неясно (ответы интерпретируются как показатели позитивного, негативного и нейтрального отношения).
4. Отношение к чтению (невербальные характеристики: соотносённость цветов, размера, детализированность, качество проработки и т.п.). Показатели: позитивное отношение; негативное отношение; амбивалентное отношение; нейтральное отношение.
5. Жанр. Ввиду преимущественного упоминания детьми сказок в качестве основных показателей были выделены два следующих: сказки; другое.
6. Размер. Показатели: большой размер; средний размер; маленький размер.
7. Атмосфера/эмоциональный фон. Показатели: позитивная атмосфера; негативная атмосфера; нейтральная атмосфера.
8. Сюжет. Показатели: отдых; учеба (дом/школа/библиотека); только книга; книги – нет.
9. Проработанность. Показатели: проработанность рисунка; схематичность рисунка; проработанность, но не книги.

При анализе каждого рисунка фиксировалось наличие или отсутствие показателей каждой категории. При этом показатели категорий 3; 4; 6; 7 и 9 (касается только показателей 1-2) являются взаимоисключающими, т.е. обозначен может быть только один из них. Остальные же категории могут быть представлены более чем одним показателем в одном и том же рисунке.

Изучение психологических особенностей семейного чтения проводилось в сентябре-ноябре 2020 г. В обследовании приняли участие 243 ребенка, в возрасте преимущественно 7-9 лет. Были охвачены 13 городов и районов Донецкой Народной Республики: Торез – 22, Амвросиевский район – 5, Новоазовск – 3, Енакиево – 9, Тельмановский район – 47, Дебальцево – 8, Горловка – 21, Докучаевск – 5, Снежное – 7, Комсомольское – 5, Макеевка – 21, Старобешеве – 5, Донецк – 85. Ввиду разного количества человек в каждом городе, принявших участие в обследовании, и для обеспечения возможности сравнительного анализа результатов, полученные данные были переведены в проценты.

Полученные результаты предполагали анализ средних данных – для определения общих тенденций по выделенным категориям, а также анализ данных по каждому городу в сравнении со средними данными. Также сравнивались средние показатели особенностей детского чтения, полученные в 2019 и 2020 гг. [5]

Ниже представлены средние показатели анализируемых особенностей чтения детей (График 1).

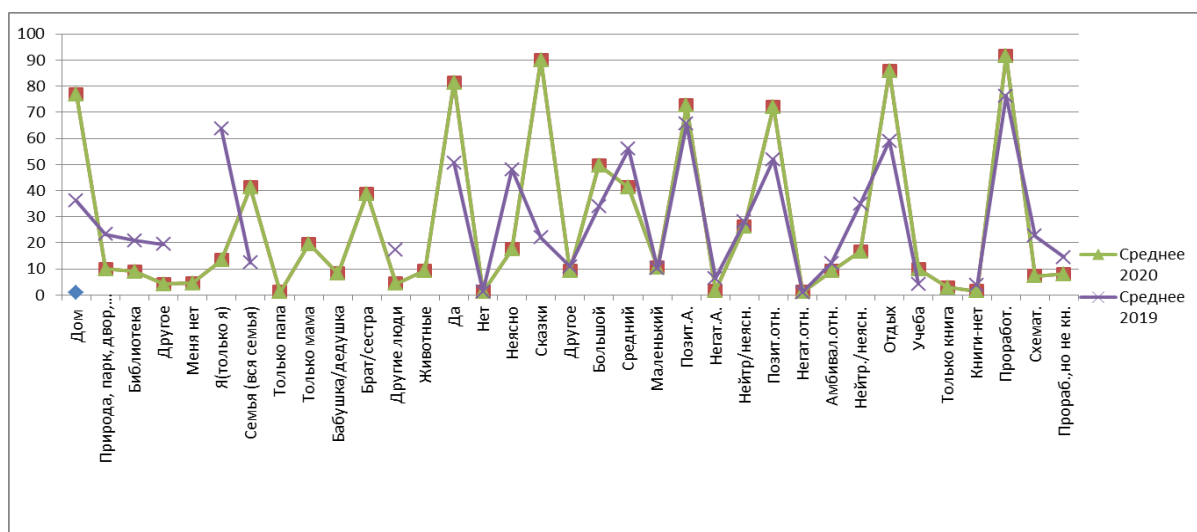

График 1. Средние результаты обследования.

Остановимся подробнее на результатах обследования.

Анализ средних результатов показал следующее. Для 76,7% обследуемых семейное чтение – это прежде всего домашнее времяпрепровождение. На рисунках этих детей были представлены дома, квартиры или комнаты обследуемых, показано место (места) для чтения. Как мы видим, эти данные в два раза больше данных, полученных при обследовании в 2019 году, что ожидаемо. Ведь, в отличие от индивидуального чтения, семейное чтение требует одновременного и комфортного нахождения в одном месте всей семьи (или ее части). При этом небольшая часть обследуемых предпочитает в качестве места для чтения библиотеку (9,08%). Возможно, в значительной мере это обусловлено условиями проведения обследования, а также спецификой знакомства с книгами в младших классах. Читать всей семьей на прогулке, на природе – в парке или во дворе, на

море, – склонны всего лишь 10% детей. Два указанных показателя почти в два раза ниже прошлогодних, что, на наш взгляд, вполне объяснимо спецификой именно семейного чтения. Менее 5% обследуемых обозначили в качестве места для чтения что-либо другое. Сюда попали не только единичные рисунки, иллюстрирующие процесс чтения, например, вместе со сказочными персонажами, но и случаи, когда рисунок не позволял определить, где это происходит. Полученная картина результатов вполне естественна и объяснима, учитывая инструкцию к обследованию, типичные места для чтения, а также возрастные особенности детей.

Перейдем к изображенным на рисунках персонажам. Существенно меньшая часть обследуемых в сравнении с прошлым годом на рисунке изобразили только себя (13,3% в сравнении с 63,7%). Это вполне согласуется с полученной инструкцией («Нарисуй, как читает ваша семья»). При этом в 4,54% рисунков изображения себя не было вовсе. В остальных же случаях наряду с изображением себя присутствовали и иные персонажи/члены семьи. Эти данные вполне согласуются с особенностями младшего школьного возраста (в том числе некоторым эгоцентризмом), а также подчеркивает адекватность представления детей о семье в целом и о семейном чтении – в частности. Соответственно, полученные рисунки могут отражать реальную картину жизнедеятельности детей и их семей. В 41,15% случаев дети изобразили на рисунке всю семью. При этом 38,8% обследуемых изобразили чтение вместе со своими братьями и сестрами. Чуть меньше 1/5 занимают рисунки, на которых с ребенком читает только мама, в совсем небольшой их части (1,23%) представлен только папа. Примечательно, что изображали на рисунке только одного из родителей (преимущественно маму) дети как из полных, так и из неполных семей. Достаточно частое изображение на рисунке ситуации, когда именно мама читает ребенку, подтверждает данные, полученные в разные годы другими исследователями. Однако, ввиду недостаточности информации о составе семьи (эти данные были указаны примерно в половине случаев), выведение каких-либо закономерностей в данном исследовании пока является преждевременным. Мы можем предположить, что дети рисовали преимущественно того родителя, который с ними (или им) читает в реальной жизни. Чаще всего это именно мама. Таким образом, наши данные вполне согласуются с уже выведенными особенностями модели семейного чтения [2]. Чуть менее 10% рисунков показывают совместное чтение с бабушками и дедушками. Такая же часть рисунков содержит изображение животных (которым читают или с которыми читают, как следует из последующих бесед с ребенком). Также примечателен ряд рисунков (15,22%), не содержащих людей, но вместо них – животных, сказочных персонажей, иногда – только саму книгу. На наш взгляд, подобные рисунки могут свидетельствовать: о не совсем точном понимании инструкции; о «рисунке на заказ»; о желании ребенка несколько абстрагироваться, отдалиться от чтения или же «поиграть» с исследователем; возможно, напротив, является признаком погружения в мир сказочных героев.

Сюжеты подавляющего большинства рисунков предполагают отдых (85,8%), будь то отдых дома, на природе/на море, на прогулке в парке и т.п. Этот показатель в полтора раза больше полученного в прошлом году, что, опять-таки, явно указывает на специфику семейного чтения как формы проведения досуга и на ассоциацию чтения всей семьей с разнообразными ситуациями отдыха. Небольшое количество рисунков (10%) изображают какую-либо учебную ситуацию – на уроке в классе, на перемене, по дороге в школу или рядом со школой, в библиотеке. Последние случаи, на наш взгляд, также могут отражать особенности ситуации проведения обследования. Примечательно, что в небольшом количестве рисунков (1,5%)

изображения книги или ее заменителя нет, как нет и изображения самой ситуации чтения. Это может свидетельствовать как о неточном понимании инструкции детьми, так и о косвенном негативном отношении к чтению и вызываемых чтением негативных эмоций и ассоциаций. Зато почти в 3% случаев изображена только книга, что также может говорить о неполном понимании инструкции, о формальном отношении к заданию. Однако нельзя исключать и вероятность косвенного негативного отношения не к чтению как таковому, а именно к ситуации семейного чтения.

Предпочитаемый литературный жанр выявить оказалось проще, нежели в прошлом году. Подавляющее большинство обследуемых (90%) предпочитают сказки – русские народные, А.С. Пушкина, Н. Носова, Г.Х. Андерсена, К.И. Чуковского, Т. Янсон, Л. Кэрролла, А. Милна, Дж. Роулинг и пр. В остальных случаях дети предпочитали читать «о природе», «о войне», «о животных», «о динозаврах», «энциклопедии», «рассказы», «приключения».

Отношение к чтению, озвученное вербально, в 81% случаев оказалось положительным, что может свидетельствовать как о реально позитивном отношении к чтению, так и о влиянии на ответы фактора социальной желательности. В единичных случаях (1,2%) ответ был отрицательным. Остальные же случаи ясного ответа на вопрос об отношении нам не дают. Радует, что процент таких случаев с прошлого года существенно снизился (с 48,1% до 17,5%), что может свидетельствовать не только о качестве проведенного исследования, но и о существенной роли именно семьи в совместном чтении.

Отношение к чтению по невербальным характеристикам предполагало учет ряда параметров: соотношенность цветов, размера, детализированность, качество проработки и т.п. Полученные результаты позволяют в несколько меньшем количестве случаев (72,2%), что и при анализе предыдущей категории, подтвердить положительное отношение детей к чтению. Отмечается тщательность и детальность проработки рисунков книг, соотношенность цветов книги с предпочитаемыми цветами главных персонажей, соотношенность их поз, поворота головы и направления взгляда с книгой в руках, общее доброжелательное выражение лица. В 9,15% рисунков обнаружено амбивалентное отношение к чтению, как к делу необходимому, но не очень любимому. При этом по-прежнему лишь 1,23% случаев подчеркивает отрицательное отношение к чтению. Наконец, отношение к чтению 17% обследуемых можно описать как нейтральное, что в два раза ниже прошлогоднего показателя.

Как мы видим, по анализу указанных двух категорий семейное чтение уверенно опережает самостоятельное чтение ребенка, вызывая ощутимо более позитивный отклик и подчеркивая роль родителей и вообще семьи в целом в постижении мира сквозь призму чтения.

Основной эмоциональный фон или атмосфера чтения в подавляющем большинстве случаев (72,6%) являлись позитивными, что усиливает тенденцию, обнаруженную в прошлом году. Это подчеркивали выбранные цвета, качество штриховки и характер нажима карандаша при рисовании, выражения лиц персонажей, тщательность проработки деталей, сюжет рисунка и т.п. В целом чтение для детей в большинстве случаев сопряжено с позитивными эмоциями. Лишь в 1,69% случаев атмосфера рисунка может быть охарактеризована как тревожная, гнетущая, в целом – как негативная.

Размер изображений у подавляющего большинства детей (50%) был большим, в 41% случаев рисунки были среднего размера и лишь в 10,6% – маленькими. Полученные данные свидетельствуют, с одной стороны, о значимости, о роли чтения в жизни детей (соответственно, минимум для половины обследуемых чтение весьма

значимо); с другой же, могут характеризовать развитость навыков рисования как такового: умение размещать рисунок на листе, выстраивать композицию и пр. Поэтому, естественно, эта категория рассматривается не изолированно, но – в системе других категорий. Однако примечательно, что достаточно часто большему размеру рисунка соответствовал более позитивный эмоциональный фон и отношение к чтению.

Проработанность изображения отмечена примерно в 92% случаев. Это может свидетельствовать об отношении к чтению, об отношении к заданию и, наконец, навыках рисования как таковых. Особый интерес представляли рисунки, которые в целом вполне качественно проработаны, детализированы, чего не скажешь об изображении на них книги. Таковых было отмечено лишь 8% (что меньше 14,4% подобных рисунков в прошлом году). Это, безусловно, может быть признаком того, что ребенок просто устал или не очень хорошо рисует именно книги. Однако в сочетании с качественной проработкой иных фрагментов изображения может свидетельствовать и об определенном (часто – амбивалентном или неясном, но, в ряде случаев, и негативном) отношении ребенка к чтению.

Перейдем к анализу результатов по городам и районам, акцентируя внимание на показателях, отличающихся от средних данных.

Поскольку г. Донецк дал нам большую часть выборки, – 85 обследуемых, – начнем с данных по этому городу. Кривая показателей по городу в целом повторяет общую картину результатов по Республике. При этом в ряде случаев высокие средние показатели сменяются более умеренными. Это касается, например, существенного уменьшения (более чем в 2 раза) доли лиц, предпочитающей читать семьей, находясь дома. При этом существенно выросла часть лиц, обозначающих в качестве традиционного места для чтения парка/природу, библиотеку, иные места. Дети г. Донецка чаще изображают маму на рисунке. Почти в два раза выросла тенденция изображать на рисунке только себя, тогда как количество изображений бабушек/дедушек и, особенно, братьев и сестер, существенно снизилось. Более четверти рисунков (26%) вовсе не содержат членов семьи на изображениях. Чаще всего это либо сказочные герои, либо другие люди, либо собственно книга в качестве главного персонажа (последний показатель является максимальным среди всех остальных городов и районов Республики). Этот факт может свидетельствовать о желании несколько отстраниться, абстрагироваться от ситуации чтения. Интересна тенденция снижения проявления явного позитивного отношения к чтению (45%) и роста нейтрального (50%); касается как невербального, так и вербально озвученного отношения. Это несколько отличается от средних показателей. Объяснением могут быть как в целом более спокойное/нейтральное, а иногда – менее заинтересованное отношение детей г. Донецка к чтению, наличием у них широкого спектра иных увлечений (что типично для жителей большого города), так и отдельные погрешности проведения обследования, в частности – ограничение времени или не вполне точное понимание инструкции детьми. При этом интересно снижение тенденции воспринимать чтение как отдых (с 85,8% – для средних показателей, до 51% – для детей из г. Донецка) с одновременным ростом рассмотрения его в контексте учебы (с 10% до 27%). Это может быть обусловлено как отдельными условиями проведения обследования, так и, опять-таки, меньшим интересом детей данного города вследствие наличия значительного числа других доступных вариантов времяпрепровождения.

В городах Снежном, Енакиеве, Докучаевске, Дебальцево, Комсомольском, Новоазовске и Старобешеве, а также Амвросиевском районе, обследованием было охвачено от 3 до 9 детей. Это дало существенный вклад в общую картину по Республике,

однако говорить о каких-то тенденциях и специфике чтения надежных оснований не позволяет.

Рисунки детей Тельмановского района в целом повторяют общие тенденции, отмеченные и по результатам обследования детей г. Донецка. При этом стоит отметить увеличение доли рисунков, изображающим в качестве места для семейного чтения библиотеку (26%) и в целом рассмотрение даже семейного чтения в первую очередь как неотъемлемой составляющей учебы (43%). Интересно, что более чем в 40% случаев дети демонстрируют вполне нейтральное отношение к чтению (что почти в 3 раза выше средних показателей), при этом явно положительное отношение к чтению выражено на 30% слабее, нежели показывает анализ средних показателей. Объяснений может быть множество. Это и специфические условия проведения обследования, и наличие ряда дополнительных занятий, и в целом меньшая заинтересованность в чтении как таковом. Так же в ряде случаев можно отметить и меньшую проработанность рисунков. Остальные же тенденции в целом соответствуют средним показателям.

Очень близкие к средним тенденциям по Республике отражаются в рисунках детей г. Тореза. Некоторые отличия, касаются, прежде всего, предпочитаемых мест для чтения. По данным обследования, существенно возросла роль природы/парков/скверов и т.п. в качестве предпочитаемых мест для чтения (23%). Это хорошо согласуется с увеличением доли рисунков, в которых семейное чтение представлено прежде всего как отдых (91%). Существенно снизилась, в сравнении со средними данными, склонность изображать на рисунке только себя (с 13,3% до 5%). При этом характерно возросла доля рисунков, содержащих изображение мамы (с 19,62% до 36%), бабушки/дедушки (с 8,23% до 14%) и братьев/сестер (с 38,8% до 55%). В целом количество рисунков с изображением всей семьи составляет 41%, что совпадает со средними данными. Как мы видим, для детей данного города семейное чтение предстает преимущественно в своем традиционном виде и не подменяется иными формами чтения. При этом более 90% обследуемых относятся к чтению позитивно, как на вербальном, так и на невербальном уровнях. Остальные показатели в целом соответствуют средним.

Рисунки детей г. Горловка обращают на себя внимание прежде всего снижением в сравнении со средними данными выраженного положительного отношения к чтению как на вербальном (с 81% до 48%), так и на невербальном (с 72,9% до 66%) уровнях. Интересно, что около 1/3 рисунков обследуемых отражают нейтральное отношение к семейному чтению. Полученные результаты могут говорить как об отношении к чтению, так и о тщательности выполнения инструкции. Вместе с этим предпочитаемый большой размер изображения все же говорит о значимости семейного чтения для детей. Преимущественно чтение у них ассоциируется с отдыхом (90%), причем не столько дома (снижение показателя в сравнении со средними данными с 76,7% до 48%), сколько на природе, на море, в парке и т.п. (рост показателя в сравнении со средними данными с 10% до 29%). Прочие результаты в целом соответствуют средним данным.

А вот для детей г. Макеевки семейное чтение, судя по анализу рисунков, – это прежде всего чтение дома (95%). Причем в 90% рисунков чтение представлено как форма проведения досуга. Более чем в 1/3 случаев читать семьей – это читать с мамой. При этом, на фоне снижения тенденции чтения всей семьей, отмечается рост тенденции читать совместно с бабушками и дедушками. Традиционно в большинстве случаев (76%) отмечается позитивное отношение к чтению, выражаемое как вербально, так и невербально. При этом атмосфера чтения преимущественно положительная, доброжелательная, эмоционально теплая (86%), что несколько выше средних показателей. Остальные показатели в целом соответствуют средним результатам по Республике.

Завершая анализ детских рисунков, отметим, что чтение играло и продолжает играть существенную роль в жизни детей. Эту роль невозможно переоценить. При этом современная жизнь неминуемо вносит свои коррективы. И задача как взрослых, окружающих ребенка, так и учреждений основного и дополнительного образования в целом – продолжать заинтересовывать, отыскивать новые способы мотивирования детей к чтению, способствовать созданию максимально благоприятной атмосферы для чтения. Ведь именно чтение является одним из существенных факторов социализации ребенка и развития гармоничной личности в целом.

Заключение. Процесс семейного чтения – это сложная комплексная система, в которой практически невозможно выделить главные или второстепенные элементы. Семейное чтение незаметно прививает любовь и интерес к книге. Возможность семейного чтения позволяет обсудить вместе с ребенком прочитанное, направить мысль в нужное русло, установить причинно-следственные связи, расширить кругозор. Семейное чтение активно способствует социализации ребенка, в ходе тесного общения укрепляются семейные и дружеские связи между членами семьи. При этом важно помнить, что одной из задач книги и детского чтения в целом является не столько нагрузить ребенка знаниями/информацией, сколько – заронить интерес, развить желание и тягу к чтению, научить познавать, проживать и осмысливать истории жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колосова Е.А. Практики детского чтения: результаты комплексного исследования / Е.А. Колосова. – Москва : РГДБ, 2011. – 118 с.
2. Мелентьева Ю.П. Семейное чтение: теоретический аспект / Ю.П. Мелентьева // Библиосфера. – 2011. – № 4. – С. 11–14.
3. Мудрик А.В. Социализация человека / А.В. Мудрик. – Москва : Академия, 2006. – 304 с.
4. Мухина В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество: Учебник для студ. вузов. – 4-е изд., стереотип. / В.С. Мухина. – Москва : Издательский центр «Академия», 1999. – 456 с.
5. Руденко С.В. К проблеме изучения психологических особенностей детского чтения / С.В. Руденко // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека. Материалы Международной научно-практической конференции (г. Донецк, 11.12.2020). Под общей ред. А.В. Гордеевой, Э.А. Ангелиной. – Донецк : ДонНУ, 2020. – 235 с. – С. 155–162.
6. Руденко С.В. Особенности детского чтения: психологические аспекты и рекомендации / С.В. Руденко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2019. – № 2. – 113 с. – С. 93–100.

Поступила в редакцию 14.01.2021 г.

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF FAMILY READING

S.V. Rudenko

The article addresses psychological aspects of family reading. The age characteristics of primary school children's development are revealed. The main psychological characteristics of family reading are analyzed. The results of an empirical study of the psychological characteristics of family reading are presented.

Key words: family reading, children's reading, socialization, psychological characteristics of family reading.

Руденко Светлана Викторовна.

Кандидат психологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: Rudenko_SV@mail.ru

Rudenko Svetlana Viktorovna.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Donetsk National University.

Associate Professor of Department of Psychology.

E-mail: Rudenko_SV@mail.ru

УДК 159.9

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ РЕСУРСОВ ЛИЧНОСТИ

© 2021 *Н.А. Картузова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье обосновывается возможность применения системного подхода для исследования ресурсов личности. Использование данного подхода позволяет приблизиться к более полному пониманию функционально-динамических связей между ресурсами личности и установлению, в контексте эмпирических исследований, интегративных системообразующих ресурсов.

Ключевые слова: системный подход, ресурсный подход, ресурсы личности, системообразующий ресурс личности.

В современных психологических исследованиях на первый план часто выдвигается проблема влияния личностных особенностей на динамику совладания с трудными жизненными ситуациями, а также на процесс обеспечения успешной саморегуляции и психологической безопасности. Широкое распространение в анализе данной проблемы приобретает ресурсный подход, в рамках которого человек рассматривается как активный субъект, который обладает психологическим потенциалом, обеспечивающим успешное осуществление деятельности. Структурным элементом личностного потенциала выступает ресурс личности [11].

Несмотря на то, что категория «ресурс личности» достаточно активно используется в психологических исследованиях, остаются крайне неоднородными подходы к определению и объединению различных психологических ресурсов в группы или взаимосвязанные модели. В результате на первый план научного осмысления выходят задачи теоретической систематизации различных групп ресурсов личности в концептуальные ресурсные системы.

Поэтому системный подход в современных психологических исследованиях в данной области, выступает как наиболее перспективный. Он позволяет рассматривать личностные ресурсы как сложную динамическую систему, включающую в себя множество компонентов, имеющих определенную структуру и связанных друг с другом [10]. Ресурс личности – это системное качество, позволяющее более эффективно справиться с возникающими преградами, адаптироваться к стрессовой ситуации, при этом степень выраженности ресурсов влияет на преодоление или предотвращение ее неблагоприятных последствий [11]. К таким ресурсам могут относиться такие конструкты как «жизнестойкость» (С. Мадди), «локус контроля» (Дж. Роттер), «толерантность к неопределенности» (Д. МакЛейн), «базисные убеждения» (Р. Янофф-Бульман), «чувство связности» (А. Антоновский), «самоэффективность» (А. Бандура) и другие.

Именно системный подход, в рамках ряда ресурсных концепций, реализуется в модели «единого фактора», в которой выделяется интегральная или системная личностная характеристика, выступающая потенциалом саморегуляции и самодетерминации [11]. По Д.А. Леонтьеву – это личностный «стержень», «ядро», позволяющий личности быть стойкой в трудных жизненных ситуациях, являющийся детерминантой удовлетворённости жизнью, субъективного благополучия и качества

жизни человека. Среди наиболее распространенных ресурсных концепций, обосновывающих модель «единого фактора», выделяют следующие [7]:

1) Базовое самооценивание. Интегральным показателем выступает базовая самооценка, как позитивное представление человека о самом себе, своих способностях и своей ценности. Базовая самооценка включает в себя четыре компонента: локус контроля, эмоциональную стабильность, самооффективность и самооценку.

2) Способность к саморегуляции. Этот конструкт предложен К. Шродером. Ресурс состоит из трех компонентов: веры в себя, воли и эмоциональной стабильности. В исследованиях указывается, что высокие показатели этих компонентов предсказывают успешное совладание со стрессом и сохранение психологического благополучия в трудных жизненных обстоятельствах.

3) Психологический капитал. По М. Чиксентмихайю этот ресурс определяется как позитивное психологическое состояние развития, характеризующееся уверенностью в себе, или самооффективностью, позволяющей прикладывать необходимые усилия для решения сложной задачи; оптимизмом как позитивной атрибуцией текущих и будущих успехов; надеждой как упорством в стремлении к цели со способностью менять ведущие к ней пути и резилиентностью, то есть, устойчивостью к воздействию неблагоприятных обстоятельств.

4) Личностный потенциал. Д.А. Леонтьев определяет личностный потенциал как интегральную системную характеристику индивидуально-психологических особенностей, которые лежат в основе способности личности пользоваться устойчивыми внутренними критериями в своей жизнедеятельности, сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности в контексте изменяющихся внешних условий [11]. Личностный потенциал не сводится к адаптации, а включает в себя сложные механизмы совладания с изменчивой действительностью, где субъект готов к их изменению и самостоятельному созданию необходимых условий. С помощью личностного потенциала определяется, в какой мере психологическое благополучие и качество жизни человека зависит от него самого, а не от благоприятного стечения обстоятельств. Высокий показатель личностного потенциала указывает на способность личности формировать и использовать гибкие и эффективные паттерны процессов саморегуляции для достижения целей. В личностном потенциале индивидуально-психологические особенности понимаются как относительно стабильные свойства – черты, когнитивные и поведенческие стратегии, атрибутивные схемы, которые направлены на решение актуальных для человека задач [11].

Теоретический анализ функциональной роли ресурсов личности позволил выделить следующие основные группы [11]:

1. Психологические ресурсы устойчивости. К данной группе относят ресурсы, имеющие ценностно-смысловую основу, которая обеспечивает наличие чувства опоры, уверенности в себе, устойчивую самооценку. К таким ресурсным конструктам А. Антоновский относит удовлетворенность жизнью и её осмысленность, чувство связности, Р. Янофф-Бульман относит базовые убеждения.

2. Психологические ресурсы саморегуляции. В данной группе представлены наиболее устойчивые стратегии саморегуляции, позволяющие построить динамическое взаимодействие с различными жизненными ситуациями. Это взаимодействие включает в себя осознание личностью меры субъективного контроля над ними или зависимости от них, наличие ожидания положительных или отрицательных исходов событий, гибкость или ригидность целеполагания. К числу таких переменных Э. Деси и Р. Райан относят каузальные атрибуции, Дж. Роттер относит локус контроля, по А. Бандуре –

это самоэффективность, по Д. МакЛейну – толерантность к неопределенности и склонность к риску.

По Ч. Карверу, М. Шейеру и С. Мадди, такие психологические конструкты как оптимизм и жизнестойкость проявляют себя одновременно как ресурсы устойчивости, так и ресурсы саморегуляции, выступая буферным механизмом в стрессовой ситуации, и определяющие характер решений, который принимает субъект при столкновении с различными жизненными обстоятельствами

3. Мотивационные ресурсы – обеспечивают действия субъекта по преодолению стрессовой ситуации. Т. Амабайл к таким ресурсам относит субъективную витальность и внутреннюю мотивационную ориентацию, как устойчивую личностную диспозицию.

4. Инструментальные ресурсы – предполагают наличие приобретенных навыков и компетенций, например в контексте организации операциональной стороны деятельности. Так же сюда относят стереотипные тактики реагирования на те или иные жизненные обстоятельства, например психологические защиты или механизмы совладания.

Психологи отмечают, что ряд личностных характеристик выступают относительно универсальными с точки зрения их вклада в структуру личностного потенциала в различных ситуациях, они являются регуляторами психологической напряженности [2]:

1. Жизнестойкость. Выступает общей жизненной диспозицией, который включает систему убеждений субъекта о себе, о мире, о характере отношений с миром [13]. Многочисленные исследования показывают, что жизнестойкость является основным предиктором снижения вероятности развития как соматических, так и психических симптомов в стрессовой ситуации, поддерживает качество жизни и субъективное благополучие, влияет на успешность и продуктивность деятельности, и может выступать ядерным личностным конструктом [1; 12; 13].

2. Резилентность (resilience). Представляет собой способность человека восстановиться после влияния стрессогенных ситуаций [7]. Резилентность в отличие от жизнестойкости является не личностной чертой, а состоянием, способствующим рациональному использованию ресурсов в трудных ситуациях, что позволяет поддерживать психологическое благополучие. Резилентность является более широким конструктом, в отличие от жизнестойкости, включает в себя более многозначные убеждения, способствующие совладанию со стрессом.

3. Чувство связности – когнитивная и эмоциональная способность субъекта согласованно воспринимать происходящие события как поддающиеся его контролю. Данный ресурс включает в себя три компонента: постижимость, управляемость и осмысленность. Постижимость позволяет человеку воспринять поступающую к нему информацию как упорядоченную и ясную или, наоборот, тревожную, хаотичную, непредсказуемую, что способствует восприятию стрессового события как не случайно произошедшего; управляемость позволяет личности осознать собственные ресурсы как достаточные для того, чтобы достойно справиться со сложностями; осмысленность позволяет адекватно оценить сложившиеся ситуации и придать им смысл. Осмысленность по А. Антоновскому является основным условием для мобилизации ресурсов субъекта, для осуществления совладания с возникшими трудностями и сохранения психологического здоровья.

4. Оптимизм – установка, связанная с успехом, благополучием и удовлетворенностью. В литературе представлены две концепции оптимизма, в которых данный ресурс имеет разное значение и функции [3]. Ч. Карвер и М. Шейер определяют

оптимизм как позитивную установку на будущее. Однако, если оптимизм имеет завышенный уровень, позитивная переоценка будущего может иметь негативные последствия, иллюзорные представления человека о будущем могут не оправдаться. М. Селигман, в рамках альтернативного подхода, предлагает рассматривать оптимизм как атрибутивный стиль, благодаря которому человек объясняет позитивные события с точки зрения причин их возникновения, которые достаточно устойчивы во времени, относящиеся ко всем сферам жизни и связанные с самим субъектом. Негативные события объясняются через анализ временных, непостоянных, частных и внешних причин [3].

5. Самооценка или самооценность. Определяется через отношение человека к самому себе, своим возможностям, ощущение чувства ценности собственной личности и нужности другим людям. Как и в случае оптимизма ресурсная роль самооценки или самооценности определяется уровнем ее развития.

6. Самоэффективность. По А. Бандуре представляет собой когнитивную оценку личностной способности к продуктивной деятельности и совладанию с трудными ситуациями. По С. Хобфоллу самоэффективность, как уверенность в своей способности к эффективной деятельности и решению проблем, является следствием высокого уровня самооценки и оптимизма [5].

7. Толерантность к неопределённости в современной контексте понимания рассматривается как устойчивая диспозиция субъекта [6]. Данный ресурс позволяет выразить нейтральное или позитивное отношение к незнакомым, изменчивым, сложным, неоднозначным ситуациям.

8. Самоконтроль. Представляет собой личностную характеристику, которая позволяет предсказывать успешность деятельности и благополучие человека. Предполагает способность индивида управлять своим поведением и эмоциями, обдуманно реагировать на происходящие события, воздерживаться от импульсивного поведения [4].

Динамический характер системного подхода объясняет зависимость вклада различных личностных характеристик в его структуру и в показатели психологического благополучия субъекта. Ресурсы устойчивости, саморегуляции, мотивационные и инструментальные ресурсы являются факторами, образующие интегральную модель ресурсов личности. Эти факторы, с одной стороны, предсказывает благополучие, и, с другой стороны, опосредует влияние на благополучие других ресурсов, а также благоприятных и неблагоприятных внешних условий [8]. Однако специфику вклада отдельных компонентов в эти эффекты, а также прогностическую роль единого фактора (системообразующего) в сравнении с входящими в него ресурсами, еще необходимо показать в эмпирических исследованиях.

Выводы. Изучение ресурсов личности представляет собой перспективное направление психологических исследований. Накоплен достаточный массив эмпирических фактов, которые указывают на положительное влияние ряда личностных переменных в ситуациях преодоления трудных жизненных обстоятельств. Тем не менее совокупность этих переменных не является чётко очерченной, исследования скорее выявляют положительные эффекты влияния отдельных психологических ресурсов без учёта специфики условий, в которых этих положительные эффекты имеют место. Организация исследования ресурсов личности на основе системного подхода к их пониманию позволит наиболее полно рассмотреть отдельные аспекты ресурсной системы субъекта, сопоставить данные эмпирических исследований, целостно рассмотреть взаимодействие психологических ресурсов друг с другом, интегрировать

их в единую концептуальную модель, и показать их роль в обеспечении психологической защищенности человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Л.А. Психологические ресурсы личности и социально-психологическая адаптация студентов с ОВЗ в условиях профессионального образования / Л.А. Александрова // Психологическая наука и образование. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 50–62.
2. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В.А. Бодров. – М.: Пер Сэ, 2015. – 528 с.
3. Гордеева Т.О. Оптимизм как составляющая личностного потенциала / Т.О. Гордеева // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 121–160.
4. Гордеева Т.О. Самоконтроль как ресурс личности: диагностика и связи с успешностью, настойчивостью и благополучием / Т.О. Гордеева // Культурно-историческая психология. – 2016. – Т. 12. – № 2. – С. 46–58.
5. Гордеева Т.О. Самоэффективность как составляющая личностного потенциала / Т.О. Гордеева // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 214–235.
6. Гусев А.И. Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала / А.И. Гусев // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 264–288.
7. Иванова Т.Ю. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности / Т.Ю. Иванова // Организационная психология. – 2018. – Т. 8. – № 1. – С. 85–121.
8. Иванова Т.Ю. Функции личностных ресурсов в ситуации экономического кризиса / Т.Ю. Иванова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – Т. 13. – № 2. – С. 323–346.
9. Лаврик А.В. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности / А.В. Лаврик // Гуманизация образования. – 2014. – №1. – С. 44–47.
10. Ларионова Л.И. Проблема ресурсного подхода в психолого-педагогической литературе / Л.И. Ларионова // Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches. – 2017. – Vol. 6. – P. 50–58.
11. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал / Д.А. Леонтьев // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 62. – С. 18–37.
12. Мандрикова Е.Ю. Личностный потенциал в организационном контексте / Е.Ю. Мандрикова // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 406–424.
13. Рассказова Е.И. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Е.И. Рассказова // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 161–187.

Поступила в редакцию 01.02.2021 г.

SYSTEMIC APPROACH AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR STUDYING PERSONAL RESOURCES

N.A. Kartuzova

The article substantiates the possibility of applying a systemic approach to the study of personality resources. This approach allows one to come closer to a more complete understanding of the functional and dynamic connections between the personal resources and to ascertaining an integrative system-forming resources in the context of empirical research.

Key words: systemic approach, resource approach, personality resources, integrative personality resource.

Картузова Надежда Александровна.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Ассистент кафедры психологии.
E-mail: kri-dae@mail.ru

Kartuzova Nadezhda Aleksandrovna.
Donetsk National University.
Assistant of Department of Psychology.
E-mail: kri-dae@mail.ru

УДК 159.923

РОЛЬ ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ В УСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ

© 2021 *И.В. Киселёва*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье представлены результаты исследования, указывающего на связь уровня развитости образного мышления и устойчивости личности. Описываются критерии устойчивости личности, которые могут играть в устойчивости к воздействию директивной или манипулятивной информации. Выявлена связь между операциями образного мышления (образный синтез и образное манипулирование), общим показателем развитости образного мышления и общим показателем устойчивости личности по эмпирическим данным.

Ключевые слова: устойчивость личности, устойчивость личности к воздействию информации, образное мышление.

Процесс развития современного общества движется в сторону информатизации всех его сфер. С одной стороны, это положительный процесс, который позволяет сделать жизнь более комфортной, совершенствовать сложные технологические операции, обеспечивать безопасность людей и организаций более эффективно. С другой стороны, в повседневную жизнь обычного человека вторгаются интенсивные, разнонаправленные потоки информации и связанные с ними феномены: информационное пространство, воздействие социальных сетей на личность, пропаганда, информационная война, маркетинговые и политические технологии, скрытая реклама и т.д. Воздействие информации на психику и личность человека уже достаточно изучено в психологической литературе.

Несмотря на то, что появляются все новые формы информации и погружения в нее, человек в силу своей физиологии остается таким же, как и сотни лет назад. Следовательно, механизмы психики, участвующие в обработке, усвоении информации или противодействию ее влиянию, остаются прежними. Важную роль в данном процессе играет психологическая устойчивость личности. Обобщенно мы понимаем устойчивость личности как естественный психический механизм, способствующий восстановлению и развитию личности. В более конкретном смысле мы определяем устойчивость личности, вслед за Л.И. Божович, как уровень сформированности личности, на котором человек приобретает способность сохранять в разных условиях свои личностные позиции, иметь собственный «иммунитет» относительно внешних воздействий, которые противоречат его личностным установкам, взглядам и убеждениям [1]. А также, согласно взглядам Д.А. Леонтьева, как способность реализовать задуманное вне зависимости от внешних условий, готовность к желаемым изменениям и противодействие нежелательным [2].

Механизмы устойчивости личности к воздействию информации в психологической науке изучались, но в рамках разных подходов. Нами были обобщены различные исследования данных механизмов в единую модель, которая включает такие психические явления, как психологическая защита, психологическая адаптация и саморегуляция, психологическая установка, личностный ресурс [3].

Также существуют факторы устойчивости личности к воздействию информации, к которым мы можем отнести социальные (доступность ресурсов безопасности, образования, здравоохранения, культурные уровень окружения, доверие и близость в

семье и др.) и разноуровневые внутриличностные факторы (навыки переработки информации, поисковая активность, ответственность, толерантность, высокий уровень самоорганизации, самоуважение, жизнестойкость и др.).

На наш взгляд, одним из ключевых факторов устойчивости личности, в частности устойчивости к воздействию директивной и манипулятивной информации, является образное мышление [4]. Мы рассматриваем его как вид мышления, присущий взрослому человеку и включенный во внутреннюю жизнь личности. Образное мышление – это фундаментальная способность, определяющая целостное развитие личности, ее уникальность, своеобразие и устойчивые характеристики. Согласно Л.М. Веккеру, оно представляет собой единую систему форм отражения: наглядно-действенного, наглядно-образного и визуального мышления с переходами от определения отдельных единиц предметного содержания отражения до установления между ними конституционных связей, обобщению и построению образной концептуальной модели, а следом на ее основе к выявлению категориальной структуры сущностной функции отраженного [5].

Образное мышление, как и абстрактно-логическое, имеет собственные механизмы и операции. К операциям образного мышления мы относим образный синтез, образное сравнение, трансдукцию, абдукцию, образное манипулирование, комбинацию, генерализацию и другие.

Вполне обоснованным представляется, что работа с образами, производимая образным мышлением, играет важную роль как для внутренней регуляции личности, регуляции сознания и самосознания, так и для контроля личностью своих взаимоотношений с внешними факторами.

Целью данной работы является эмпирическое исследование связи уровня развитости образного мышления и его отдельных операций с устойчивостью личности.

Объектом исследования выступает психологическая устойчивость личности. *Предметом* – связь устойчивости личности с уровнем развитости образного мышления и его отдельных операций.

В исследовании приняли участие 400 человек – студентов различных факультетов университета в возрасте 18-23 лет, среди которых 105 юношей и 295 девушек.

Данное эмпирическое исследование является частью более масштабного экспериментального исследования проблемы устойчивости личности к воздействию средств массовой информации, в ходе которого испытуемые подвергались воздействию информации разной степени директивности и измерялись показатели устойчивости личности [6]. Данная статья включает только часть результатов описанного экспериментального исследования.

В процедуру тестирования входил пакет психодиагностических методик, направленных на определение уровня сформированности операций и развитости образного мышления, а также устойчивости личности.

Проверялись следующие *гипотезы*:

1. Устойчивость личности связана с уровнем развитости образного мышления у испытуемых.
2. Конкретные операции образного мышления связаны с функционированием различных механизмов устойчивости личности.

Были использованы следующие психодиагностические *методики*: опросник психологического благополучия К. Рифф (показатели методики использовались для диагностики параметров устойчивости личности), тест Амтхауэра (субтесты 7 и 8).

Опросник психологического благополучия К. Рифф направлен на диагностику интегративного феномена *психологического благополучия* личности. Методика предполагает также определение уровня выраженности таких компонентов психологического благополучия как: «*Самопринятие*», «*Позитивные отношения с окружающими*», «*Автономия*», «*Управление средой*», «*Цель в жизни*», «*Личностный рост*».

Субтест 7 теста Амтхауэра под названием «*Пространственное мышление*» диагностирует уровень развития таких операций образного мышления как *образный синтез*. Субтест 8 теста Амтхауэра «*Пространственное обобщение*» определяет развитие таких операций образного мышления как *мысленное манипулирование образами, трансформация*.

В ходе предыдущих исследований нами были выделены **критерии устойчивости личности**, в частности устойчивости личности к воздействию информации. Некоторые из них, рассматриваемые в рамках данной статьи, таковы:

1. Устойчивость психологического благополучия как *интегральный показатель функционирования механизма личностного ресурса (личностный потенциал)*. Диагностировался с помощью общего показателя психологического благополучия по методике К. Рифф.

2. Устойчивость *механизмов саморегуляции личности*. Диагностировалась по показателям шкал методики К. Рифф: «*Автономия*», «*Управление средой*», «*Цели в жизни*», «*Самопринятие*» [7].

На основе теоретического обоснования роли образного мышления для поддержания устойчивости личности к воздействию информации были выделены **диагностические критерии** для определения *развитости образного мышления* взрослого человека:

1. Сформированность операции образного синтеза. Измерялась с помощью субтеста 7 методики Амтхауэра.

2. Сформированность операции мысленного манипулирования образами, их трансформации. Измерялась с помощью субтеста 8 методики Амтхауэра.

3. Общий показатель развитости операций образного мышления (суммарный показатель по субтестам 7 и 8 методики Амтхауэра).

Результаты исследования. Проведенное эмпирическое исследование по диагностике уровня развитости образного мышления и устойчивости личности в общей выборке испытуемых позволило проследить взаимосвязь между показателями.

Рассмотрим результаты исследования по показателю «*Пространственное мышление*» (сформированность операции образного синтеза). Наиболее тесную связь он имеет с общим показателем психологического благополучия по методике К. Рифф ($r=0.33$; $p \leq 0.001$), который использовался нами как один из критериев общего показателя устойчивости личности. Данная связь свидетельствует о том, что высокий уровень развития операции образного синтеза сопутствуют высокому показателю устойчивости личности у испытуемых. Также данная операция образного мышления имеет тесную прямую связь с отдельными компонентами общего показателя устойчивости личности:

1) с показателем «*Автономия*» ($r=0.25$, при $p \leq 0.01$); его высокие значения показывают способность личности противостоять социальному давлению в мыслях и поступках, возможность регулировать поведение и оценивать себя с помощью собственных стандартов, что наиболее близко определению устойчивости личности;

2) с показателем «Управление средой» ($r=0.23$; $p\leq 0.05$); его высокие значения свидетельствуют о наличии чувства уверенности и компетентности при управлении повседневными делами, умения самому выбирать или создавать условия, удовлетворяющие потребности и интересы, умения эффективно использовать жизненные обстоятельства (механизм адаптации);

3) с показателем «Цели в жизни» ($r=0.27$; $p\leq 0.01$), высокие значения которого говорят о наличии цели и осмысленности жизни, убеждений, придающих осмысленность жизни (механизм установки);

4) с показателем «Личностный рост» ($r=0.26$; $p\leq 0.01$), высокие значения которого указывают на реализацию личностью своего потенциала, чувство непрерывного саморазвития, отслеживание и управление своим развитием (наличие личностного ресурса и механизма саморегуляции).

Далее рассмотрим показатель сформированности образного мышления «Пространственное обобщение» (операции мысленного манипулирования образами и трансформации образов). Тесную прямую связь данный показатель имеет с общим показателем психологического благополучия личности по методике К. Рифф ($r=0.23$; $p\leq 0.05$). Она свидетельствует о том, что высокий уровень развития операции образного манипулирования сопутствуют высокому показателю устойчивости личности у испытуемых. Кроме того, данная операция образного мышления имеет прямую связь с отдельными составляющими общего показателя психологического благополучия как критерия устойчивости личности:

1) с показателем «Самопринятие» ($r=0.21$; $p\leq 0.05$), высокие значения которого свидетельствуют о поддержании позитивного отношения к себе, признании и принятии своего личностного многообразия, позитивных и негативных качеств, позитивная оценка своего прошлого (механизм саморегуляции);

2) с показателем «Позитивные отношения с окружающими» ($r=0.18$; $p\leq 0.05$), высокие значения которого говорят о наличии контакта и близких отношений, коммуникативных навыков, способности к эмпатии, близости, желания проявлять заботу (механизм адаптации);

3) с показателем «Автономия» ($r=0.21$; $p\leq 0.05$), высокие значения которого характеризуют способность личности противостоять социальному давлению в мыслях и поступках, возможность регулировать поведение и оценивать себя с помощью собственных стандартов, что наиболее близко определению устойчивости личности.

При этом показатели «Пространственного мышления» (операции образного синтеза) и «Пространственного обобщения» (образного манипулирования) имеют связь с различными показателями устойчивости личности, что указывает на различия в механизмах устойчивости, с которыми связаны данные операции. Тем не менее, показатель «Автономия» и общий показатель устойчивости связаны с обеими операциями образного мышления тесной прямой связью, что может свидетельствовать об обобщающем характере данного показателя.

Также нами была изучена связь между общим уровнем образного мышления и эмпирическими показателями устойчивости личности, измеренными шкалами опросника К. Рифф. Наиболее тесную связь общий показатель операций образного мышления (суммарный показатель по субтестам 7 и 8 методики Амтхауэра) имеет с общим показателем психологического благополучия (критерий устойчивости личности) по методике К. Рифф ($r=0.34$; $p\leq 0.001$). Связь свидетельствует о том, что высокий уровень развития образного мышления сопутствуют высокому показателю устойчивости личности у испытуемых. Также данный показатель образного мышления

имеет тесную прямую связь с отдельными составляющими общего показателя устойчивости личности:

1) с показателем «Самопринятие» ($r=0.24$; $p\leq 0.05$), высокие значения которого свидетельствуют о поддержании позитивного отношения к себе, признании и принятии своего личностного многообразия, позитивных и негативных качеств, позитивная оценка своего прошлого (механизм саморегуляции);

2) с показателем «Позитивные отношения с окружающими» ($r=0.21$; $p\leq 0.05$), высокие значения которого говорят о наличии контакта и близких отношений, коммуникативных навыков, способности к эмпатии, близости, желания проявлять заботу (механизм адаптации);

3) с показателем «Автономия» ($r=0.28$; $p\leq 0.01$), высокие значения которого характеризуют способность личности противостоять социальному давлению в мыслях и поступках, возможность регулировать поведение и оценивать себя с помощью собственных стандартов, что наиболее близко определению устойчивости личности;

4) с показателем «Управление средой» ($r=0.24$; $p\leq 0.05$), высокие значения которого свидетельствует о наличии чувства уверенности и компетентности при управлении повседневными делами, умения самому выбирать или создавать условия, удовлетворяющие потребности и интересы, умения эффективно использовать жизненные обстоятельства;

5) с показателем «Цели в жизни» ($r=0.24$; $p\leq 0.05$), высокие значения которого говорят о наличии цели и осмысленности жизни, убеждений, придающих осмысленность жизни;

6) с показателем «Личностный рост» ($r=0.21$; $p\leq 0.05$), высокие значения которого указывают на реализацию личностью своего потенциала, чувство непрерывного саморазвития, отслеживание и управление своим развитием (наличие личностного ресурса и механизма саморегуляции).

Наиболее тесной является связь между общим показателем психологического благополучия (устойчивости личности), показателем «Автономия» и общим показателем развитости операций образного мышления.

Таким образом, в результате корреляционного анализа была выявлена связь между операциями образного мышления (образный синтез и образное манипулирование), общим показателем развитости операций образного мышления и общим показателем психологического благополучия К. Рифф (критерием устойчивости личности по эмпирическим данным), в т. ч. шкалой «Автономия» и другими составляющими общего показателя, связанными с механизмами адаптации и саморегуляции личности. Данные результаты подтверждают теоретические положения о саморегуляции, как о сложном механизме поддержания устойчивости личности, что включает в себя процессы планирования, моделирования, программирования и оценки результатов собственных действий на образном уровне с помощью операций образного мышления.

Также была проверена вторая наша гипотеза. Рассмотрим последовательно показатели устойчивости личности и связанные с ними механизмы.

Разделив испытуемых согласно их уровню развития образного мышления, мы сравнили их средний показатель психологического благополучия по К. Рифф (критерий устойчивости личности). Общий показатель устойчивости личности возрастает при увеличении общего показателя развитости операций образного мышления. Метод парного сравнения средних с применением t -критерия Стьюдента выявил значимые различия в уровне общего показателя устойчивости при переходе от низкого к

среднему ($t=-2.26$; $p\leq 0.05$), от среднего к высокому ($t=-3.31$; $p\leq 0.001$) уровням развитости образного мышления.

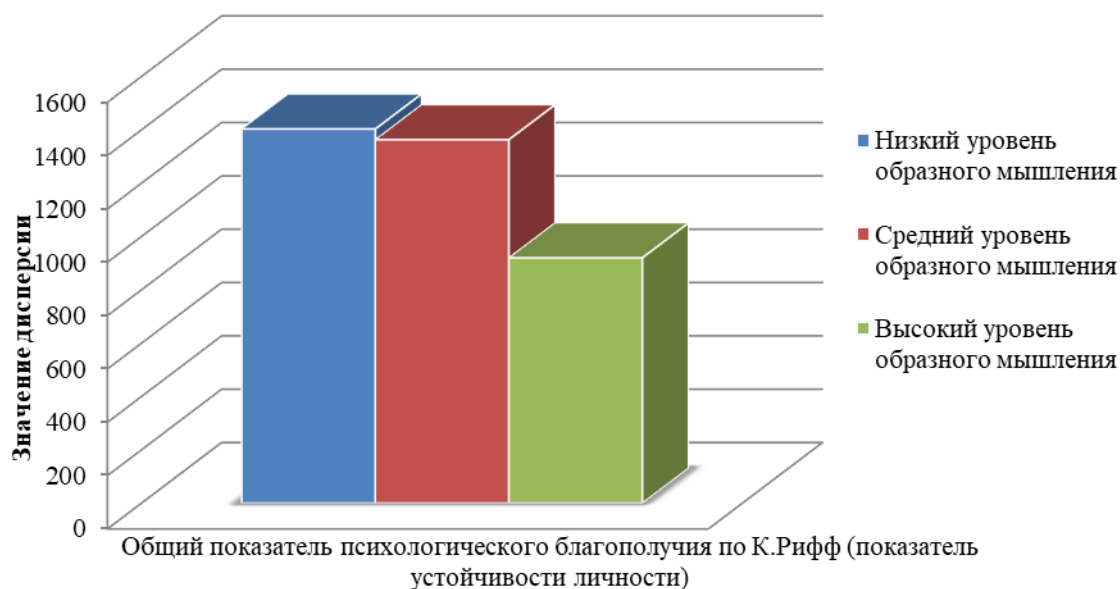

Рис. 1. Изменение дисперсии по общему показателю психологического благополучия по К. Рифф (показателю устойчивости личности) в группах испытуемых с разным уровнем образного мышления

При этом необходимо отметить резкое возрастание среднего показателя устойчивости личности при сравнении групп испытуемых со средним и высоким уровнем образного мышления. Можно сделать предположение, что данная закономерность связана с увеличением роли образного мышления как фактора устойчивости личности именно при высоком уровне его развития. Данное предположение подтверждается уменьшением значения дисперсии с увеличением уровня развитости образного мышления (рис. 1).

Описанная закономерность была выявлена и при анализе изменения средних значений по общему показателю устойчивости в группах испытуемых с низким, средним и высоким уровнями развития операции образного синтеза. Метод парного сравнения средних с применением t -критерия Стьюдента выявил значимые различия общего показателя устойчивости при переходе от низкого к высокому ($t=-2.45$; $p\leq 0.05$), от среднего к высокому ($t=3.49$; $p\leq 0.001$) уровням развитости операции образного синтеза.

Парное сравнение дисперсий с применением F -критерия Фишера указывает на равномерное снижение дисперсии между группами испытуемых с низким и высоким ($F=1.94$; $p\leq 0.05$), средним и высоким ($F=1.63$; $p\leq 0.05$) уровнями развитости операции образного синтеза. Между группами испытуемых с низким и средним уровнями развитости образного мышления значимых различий выявлено не было. Возможно, при низком и среднем уровне развитости операции образного синтеза в поддержании устойчивости личности играют большую роль другие факторы.

При анализе общего показателя устойчивости личности в группах испытуемых с низким, средним и высоким уровнем развитости операции образного манипулирования была прослежена схожая закономерность. Метод парного сравнения средних с применением t -критерия Стьюдента выявил значимые различия в средних значениях

общего показателя устойчивости при сравнении групп испытуемых с низким и высоким ($t=-2.50$; $p\leq 0.05$), а также средним и высоким ($t=3.45$; $p\leq 0.001$) уровнями операции образного манипулирования. При этом средние значения общего показателя устойчивости личности в группах с низким и средним уровнями развитости операции образного манипулирования значимо не различаются. Такие данные указывают на резкое увеличение роли операции образного манипулирования как фактора устойчивости личности именно на высоком уровне его развитости.

Парное сравнение дисперсий с применением F-критерия Фишера указывает на значимое снижение дисперсии между испытуемыми в группах со средним и высоким уровнем развитости операции образного манипулирования. При низком уровне развитости данной операции не наблюдается ее значимой роли как фактора устойчивости личности.

Результаты сравнения отдельных шкал методики психологического благополучия по К. Рифф (показателей устойчивости личности к воздействию информации) в группах испытуемых с низким, средним и высоким уровнями развитости образного мышления представлены на рис. 2.

Метод парного сравнения средних с применением t-критерия Стьюдента выявил значимые различия испытуемых со средним и высоким уровнями образного мышления таких частных показателей устойчивости личности как:

- 1) «Самопринятие» ($t=-2.80$; $p\leq 0.01$), отмеченного цифрой 1 на рис. 2;
- 2) «Позитивные отношения с окружающими» ($t=-2.81$; $p\leq 0.01$) под цифрой 2 на рис. 2;
- 3) «Управление средой» ($t=-3.83$; $p\leq 0.001$), изображенного под цифрой 4 на рис. 2.

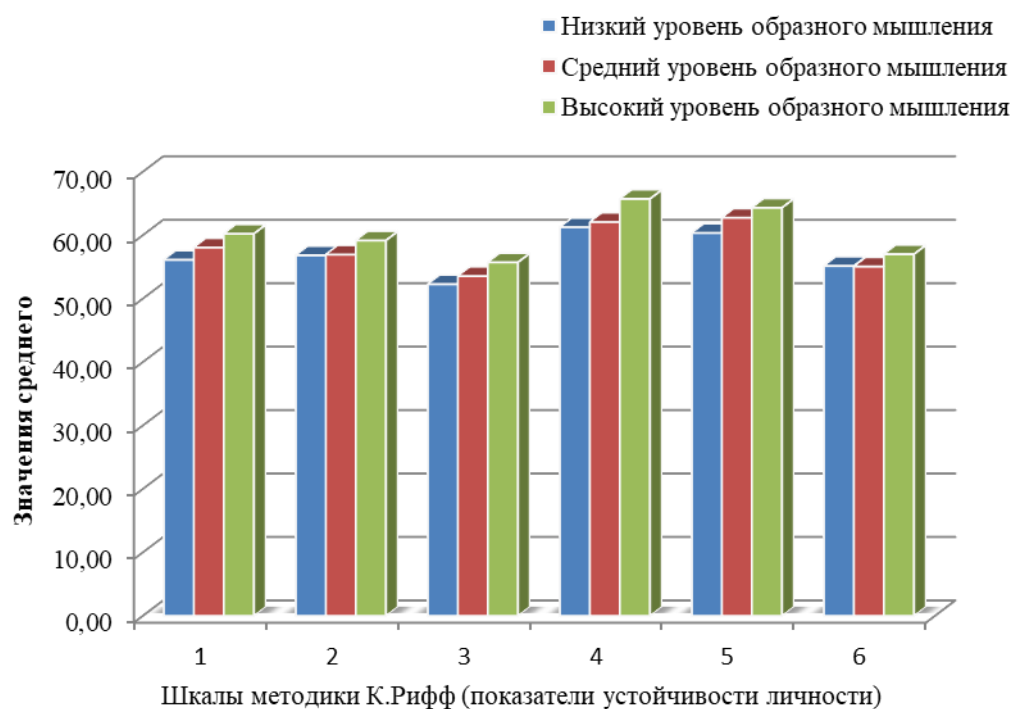

Рис. 2. Сравнение отдельных показателей устойчивости личности в группах испытуемых с разным уровнем образного мышления (шкала 1 – «Самопринятие», 2 – «Позитивные отношения с окружающими», 3 – «Автономия», 4 – «Управление средой», 5 – «Цель в жизни», 6 – «Личностный рост»)

Были выявлены значимые различия между испытуемыми с низким и высоким уровнями образного мышления по показателям «Самопринятие» ($t=-2.21$; $p\leq 0.05$), «Автономия» ($t=-2.09$; $p\leq 0.05$), «Управление средой» ($t=-2.87$; $p\leq 0.01$), «Цели в жизни» ($t=-2.44$; $p\leq 0.05$). По всем вышеперечисленным показателям устойчивости наибольшие различия прослеживаются у испытуемых со средним и высоким уровнями образного мышления. Данная закономерность уже была описана при анализе общего показателя устойчивости личности.

Парное сравнение дисперсий с применением F – критерия Фишера указывает на значимое снижение дисперсии у испытуемых в группах со средним и высоким уровнем развитости образного мышления по показателю устойчивости «Позитивные отношения с окружающими» ($F=1.71$; $p\leq 0.05$). Было выявлено значимое снижение дисперсии у испытуемых в группах с низким и высоким уровнями образного мышления по показателям «Позитивные отношения с окружающими» ($F=2.21$; $p\leq 0.01$), «Автономия» ($F=1.59$; $p\leq 0.05$), «Цели в жизни» ($F=2.08$; $p\leq 0.01$). Таким образом, в наибольшей мере в составе общего показателя устойчивости личности зависят от образного мышления «Позитивные отношения с окружающими», «Автономия», «Цели в жизни».

Заключение. Согласно полученным в ходе исследования данным, высокий уровень развития образного мышления сопутствуют высокому показателю устойчивости личности у испытуемых. Была выявлена связь между операциями образного мышления (образный синтез и образное манипулирование), общим показателем развитости образного мышления и общим показателем устойчивости личности по эмпирическим данным, в т.ч. шкалой «Автономия» и другими составляющими общего показателя, связанными с механизмами адаптации и саморегуляции личности. Данные результаты подтверждают теоретические положения о саморегуляции, как о сложном механизме поддержания устойчивости личности, который включает в себя процессы планирования, моделирования, программирования и оценки результатов собственных действий на образном уровне с помощью операций образного мышления.

Метод парного сравнения средних с применением t-критерия Стьюдента выявил значимые различия в уровне общего показателя устойчивости у испытуемых с низким и средним, а также средним и высоким уровнями образного мышления.

Обобщая полученные результаты, мы можем сделать вывод о том, что устойчивость личности к воздействию информации связана с уровнем развитости образного мышления у испытуемых. Конкретные операции образного мышления связаны с функционированием различных механизмов устойчивости личности.

Данные закономерности будут полезны для дальнейшей обработки данных экспериментального воздействия информации на испытуемых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божович Л.И. Устойчивость личности, процесс и условия ее формирования / Л.И. Божович // Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Симпозиум 35: Формирование личности в коллективе. – Москва, 1966. – С. 101–111.
2. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал / Д.А. Леонтьев // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 62. – С. 18–37.
3. Киселева И.В. проблема устойчивости личности к воздействию средств массовой информации / И.В. Киселева // Личностные и ситуационные детерминанты поведения и деятельности человека. Монография / Под общей редакцией А.В. Гордеевой, А.А. Кацера, М.И. Яновского. – Ростов-на-Дону, 2017. – С. 149–160.

4. Киселева И.В. Образное мышление: теоретический анализ современных подходов к изучению / И.В. Киселева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2018. – № 1. – С. 75–80.

5. Веккер Л.М. Мир психической реальности: структура, процессы и механизмы /Л.М. Веккер. – Москва: Издательское агентство «Русский мир», 2000. –512 с.

6. Киселева И.В. Результаты исследования образного мышления как фактора устойчивости личности к воздействию средств массовой информации / И.В. Киселева // Актуальные проблемы реализации социального, профессионального и личностного ресурсов человека. Материалы III Всероссийской (заочной) научно-практической конференции с международным участием. – 2015. – С. 90–97.

7. Киселева И.В. Теоретический обзор механизмов устойчивости личности к воздействию средств массовой информации / И.В. Киселёва // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность сборник статей Международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 221–227.

Поступила в редакцию 10.02.2021 г.

ROLE OF IMAGINATIVE THINKING IN PERSONALITY STABILITY

I.V. Kiseleva

The article addresses dependence of personality resilience to the impact of information on the level of imaginative thinking. The criteria of a person's resilience to the information impact are singled out. The empirical data analysis enables to establish a correlation between the operations of imaginative thinking (figurative synthesis and figurative manipulation), a general indicator of imaginative thinking and a general indicator of a personality resilience.

Key words: personality resilience to the information impact, imaginative thinking, figurative synthesis, figurative manipulation.

Киселёва Ирина Владимировна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Старший преподаватель кафедры психологии.

E-mail: irema.psy@yandex.ru

Kiseleva Irina Vladimirovna.

Donetsk National University.

Senior Lecturer of Department of Psychology.

E-mail: irema.psy@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4–8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, korobova.lat@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;
2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.
3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.
4. Абзацный отступ — 1 см.
5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);
6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе воздвиг нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, можно, пора*;
7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом **под**, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристрастные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).
- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.
---	---

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание		

(если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3–5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора) для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (korobova.lat@gmail.com).

.

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2021. – № 2

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 10.05.21
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 10,22
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.